Гуманитарная парадигма

№ 4 (7)

2018

humparadigma.ru

ISSN: 2523-4218 (online)

Электронный научный журнал — сетевое издание

Гуманитарная парадигма

№ 4 (7) — декабрь 2018 года

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлечёнными редакцией экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг читателей: учёных, преподавателей, специалистов-практиков, студентов, магистрантов, участников научно-исследовательской, культурной, музейной, просветительской работы.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — кандидат филологических наук
Людмила Нодариевна Икитян.

Журнал издаётся с июня 2017 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70608 от 03.08.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Ялта, пгт. Кореиз, Республика Крым. Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Л. Н. Икитян.

Периодичность: 4 раза в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте http://humparadigma.ru
E-mail редакции: red@humparadigma.ru

При оформлении обложки использована работа художника KleineKiwi (https://pixabay.com/en/christmas-angel-hope-3853935/) по публичной лицензии «Creative commons CC0».

Редакционный совет

Икитян Людмила Нодариевна — главный редактор, кандидат филологических наук, Межрегиональный институт развития территорий (Ялта)

Члены редакционного совета:

Боева Галина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург)

Борисова Людмила Михайловна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Ишин Андрей Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Красильников Роман Леонидович — доктор филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой теории, истории культуры и этнологии, Вологодский государственный университет (Вологда)

Хакимова Елена Мухамедовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика и массовые коммуникации», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск)

Зябрева Галина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Синько Галина Иосифовна — кандидат философских наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, г. Пушкин)

Хоменко Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и русская литература», Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет (Севастополь)

Шалина Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Евпатория)

Содержание

Язык в социокультурной парадигме

Руденко Ж. А. **7**
Курьёзы в ономастике, или Офицеры-подводники на службе
её величества топонимики

Габриелян А. М. **15**
Родной язык в сфере среднего образования Крыма как отражение
языковой картины полуострова

Хакимова Е. М. **33**
Об инструментах продвижения организации в интернете (на примере
НКО «Гринпис России»)

К 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева

Моря Л. А. **38**
Пространственный образ деревни и лексические средства его создания
в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»

Русская литература: текстология, интермедиальность, география и биография

Миленко В. Д. **48**
«Нечто вроде лекции о юморе»: Неизвестная рукопись А. Т. Аверченко

Матвеева М. С. **64**
Визуальная поэзия — биологический вид творчества. Статья первая

Долгополова Ю. Г. **85**
Проект «Чеховская карта мира» – Крым

Научное сообщение-презентация

Икитян Л. Н., Боева Г. Н. **91**
«...Делать свою литературную карьеру ... сызнова»: 4-й том Полного
собрания сочинений и писем Леонида Андреева

История и культура Крыма

Кузьмина Л. Л. **99**
Процесс формирования категории крепостного крестьянства в Крыму
и его положение в конце XVIII – первой половине XIX веков

Громова Н. Ф. **108**
Национальные школы Таврической губернии в XIX веке и проблема
внедрения в них русского языка

Кадырова М. Р. **120**
Ладовые и ритмические особенности крымскотатарской народной музыки

Педагогика и методика

Калайджян Т. В. **132**
Учебно-исследовательская деятельность младших школьников как объективная необходимость

Воробьёва О. В., Шаматова Ю. Ю. **137**
«Свобода — это возможность сказать, что дважды два — четыре»: внеклассное мероприятие для VIII класса (методическая разработка)

Хроника

Шалина М. А. **147**
«Филология в основе ... всей человеческой культуры»

Авторам

154

Contents

Language in the sociocultural paradigm

Rudenko Zh. A. 7
Curiosities in onomastics, or Submarine officer in the service of her majesty's toponymy

Gabriyelyan A. M. 15
The child's native language in the field of secondary education in Crimea

Khakimova E. M. 33
About corporate tools of internet promotion (on the example of NPO «Greenpeace of Russia»)

To the 200th anniversary of the birth of I. S. Turgenev

Morya L. A. 38
Spatial image of villages and lexical means of its creation in I. Turgenev's novel «The Noble Nest»

Russian literature: textology, intermedia, geography and biography

Milenko V. D. 48
«Something like a lecture about humor»: The unknown manuscript of A. T. Averchenko

Matveyeva M. S. 64
Visual poetry — biological view of creativity. Article one

Dolgopolova Yu. G. 85
Project «Chekhov worldmap» — Crimea

Scientific presentation message

Ikityan L. N., Boeva G. N. 91
«...To make its literature career almost again»: 4th volume of the Complete Works and Letters of Leonid Andreev

History and Culture of Crimea

Kuzmina L. L. 99
The process of formation of the category of serfdom in the Crimea and its position in the late XVIII century – the first half of the XIX century

Gromova N. F. 108
From the history of the distribution of the Russian language in national schools of the Tavric government in the XIX century

Kadyrova M. R. 120
The modal features and rhythmic peculiarities of Crimean Tatar people music

Pedagogical studies

Kalaydzhyan T. V. **132**
Teaching and research activities of younger students as an objective necessity

Vorobyova O. V., Shamatova Y. Y. **137**
«Freedom is an opportunity to say that two by two — four»: extra-class event for VIII class (methodical development)

The Chronicle

Shalina M. A. **147**
«Philology at the heart of ... the whole of human culture»

For Authors

154

ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ

УДК 81`373.217

Руденко Жанетта Анатольевна
Старший преподаватель,
кафедра «Русского языка и русской литературы»,
Гуманитарно-педагогический институт,
Севастопольский государственный университет;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: riv1953@ya.ru

КУРЬЁЗЫ В ОНОМАСТИКЕ, ИЛИ ОФИЦЕРЫ-ПОДВОДНИКИ НА СЛУЖБЕ ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА ТОПОНИМИКИ

Статья посвящена исследованию уникального в истории Севастополя топонима Голландия и эргонимов Морской кадетский корпус, Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище. Прослеживается роль этих онимов в формировании историко-культурного облика города Севастополя и географических названий Мурманской области.

Ключевые слова: *Севастополь, Голландия, Морской кадетский корпус, Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище, Кольский полуостров, Ура-губа, офицеры-подводники.*

Zhanetta A. Rudenko
Senior lecturer
Department of Russian language and Russian literature,
Humanitarian-pedagogical Institute,
Sevastopol state University;
Russian Federation, Sevastopol

CURIOSITIES IN ONOMASTICS, OR SUBMARINE OFFICER IN THE SERVICE OF HER MAJESTY'S TOPONYMY

Abstract. *The article is devoted to the study of the unique in the history of Sevastopol place name Holland and ergonyms Naval cadet corps, Sevastopol higher naval*

engineering school. The role of these names in the formation of historical and cultural image of the city of Sevastopol and geographical names of the Murmansk region is traced.

Key words: *Sevastopol, Holland, Naval cadet corps, Sevastopol higher naval engineering school, Kola Peninsula, Ura-Guba, submarine-officers.*

Для цитирования:

Руденко, Ж. А. Курьёзы в ономастике, или Офицеры-подводники на службе её величества топонимики // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 7–14.

Сей колыбели атомного флота,
С дворцовым обликом и россыпями роз —
Моя любовь и вся моя работа
С курсантских лет и до седых волос.
Пусть перед нами новые задачи,
И груз забот сильнее во сто крат,
Мы победим, не может быть иначе,
Виват моя Голландия, виват!

Выпускник СВВМИУ, капитан 1 ранга,
профессор Ю. М. Быковский

В 1971 году курсанты 1 курса первого (атомного) факультета Севастопольского высшего военно-морского училища (СВВМИУ) проходили морскую практику на крейсере «Дзержинский». Главком ВМФ СССР С. Г. Горшков, проводя строевой смотр на корабле и обходя строй курсантов, спросил одного из их числа курсанта СВВМИУ: «В каком училище обучаетесь, товарищ курсант?» Ответ последовал незамедлительно: «В Голландии, товарищ адмирал флота Советского Союза!» Главком начал выяснять у сопровождающих его офицеров, почему он не знает, что в военно-морских учебных заведениях СССР уже начали обучаться курсанты из Голландии? ...и через много лет после этого в сентябре 2013 года в одной из программ телевидения было заявлено, что «...бухта Голландия называется так потому, что там жили голландцы!?» [2].

Крейсер «Дзержинский» в Севастополе, сентябрь 1979 года. Фото с сайта ЭтоРетро.ру

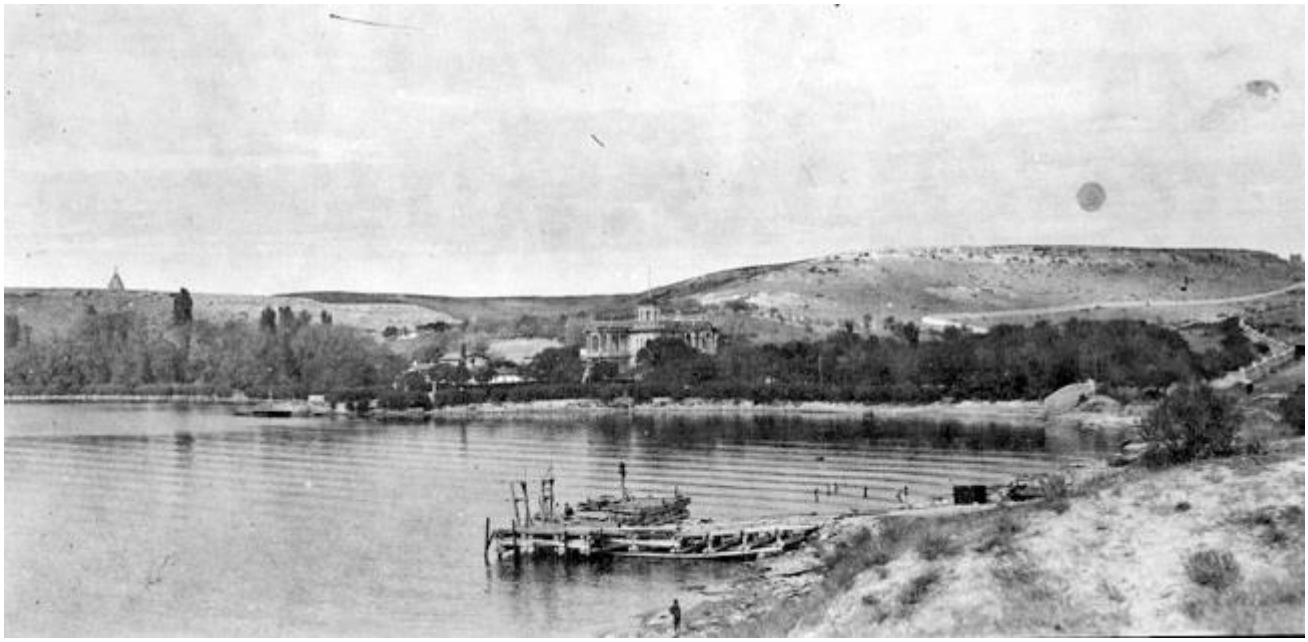
На самом деле название этой бухты Севастополя связано с так называемой Новой Голландией — находившимся в крепости Кронштадт складом корабельного леса, прозванным так за то, что там жили и работали голландские мастера, приглашённые ещё Петром I для строительства города и флота.

Как известно, русский император, стремясь превратить Россию в морскую державу и начав в юности с потешных судов, в дальнейшем

отправился под именем Петра Михайлова, урядника Преображенского полка, обучаться морскому делу в Голландию. Там же постигали эту науку и более 20 молодых российских дворян. Но специалистов не хватало, тогда Пётр I стал приглашать в Россию лучших голландских мастеров, которые обосновались в Кронштадте, а место их проживания назвали Новой Голландией.

Пётр I на строительстве Санкт-Петербурга. Неизвестный автор, гравюра XVIII века

Когда основали Севастополь, то для «вновь заводимого» Черноморского флота понадобилось много лесоматериалов, которые везли из Николаева и Херсона. Единственная дорога из Симферополя в Севастополь в то время выходила на Северную сторону города, поэтому лес подвозили к наиболее удобной бухте, из которой его отправляли в Адмиралтейство, в Килен-бухту и бухту Корабельную. Лесной склад на Северной стороне прибывшие с Балтики моряки по аналогии с северной Пальмирой окрестили Голландией, а за ними и все горожане стали использовать такое название. Постепенно этот топоним закрепился за балкой, бухтой, затем и пристанью.



Бухта Голландия. В центре дача Командующего Черноморским флотом Г. П. Чухнина. Фото XIX века.

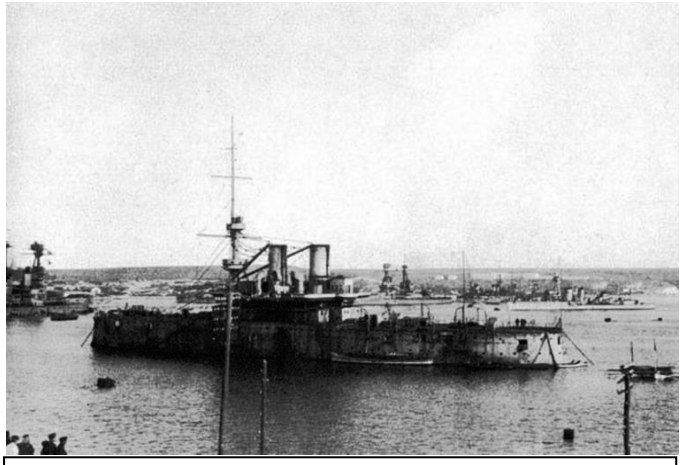
В книге «Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году» О. Шишкина описывает Голландию так: «Отправившись… обедать

на казённую адмиральскую дачу, Новая Голландия, мы прошли по водопроводу в пробитый в горе канал (туннель) для доставления воды из Чёрной речки в новую цистерну и в корабельные бассейны. Ещё водопровод при здешнем загородном саде в прекрасной лощине, по здешнему балке, между двумя горами, названной в память некогда бывшего командира порта Ушаковой балкой. Там в назначенные дни танцуют в просторной и высокой зале с хорами, на которых играют музыканты… Пристань у самого водопровода, белые арки которого издалека рисуются в темной зелени, а из сада сквозь их видно море…

Ночь была чудесная; звёзды, как крупные алмазы, блестевшие на небе, не отражались в зеркальном море, но берег его, как тёмная рама, отделял его от неба. Дружные удары вёсел взбрасывали около нас густую серебряную пену. И мы покойно и быстро подвигались вперёд между стоящим флотом… не могу вообразить, чтобы в Греции или Италии были ночи прелестней этой Севастопольской.

Мы вышли у Екатерининской пристани, широкой и величественной, хотя и невысокой. Её очень украсят приготовленные для неё колонны. Против неё так называемый дворец, небольшой домик, в котором останавливалась Екатерина II и откуда она впервые увидела созданный здесь князем Потёмкиным флот…» [4].

Позорная гибель флота и поражение России в русско-японской войне оказались важными для бухты Голландия, на берегу которой было решено построить Морской кадетский корпус для подготовки морских офицеров. Закладка корпуса состоялась 23 июня 1915 года, а его гардемарины, пока шло строительство, занимались в зданиях, возведённых на берегу бухты [3]. Революционные события 1917 года изменили судьбу этого учебного заведения: 30 октября 1920 года баржа, гружённая имуществом Морского корпуса, отшвартовалась к стоящему в южной бухте линкору «Генерал Алексеев». Личный состав навсегда покинул родное учебное заведение и вместе с другими офицерами ушёл из Севастополя в африканскую Бизерту (Тунис)[1]. (Автору этих



Линкор «Генералъ Алексеевъ» в Северной бухте Севастополя. Фото с сайта Kreiser.unoforum.ru

[1] Подроб. об этом мы писали в статье Руденко, Ж. А. Русские экклезионимы на африканском берегу // Гуманитарная парадигма. 2018. № 2(5). С. 65–71.

строк пришлось обучать тунисского студента Фкиха Арби, и после его знакомства с историей, связавшей наши страны и два города, сам он родом из города Монастыр, араб заплакал, сказав, что он и представления не имел о той трагедии, которая разыгралась на этой земле в этих стенах).

Не знали этой истории и гардемарины XX века — курсанты Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища (СВВМИУ), открывшегося на месте бывшего Кадетского корпуса в 1951 году. К сожалению, и судьба СВВМИУ тоже оказалась печальной: выпустив 10,5 тысяч морских офицеров (которые и стали называть себя и называют до сих пор голландскими), училище прекратило существование с распадом СССР. И как гардемарины прошлого, советские курсанты с горечью покинули родные стены, продолжив обучение в других учебных заведениях [1]. Последний адмирал училища М. В. Коротков жаловался автору этих строк на выпавшую ему печальную долю по выполнению горькой исторической миссии.

Рота 351 на фоне здания СВВМИУ. Выпуск 1981. Автор: Марс Ямалов. Сайт СВВМИУ.ru

Судьба последующих гражданских учебных заведений тоже оказалась сложной, неизвестно будущее всеми любимой Голландии и сегодня.

Если вы едете в посёлок Голландия по маршруту «Северная — Голландия», то при съезде с трассы Северная – Симферополь, на повороте увидите указатель — «Университет Голландия».

Желая сохранить память, топоним Голландия отобразили в барельефе памятного знака и медали, изготовленных в монетном дворе Санкт-Петербурга, на фоне всем знакомого фронтона. Правда, на медали рядом с СВВМИУ изображена атомная подводная лодка, которой на самом деле в Чёрном море никогда не было, но это указание на специальность, которую получали в этом вузе курсанты.

Памятный знак к 60-летию СВВМИУ

Памятная медаль «Севастопольское ВВМИУ»

С высоты птичьего полета здание университета напоминает орла, распростёршего крылья и улетающего в вечность. Под его тёплыми «крыльями» «птенцы-голландцы» будут

собираться до тех пор, пока будет известна история странного имени Голландия.

Университет Голландия (вид сверху).
Здание построено по проекту архитектора А. А. Венсана. *Фото из книги В. Н. Бойко [2].*

Выпускники СВВМИУ всегда ценились в военно-морской среде не только как высокопрофессиональные специалисты, но и как творческие личности. Многие из них писали и пишут книги о родном вузе, истории их дивизий, пишут стихи. Этому способствовало то, что адмиралы СВВМИУ, особенно М. А. Крастелёв, уделяли воспитанию культуры будущих офицеров самое серьёзное внимание (кстати, именно питомцы Крастелёва не так давно сделали ему на пожертвования от многих выпускников мраморный памятник в форме самого здания — уникальнейший в своем роде). На сцене актового зала Голландии выступали В. Высоцкий, А. Пахмутова, Добронравов, Дружников и многие другие. Долгое время выпускался поэтический сборник, существовала прекрасная самодеятельность.

Многоцелевая атомная подводная лодка проекта 671 «Ерш». Фото с сайта История Военно-Морского Флота России http://www.navy.su/navysub1945/671/images/671_03.jpg

На далёких холодных берегах Баренцева моря, куда получали назначение молодые офицеры-голландцы, они продолжали заниматься творчеством, в том и числе и словесным, интересовались историей края, в который попали служить, и вносили свою лепту. Курьёзы случались и здесь, так как на Кольском полуострове тоже живут своего рода иностранцы, инофоны, только не

из Голландии, а представители малочисленного народа — саамы, со своей историей и языком. Интересный лингвистический факт можно отметить, когда старое саамское название осваивалось морскими офицерами, ничего не ведавшими ни о языке, ни о самом народе и его культуре. Курьёз случился с топонимом Ура-губа. Значение слова Ура затемнено, так как произошло переосмысление неизвестного русским саамского слова «урак», что означает ‘олень второгодок’, а само название на саамском языке как озеро оленя-второгодка.

Неизвестный автор, офицер-подводник, написал шутливое стихотворение, связанное с судьбой морских офицеров и самого места, не подозревая о истинном значении этого топонима:

На далёком Севере на хмуром
Есть губа такая братцы Ура:
Нет там женщин, нет там водки,
Там стоят одни красотки —
Это наши атомные лодки.

И живём братишки мы не тужим,
Родине-Отчизне верно служим.
Офицерам и старшинам,
Сундукам, гардемаринам
Хорошо на нашей субмарине.

Скоро воду бомбами взрывая,
Грянет третья бойня мировая.
Мы ж на всё махнём рукою
И уйдём на дно морское,
Позабыв на свете все людское.

<…>

И когда окончится шальная
Эта третья бойня мировая,
Песню дружную мы грянем
И всплывем из этой ямы,
И на Уру курс возьмём мы прямо.

Подойдем мы к Уре осаждённой,
И на её сопках заражённых
Снова грянет пир великий.
Будут радостные крики,
Губы залоснятся от черники.

Слава всем подводникам весёлым!
Слава торпедистам и минёрам! <…>.

Так военно-морские инженеры внесли свой посильный вклад в топонимику России, ведь географические названия — это своего рода исторические памятники, отражающие жизнь и деятельность человека.

Литература

1. Боднарчук, В. Севастопольской Голландии — 100 лет [Электронный ресурс] // Liveinternet. 2015. 18 июня. URL: https://www.liveinternet.ru/community/5643488/post367313798/

2. Бойко, В. История бухты Голландия в Севастополе. М. : Горизонт, 2016.

3. Бойко, В. Морской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича корпус в Севастополе. М. :Изд-во СПД Бакулин В. А., 2013. 640 с.

4. Шишкина, О. П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году : в 2 т. Т. 1. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1848. 288 с.

~

УДК 323:81

Габриелян Арус Манвеловна
Аспирант,
кафедра политологии и международных отношений,
Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: arusia@bk.ru

РОДНОЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ ПОЛУОСТРОВА

Целью статьи является изучение языковой ситуации в сфере образования Республики Крым, а также выявление обстоятельств, влияющих на формирование современной системы образования в рамках обучения (изучения) родных языков в Крыму. В рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) автором статьи весной 2018 года проведено полевое исследование, включающее в себя глубинное интервьюирование администрации и сотрудников общеобразовательных школ г. Симферополя; сравнительный анализ нормативно-правовых документов Республики Крым и локальных актов учебных заведений по вопросам изучения, преподавания языков и обучения им в общеобразовательных заведениях полуострова. Автор рассматривает вопросы значения, роли и места родного языка (в основном украинского и крымскотатарского) в языковой политике в сфере среднего образования Крыма.

Ключевые слова: языковая политика; языковая ситуация; среднее образование; родные языки в школах Крыма; русский язык; украинский язык; крымскотатарский язык.

Arus M. Gabriyelyan
PhD student,
Department of Political Science and International Relations,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russia, Simferopol

THE CHILD'S NATIVE LANGUAGE IN THE FIELD OF SECONDARY EDUCATION IN CRIMEA

Abstract. The purpose of the article is to study the language situation in the field of education of the Republic of Crimea, as well as to identify the circumstances affecting the formation of the modern education system in the framework of teaching (learning) of native languages in Crimea.

In the framework of the Russian Humanitarian Scientific Foundation project, in the spring of 2018, the author of the article conducted a field study, which included in-depth interviewing of the administration and employees of secondary schools in Simferopol; comparative analysis of the legal documents of the Republic of Crimea and local acts of educational institutions, teaching languages and teaching them in general educational institutions of the peninsula. The author examines the issues of the meaning, role and place of the native language (mainly Ukrainian and Crimean Tatar) in the language policy in the field of secondary education in Crimea.

Key words: language policy; language situation; secondary education; native languages in schools of Crimea; Russian language; Ukrainian language; Crimean Tatar language.

Для цитирования:

Габриелян, А. М. Родной язык в сфере среднего образования Крыма как отражение языковой картины полуострова // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 15–32.

Одним из аспектов языковой политики страны является взаимодействие с обучающими институтами (общее образование, высшая школа, наука) государственной образовательной системы. Реализуемая через данные структуры языковая политика государства главной своей целью ставит нахождение контактов с представителями различных языковых групп, их регулирование: предупреждение и разрешение конфликтов, возможных в случаях необоснованного преувеличения или подавления роли тех или иных языков в обществе.

Языковые процессы, на наш взгляд, являются частью процессов, выражающих социальные изменения в обществе. Отследить их динамику позволяют исследования, проводимые в режиме мониторинга. В рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Языковая политика в Крыму. Ретроспектива и перспектива» автором статьи весной 2018 года было проведено исследование проблем преподавания языков и процесса обучения им в общеобразовательных заведениях Крыма. В качестве основного метода сбора эмпирических данных использовалось интервьюирование администрации и педагогических работников общеобразовательных школ города Симферополя, а также анализ организации и реализации процесса изучения родных языков и обучения на родных языках в крымских школах. В ходе исследования осуществлялся сравнительный анализ документов, в том числе данных нормативно-правовой базы Министерства образования, науки и молодёжи Республики Крым, изучение локальных актов учебных заведений (в том числе уставов школ, положений о

«языках обучения», учебных программ по языкам, учебных планов, контингентов учащихся). Автором использовались методы включённого наблюдения за процессом обучения и изучения родных языков в ходе уроков в классах с обучением на языке, отличном от русского, и внеклассных занятий.

Основная задача исследования сводилась к получению информации по следующим аспектам языковой ситуации в сфере среднего образования Крыма:

– место государственных и других («родных») языков в социально-коммуникативной системе крымских школ;

– характер социально-языковых предпочтений школьников, их родителей (законных представителей);

– степень мотивации школьников к изучению родного языка;

– степень владения учениками родными/государственными языками Крыма;

– достижения и сложности в процессе изучения и обучения родным языкам;

– позиция администрации школ по отношению к изучению государственных/родных языков в учреждениях среднего образования Крыма;

– условия обучения родному языку, предоставляемые образовательными учреждениями, в том числе наличие материально-технической базы и т. д.

Массив выборочной совокупности составил 6 общеобразовательных школ г. Симферополя. Выборка школ осуществлялась с учётом следующих характеристик учебных заведений:

1) школы (классы) с языком обучения на крымскотатарском языке,

2) школы (классы) с языком обучения на украинском языке,

3) школы (классы) с изучением крымскотатарского, украинского и других языков в рамках внеурочной деятельности.

Исследование включает в себя раскрытие следующих вопросов в рамках поставленных задач: количество детей, изучающих родные языки или обучающихся на языке отличном от русского; наличие национальных школ в Крыму; процесс осуществления права на выбор языка обучения; наличие учебно-методической литературы по изучению (обучению) родных языков; контингент учащихся и спрос, а также факторы, влияющие на его формирование; достижения в области изучения родных языков.

Раскрытие данных тем, а также объём изученных материалов позволяет дать характеристику языковой ситуации в сфере образования Крыма, в частности современной системы образования в рамках обучения (изучения) родных языков в школах полуострова.

Школы Крыма с изучением родных языков и обучающие на языках, отличных от русского

Согласно данным Министерства образования, науки и молодёжи Республики Крым [3] в 2017–2018 учебном году в 527 муниципальных общеобразовательных организациях Республики Крым обучалось 196,5 тыс. детей. Из них на крымскотатарском языке — 5,6 тыс. (3%), на украинском — 318 учащихся (0,2%).

В 2017–2018 учебном году в Крыму насчитывалось 15/16[2] общеобразовательных организаций с крымскотатарским языком обучения — 202 класса, 3753 учащихся. На базе общеобразовательных учебных заведений с русским языком обучения открыты классы с крымскотатарским языком обучения (в 31 школе 133 класса, 1879 учащихся). В рамках исследования школ с крымскотатарским языком обучения нами была изучена МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 42 имени Эшрефа Шемьи-заде» в г. Симферополе (школа с русским и крымскотатарским языками обучения).

В Республике Крым на начало 2018–2019 учебного года функционирует 1 общеобразовательная организация с украинским языком обучения (9 классов, 146 учащихся) в г. Феодосии. На базе общеобразовательных учебных заведений с русским языком обучения открыты классы с украинским языком обучения (в 7 школах 13 классов, 172 учащихся). В г. Симферополе общеобразовательной организации с украинским языком обучения на сегодняшний день нет, однако Симферопольская академическая гимназия, (до 2014 года — украинская школа-гимназия) — единственное в г. Симферополе и Симферопольском районе учебное заведение, где по-прежнему сохраняются классы с украинским языком обучения. В рамках исследования работа именно этой школы и стала объектом нашего внимания.

Также объектом исследования была выбрана Средняя общеобразовательная школа № 29 имени маршала Г. К. Жукова — единственная школа г. Симферополе, имеющая одновременно классы с русским, крымскотатарским и украинским языком обучения. В таких школах, как МБОУ «Гимназия № 1 имени К. Д. Ушинского»; «Школа-лицей» № 3 имени А. С. Макаренко; МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 7 имени А. В. Мокроусова» изучение родных языков представлено в учебных планах в различных формах — как учебный предмет, углубленно, факультативно, во внеурочной деятельности. Данные учебные заведения также были отобраны для изучения рамках данного исследования.

[2] 15 школ согласно официальной статистике Министерства образования Крыма [3], но 16 школ согласно Решению коллегии Министерства образования Крыма [4].

В общеобразовательных заведениях Республики Крым в различных формах организовано изучение следующих родных языков:

– крымскотатарский — 21,6 тыс. учащихся,
– украинский — 10,6 тыс. учащихся,
– армянский — 97 учащихся,
– болгарский — 73 учащихся,
– греческий — 343 учащихся (из них как родной изучают 94 школьника, как второй иностранный — 249),
– немецкий — 58 учащихся.

В соответствии с законодательными документами Республики Крым по вопросам обучения (изучения) родным языкам общеобразовательные организации в рамках своих учебных заведений имеют право на введение предмета по изучению одного или нескольких языков из числа государственных языков Крыма как обязательного предмета, при этом изучение крымскотатарского и украинского языков не является обязательным для всех учащихся региона. Язык образования определяется локальными нормативными актами в каждой конкретной школе (согласно Закону об образовании в РФ [5]). Так, согласно положениям о языках обучения, а также Уставам школ, языками обучения в школе № 42 имени Эшрефа Шемьи-заде являются русский и крымскотатарский языки; в Симферопольской академической гимназии — русский и украинский; в школе № 29 имени маршала Г. К. Жукова — русский, крымскотатарский и украинский, в оставшихся трёх исследуемых нами школах языком обучения является русский язык.

Динамика спроса на изучение/обучение на родном языке. Контингент учащихся

Динамика численности общеобразовательных организаций с крымскотатарским, украинским языками обучения, а также количество обучающихся в них за последние четыре года (в российском Крыму) претерпела существенные изменения. Согласно данным Министерства образования Крыма, в целом по республике количество учащихся в классах с крымскотатарским языком обучения увеличилось на 17%, в классах с украинским языком обучения уменьшилось на 84%. В ходе интервьюирования большинство его участников отметило наблюдаемый в последние годы рост спроса или отсутствие изменений в количестве обучающихся на крымскотатарском языке и его изучения в рамках внеурочной деятельности, в то время как всеми респондентами отмечалось резкое падение спроса на

изучение украинского языка. Динамика количества обучающихся на государственных языках Крыма представлена в таблице 1.

Таблица 1 — Динамика обучающихся на государственных языках Крыма.

Учебный год	Общее количество обучающихся	Из них количество детей, обучающихся на языках:		
		русском	крымскотатарском	украинском
2014–2015	184 869	177 984 (96,2%)	4 895 (2,7%)	1 990 (1,1%)
2015–2016	182 912	177 183 (96,9%)	4 835 (2,6%)	894 (0,5 %)
2016–2017	188 500	182 747 (96,8%)	5 382 (3%)	371 (0,2%)
2017–2018	208 174	201 982 (96,9%)	5 835 (3%)	318 (0,1%)

Численность обучающихся в школе № 42 имени Эшрефа Шемьи-заде увеличивается. До 2014 года в этой школе число классов с обучением на крымскотатарском языке было значительно меньше, чем с обучением на русском (всего 3–4 класса). В последние годы отмечается значительное пополнение количества учащихся за счёт детей из других городских школ, желающих перейти в эту школу в силу своего желания (или желания родителей) изучать крымскотатарский язык. За последние несколько лет в эту школу (в основном в классы с изучением крымскотатарского языка) поступают также дети из материковой России, хорошо осознавая, что будут изучать крымскотатарский язык как обязательный предмет с 1 по 11 классы.

Класс с крымскотатарским языком обучения Средней общеобразовательной школы № 42 имени Эшреф Шемьи-заде г. Симферополя.

Совершенно иное положение дел со спросом на изучение украинского языка. В Симферопольской академической гимназии, прежде единственной в г. Симферополе школе (гимназии) с украинским языком обучения, где до 2014 года обучение велось исключительно на украинском языке, существовал запрет разговаривать на русском даже на переменах и вне классных кабинетов, а изучение русского языка учебной программой не предусматривалось. Согласно публикуемым на сайте Украинского центра качества образования подсчётам результатов внешнего независимого оценивания (ВНО), украинская школа-гимназия занимала первое место среди всех школ Крыма по наличию украинского языка в образовательном процессе. После 2014 года гимназия встала на путь изменений концепции образования для адаптации к новой языковой политике в Крыму. На сегодняшний день (2017–2018 учебный год) в ней имеется 40 классов-комплектов, пять из которых (85 человек) с украинским языком обучения. По словам директора школы, каждый год выпускается один класс, соответственно становится на один класс с украинским языком обучения меньше. Вначале 2015–2016 учебного года поступило только одно заявление на обучение первоклассников на украинском языке. Поэтому ни один первый класс с украинским языком обучения открыт не был.

Средняя общеобразовательная школа № 29 имени маршала Г. К. Жукова г. Симферополя является одной из немногих школ, где представлены классы с обучением на всех государственных языках Крыма. На 2017–2018 учебного года в ней сформировано 44 класса, среди которых:

1) с русским языком обучения — 32 класса;
2) с русским языком обучения с изучением крымскотатарского языка группой учащихся класса — 1 класс;
3) с русским языком обучения с изучением украинского языка всеми учащимися класса — 1 класс;
4) с русским языком обучения с изучением крымскотатарского языка всеми учащимися класса — 6 классов;
5) с русским языком обучения с изучением родного языка (крымскотатарского или украинского) — 1 класс;
6) с украинским языком обучения — 1 класс;
7) с крымскотатарским языком обучения — 2 класса.

По словам директора, классы с обучением на украинском языке сокращаются с каждым годом. Классы с обучением на крымскотатарском выросли по количеству учеников, что «скорее связано с тем, что школа находится в районе компактного проживания крымских татар». Средняя наполняемость классов — от 12 до 20 учеников.

До 2014 года в каждой параллели были классы с обучением на крымскотатарском и украинском языке в соотношении 2/1/1 (два русских, один украинский, один крымскотатарский класс). Динамику количества обучающихся на крымскотатарском и украинском языках наглядно иллюстрируют представленные ниже графики.

График 1. Динамика спроса на обучение в классах с крымскотатарским языком обучения в Средней общеобразовательная школе № 29 имени маршала Г. К. Жукова, г. Симферополь

График 2. Динамика спроса на обучение в классах с украинским языком обучения в Средней общеобразовательная школе № 29 имени маршала Г. К. Жукова, г. Симферополь

Относительно изучения родного языка в общеобразовательных учреждениях Крыма в рамках внеурочной деятельности (см. таблицу 2), то согласно данным Министерства образования Крыма по сравнению с 2014–2015 учебным годом количество изучающих крымскотатарский язык и литературу осталось почти неизменным, изучающих украинский язык и литературу — уменьшилось на 73%.

Таблица 2 — Динамика спроса на изучение родных языков.

Учебный год	Общее кол-во обуча-ющихся	Из них количество детей, изучающих родные языки:					
		армян-ский	болгарский	грече-ский	крымско-татарский	немецкий	украин-ский
2014–2015	184869	80	87	196	21 400 (11,5%)	68	39 100 (21%)
2015–2016	182912	76	86	135	22 100 (12%)	68	22 700 (12%)
2016–2017	188500	54	62	136	19 300 (10%)	56	12 900 (7%)
2017–2018	208174	97	73	343	21 600 (10%)	58	10 600 (5% от общего кол-ва учащихся)

В подтверждение представленных выше данных отметим, что большинство руководителей школ отметило стабильный спрос или незначительное увеличение спроса на изучение крымскотатарского языка в рамках внеурочной деятельности, а также стабильный спрос или сокращение желающих изучать украинский язык. При этом в некоторых школах разрыв между количеством учеников, изучающих крымскотатарский язык как родной, в несколько раз выше количества желающих изучать украинский, при этом в некоторых школах такой разрыв невелик. Как правило, в каждой параллели создается одна группа по изучению родного языка, и это в большинстве своём составляет 10% от всего количества учеников в параллели.

В Симферопольской академической гимназии в каждой параллели (в классах с русским языком обучения) организованы группы изучения родных языков. Это 8 групп изучения украинского языка и 7 групп изучения крымскотатарского языка. В группах приблизительно 8–10 человек. То есть в 2017–2018 учебном году украинский в рамках внеурочной деятельности изучало около 80 человек, крымскотатарский — около 70 человек.

В рамках внеурочной деятельности «Гимназии № 1 имени К. Д. Ушинского» г. Симферополя изучается крымскотатарский язык и

крымскотатарская литература (как отдельный предмет): данные предметы изучаются во всех 5-х классах (4 класса), 6-х классах (4 класса); 7-х классах (6 классов с 7-А по 7-Е). Формируется сборная группа из разных классов в параллели. При этом группы насчитывают около 10 человек (10 человек в группах по изучению языка, 10 по изучению литературы). Как правило, те же дети, которые посещают занятия по языку, посещают занятия и по литературе. Украинский язык изучается с 1 по 4 класс в рамках внеурочной деятельности (1 урок в неделю). В каждой параллели есть свой учитель украинского языка (всего 4 учителя). Это учителя начальной школы, которые до 2014 года вели украинский язык как предмет. В 2017–2018 учебном году в начальной школе 56 учеников изучают украинский язык, а 60 учеников — крымскотатарский язык.

В сравнении с периодом до 2014 года спрос на изучение крымскотатарского языка администрация школы оценивает как растущий. Украинский язык до 2014 года был обязателен к изучению, поэтому для администраций школ сложно сравнивать динамику спроса на украинский язык до 2014 года и сейчас.

В «Школе-лицее» № 3 имени А. С. Макаренко крымскотатарский язык до 2017 года не изучался, введён в учебный план в рамках внеурочной деятельности с 2017–2018 учебного года. Украинский ранее (до 2014 г.) изучался здесь как учебный предмет и функционировал как язык обучения. Статистика показывает достаточно стабильное с 2014 года количество групп и детей. По 3 группы изучения в начальной школе и по 3 группы в старшей школе (по изучению крымскотатарского, украинского, армянского). Директор школы считает, что спрос на изучение родных языков устойчивый и не меняется. Есть категория родителей, которые «считают необходимым изучение родного языка, и их дети стабильно из года в год его изучают хотя бы ради того, чтобы не забывать его и постигать культуру на родном языке».

В Средней общеобразовательной школе № 7 имени А. В. Мокроусова г. Симферополя в рамках внеурочной деятельности изучается крымскотатарский язык. Помимо него здесь изучается арабский, греческий и немецкий языки. Украинский язык изучался первое время после 2014 года, но посещаемость снижалась и достигла 1–4 человек, поэтому группы со столь малым количеством учеников не формируют, больше группы и классы по изучению украинского языка были закрыты.

В Средней общеобразовательной школе № 29 имени маршала Г. К. Жукова в рамках внеурочной деятельности с 1-го по 7-й классы изучаются украинский и крымскотатарский языки. В рамках внеурочной деятельности изучается также новогреческий. В 2017–2018 учебном году в рамках внеурочной деятельности крымскотатарский язык изучало 9 классов,

сформировано 11 групп. Украинский язык в 2017–2018 учебном году в рамках внеурочной деятельности изучало 3 класса, сформировано 3 группы, общей численностью в 32 ученика (13+10+9). В одном из 5-х классов и в одном из 7-х классов украинский является обязательным для изучения, а в 6-м классе, по словам директора школы, в рамках внеурочной деятельности украинский язык изучает весь класс.

Спрос на изучение родного языка администрация школы оценивает следующим образом: «Крымскотатарский язык востребован и спрос растёт. Раньше классы набирались по 12–16 человек. Сейчас у нас в 3–Г — 26 человек изучают крымскотатарский, в 1–Д — 30 человек, во 2–Д — 27 и т. д.» [1].

Снижающийся спрос на обучение на украинском языке руководители образовательных учреждений объясняют его неактуальностью. По словам директора одной из исследуемых школ, «администрация школы и родители не считают изучение украинского языка актуальным. Появляется новая политическая ситуация, ученики и их родители должны размышлять о своем будущем. Раньше была возможность обучаться в Киеве, других городах Украины, и украинский язык был необходим, сейчас нет. ЕГЭ ученики будут сдавать на русском языке, а не на крымскотатарском или украинском» [1].

Такова количественная динамика спроса по изучению родных языков. Имеющим большое значение в формировании спроса и его динамики является время проведения внеурочной деятельности.

Немаловажную роль в формировании спроса на изучение родных языков играет своеобразная «конкуренция» предметов. Проводимым вне уроков занятиям, кружкам и секциям, в том числе спортивным и интеллектуальным, изучение языка может проигрывать. Кроме этого, такие «родные» языки, как украинский, крымскотатарский, армянский и т. д. испытывают сильную конкуренцию со стороны языков с более широкой социальной функцией (например, английского, немецкого и других мировых языков), что, несомненно, отражается в выборе второго/третьего и т. д. языка для изучения в рамках внеурочной деятельности в средних общеобразовательных школах.

Достаточно результативный метод выхода из этой ситуации был найден в школе № 42 имени Эшрефа Шемьи-заде, где вопросам изучения родного крымскотатарского языка уделяется особое внимание. Во время проведения таких кружков, как шашки и шахматы, учителя стараются вводить компонент крымскотатарского языка. Таким образом, дети занимаются в секциях и в то же время имеют возможность учить родной язык. В планах у школы создать также театр и театральную студию на крымскотатарском, чтобы привлечь детей не крымскотатарской национальности к обучению языку.

Факторы влияния: социально-политическая и культурно-образовательная конъюнктура вопросов изучения родных языков/обучения на родном языке

Как показывают наблюдения, на процесс формирования классов и на выбор родителями языка обучения своих детей оказывают влияние не только политическая обстановка, этнополитические факторы напряжённости в крымском обществе, но и позиция администрации школы, мнение учителей. Руководители школ имеют неоднозначны к вопросу о «необходимости изучать родные языки». Школы с разным контингентом учащихся и сотрудников по-разному воспринимают процесс обучения языкам. Например, некоторые школы с русским языком обучения настойчиво стараются убедить, что «спрос на изучение крымскотатарского падает», «количество желающих изучать крымскотатарский очень маленькое, мизерное». А непростые отношения с Украиной приводят к нежеланию создавать украинские классы. Так, в рамках исследования, в одной из школ часть администрации утверждала, что украинский язык в данной школе не изучается в результате отсутствия желающих его изучать. Другая часть администрации этой же школы декларировала наличие классов по изучению украинского языка и наличие своего учителя в каждой параллели, но при этом причины, побудившие организацию изучения украинского языка, вызывали определённое негодование работников: «Этого родители хотят, а дети лишь пользуются желанием своих родителей».

В целом, приходится констатировать, что классы с украинским языком обучения практически прекратили открываться в крымских школах. Как заявляет руководитель одной из школ: «С 4–5 класса мы обрисовываем так называемую „дорожную карту“ дальнейшего обучения. На последнем родительском собрании (2018 г.) было предложено выбрать язык дальнейшего обучения детей (это переход из 4 в 5 класс). И 10 родителей написали заявление о желании учиться в русскоязычном классе с изучением украинского языка. Зачем им это, не понятно. Мы не планировали открывать такие классы, но родители захотели, и мы должны желание родителей учесть. Будем ли мы их открывать, зависит от наших экономистов, если они дадут добро, то есть если нам позволит финансово-экономическая составляющая создать такой класс. Мы не планировали открывать новые классы с крымскотатарским и украинским языком обучения, мы уже доводим до конца („доучиваем“) те, что есть. Класс с украинским языком обучения в этом году последний, заканчивает свое обучение, а класс с крымскотатарским языком обучения будет последним в следующем учебном 2018–2019 году» [1].

Позиция руководителей учебных заведений по отношению к обучению на украинском языке обусловлена нынешними условиями, зависящими от конфигураций российско-украинских отношений, политических трендов и социального самочувствия людей по обе стороны границы. Поэтому нередко наличие трёх государственных языков в Крыму воспринимается «условно», считается лишь политически обоснованным решением, не отражающим реалий региона, а украинская тематика переведена в сферу конфликтных дискуссий и проблемного отношения.

Одним из руководителей школы высказывалось мнение, что должен быть один государственный язык, с точки зрения общения, все остальные должны изучаться по желанию: «Принцип такой: родной язык — это тот, на котором я думаю, и если это русский, то этого достаточно. Но если ребёнку интересно изучать другие языки, безусловно, нужно предоставить ему такое право, а оно у нас в республике предоставлено. Мы говорим своим учителям, чтобы они обратились к родителям, — пожалуйста, если хотят пусть изучают».

Мнение руководителя другой школы следующее: «Обучение на крымскотатарском не нужно, ребёнок ведь должен быть готов к университету и дальнейшей работе, а зачем ему эти языки? Но в этом учебном году (2017–2018) были даже такие ученики, которые написали заявления на сдачу государственных экзаменов (итоговая аттестация) на родном языке (украинском и крымскотатарском)» [1].

Недоумение относительно изучения украинского языка присутствует среди сотрудников ряда школ. По мнению руководителя одной из них, «русский язык — это язык межнационального общения и этим всё сказано». «Не переусердствовать бы со всем этим изучением родных языков, как это было с Татарстаном. Если для детей родной русский, с какой стати они должны учить татарский? Если они приезжают куда-то, пусть учат государственный язык той страны, в которой они живут. А если есть запрос и желание учить родной язык, то это зависит индивидуально от каждого».

В школах же, где большинство сотрудников крымские татары, наблюдается прямо противоположное: «Обязательно нужно знать свой родной язык. Чем больше языков знаешь, тем лучше. И крымскотатарский нужно изучать. Мы же, когда жили в Узбекистане, учили узбекский язык, так в Крыму должны изучать крымскотатарский. Наш директор стремится к тому, чтобы в 2018–2019 учебном году было два первых русских класса, два крымскотатарских, и если будет сформирован ещё и пятый первый класс, прийти к тому, чтобы он был крымскотатарский. Конечно, всё зависит от заявлений родителей, но перед тем как поступить в первый класс, родители приходят к нам на консультацию, мы им советуем, что лучше». Понятно, что такая позиция обусловлена желанием сохранить свой этнос. Руководство

школы неоднократно отмечает, что «есть крымскотатарские семьи, в которых дети не знают крымскотатарский язык. Сами молодые родители уже плохо знают свой родной язык, а их дети тем более» [1].

Несколько иначе складывается ситуация с изучением родного языка в рамках внеурочной деятельности. И хотя такие занятия также зависят от выбора родителей, они не являются обязательными к посещению. Как правило, необязательные к посещению занятия имеют реальную наполняемость меньшую от заявленной. Поэтому важным аспектом исследования вопросов изучения родных языков является и факты реальной посещаемости факультативных занятий по родному языку. Как правило, во всех исследуемых школах реальная посещаемость занятий по родному языку составляет 60–80%. Конечно, имеет место отсутствие определённого количества учеников по объективным причинам. По наблюдениям, в самом начале учебного года желающих посещать уроки родного языка, как правило, больше, чем реально посещающих их в течение учебного года. Как отмечают руководители школ, посещение занятий, не являющихся обязательными, во многом зависит от сознательного выбора и желания родителей приводить и стимулировать своих детей к обучению родным языкам: «Если дети и их родители хотят, то пусть изучают свой родной язык, школа предоставляет такие возможности, а результат будет зависеть от каждого ученика и его желания» [1].

Тенденция к уменьшению числа посещаемых внеурочные занятия приводит к тому, что некоторые руководители школ приходят к формированию разновозрастных групп, в которых родной язык изучают дети из разных классов, как правило, отдельно 2–5 классы и 6–10 классы.

Администрация большинства школ считает, что изучение родного языка — это зона индивидуальной ответственности каждого ученика и его родителей, эффективность обучения зависит лишь от сознательности обучаемого. Мнение одного из руководителей школ вполне отражает отношение большинства руководителей школ по вопросу изучения родных языков в рамках внеурочной деятельности: «У нас хоть и многонациональная школа, большинство детей считает себя русскими и родной язык соответственно для них это русский. Но если дети хотят изучать армянский, крымскотатарский и т. д., мы предоставляем им эту возможность в полной мере, потому что не зря же говорят, что „язык — душа народа”, пока жив язык — жив и народ, и он интересен всем с точки зрения поликультурности. Поэтому я считаю, что изучение родного языка — это есть тот самый уровень сознания, который определяет бытие. Если родители считают себя детьми этого народа, то они должны реализовать права своего ребёнка, и если они хотят их реализовывать, то школа предоставляет такие возможности, а вот заявок нет.

От кого это зависит? От родителей. А я вам скажу, почему многие считают необязательным учить родной язык. Они исходят не из принципа, что каждый народ должен сохранить живым свой язык, а исходя из того, зачем я буду тратить на это своё время. ЕГЭ ребёнок не будет сдавать по этому предмету, поэтому это достаточно меркантильный подход к изучению родного языка. Родной язык нужно изучать всегда не потому, что он мне пригодится, а потому что он мой родной. Одно время мы организовывали даже межклассные группы для детей, которые будут учить язык с нуля, были бы только желающие» [1].

Таким образом, право на реализацию обучения на родном языке, а также право на изучение родных языков в целом в Крыму обеспечивается, но есть ряд сложностей. Имеет место ситуация, когда в одних школах есть желающие обучаться на родном языке, но такое желание не поддерживается администрацией школы и, напротив, школы, в которых предоставляется право изучать родные языки, но нет желающих. Данные тенденции во многом можно объяснить факторами, влияющими на формирование спроса и контингента учащихся. Имеется ряд причин, по которым родители «не хотят» или отказываются от посещений уроков по изучению родного языка для своих детей. Это и большая учебная нагрузка, и сугубый прагматизм («меркантильный подход»), когда предпочтение отдаётся изучению мировых языков и русского языка, на котором в дальнейшем планируется сдача государственных языков и дальнейшее обучение в вузе. Это также неудобное время проведения внеурочной деятельности по изучению родных языков, зачастую в большом отрыве после основных уроков. Например, в некоторых школах занятия по изучению родного языка в начальной школе проходят 7–8 уроком. Именно поэтому в 2017 году Общественная палата Республики рекомендовала правительству Крыма создать условия для изучения языков, в частности устранение ситуации, когда изучение крымскотатарского или украинского языков осуществляется в конце учебного дня на седьмом-восьмом уроке.

Динамика численности общеобразовательных организаций с крымскотатарским, украинским языками обучения, а также количество обучающихся в них за последние четыре года (в российском Крыму) претерпела существенные изменения. Отмечается стабильный спрос или незначительное увеличение спроса на изучение крымскотатарского языка в рамках внеурочной деятельности и стабильный спрос или сокращение желающих изучать в рамках внеурочной деятельности украинский язык. Снижающийся спрос на обучение на украинском языке руководители образовательных учреждений объясняют отсутствием необходимости для поступления крымских абитуриентов в вузы Украины.

Поскольку каждая этническая группа представляет собой определённое языковое сообщество, то очевидно, что утрата языка неизбежно приводит к потере этнокультурной самобытности и в результате к исчезновению этноса. Уменьшение числа языков на планете учёные связывают с процессом постепенного перехода представителей малочисленных народностей на другие более функциональные языки. Это приводит к сужению сферы бытования малого языка, сжатию его до внутрисемейного общения, а впоследствии к полному отказу от его использования в связи с уходом из жизни его носителей [6].

Заявленное количество учеников по факультативу может отличаться от реальной посещаемости. Как правило, во всех исследуемых школах реальная посещаемость занятий по родному языку на 20–30% меньше заявленной. Ответственность за системность и эффективность обучение родным языкам руководители школ возлагают на родителей, считая их изучение индивидуальным делом каждого ученика и его родителей и снимая свою ответственность.

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 году учителя украинского языка, которых ранее было значительное количество (в связи обязательным изучением школьники Крыма украинского языка и украинской литературы, и наличием школ и классов с украинским языком обучения) оказались в сложном положении, ведь вся образовательная система Крыма перешла на российские стандарты, по которым украинский язык приобрёл статус предмета «по выбору».

Заключение

Итак, согласно официальной статистике Министерства образования, науки и молодёжи Крыма, на языках, отличных от русского, на полуострове обучается незначительное количество детей — чуть более 3%. Тем не менее, согласно подсчётам на основании данных, предоставленных Министерством образования Крыма, около 10% всех учащихся региона изучают крымскотатарский язык в рамках внеурочной деятельности и 5% от количества всех учеников изучает украинский.

Если суммировать количество детей, которые обучаются на крымскотатарском/украинском языках, а также тех, кто изучает эти языки в рамках внеурочной деятельности, то получится, что 13% учеников Крыма изучают крымскотатарский язык, а 5% — украинский язык.

Общее количество всех детей, которые обучаются на родных языках (отличному от русского), а также тех, кто изучает родные языки в рамках внеурочной деятельности, получится, что около 19% учеников Крыма. По состоянию на 2017/2018 учебный год это 38 924 ученика из 208 174 обучающихся в общеобразовательных учреждениях полуострова.

В ходе исследование было выявлено, что фактическое обучение в классах с крымскотатарским и украинским языком обучения происходит на русском языке. По отношению к крымскотатарскому языку это связано и с нехваткой учебно-методической литературы и специалистов, которые могли бы преподавать учебные дисциплины на национальном языке.

Проблема с нехваткой учебно-методической литературы и специалистов в крымских школах, которые могли бы осуществлять образовательную деятельность на национальном языке, является не единичным случаем по стране. Председатель думского комитета по науке и образованию Вячеслав Никонов подчёркивает, что «в последние годы система поддержки изучения и преподавания родных языков в России ухудшилась: исчез целый ряд исследовательских институтов, которые занимались этими вопросами, исчезла система подготовки педагогов по языкам коренных и малочисленных народов, есть проблемы с учебниками и с образовательными стандартами» [Цит. по: 2].

Поэтому говорить о формировании способности полноценного изучения родного языка, а также предпосылок к использованию этого языка на письме не приходится. Языки Крыма в большинстве школ как правило преподаются всего несколько часов в неделю, чаще в качестве факультатива. Если язык не используется дома, подобное обучение не препятствует его исчезновению. Кроме этого, политическая обстановка, элементы этнополитической напряжённости влияют на позицию руководства школ по отношению к обучению на родных языков, нежелание создавать такие классы.

Тем не менее определённые положительные тенденции и успехи в изучении родных языков есть. Они выражаются во множестве внеклассных мероприятий, творческом самовыражении учащихся, конкурсах и олимпиадах по родному языку, проводимых в крымских школах.

Проблема межэтнических отношений актуальна не только в научном, но и в практическом отношении. Как показало проведенное исследование, это сложный, многогранный процесс, в котором наряду с языковыми (лингвистическими) и педагогическими аспектами переплетаются политические, социальные, психологические, экономические и многие иные аспекты. Однако регулирование вопросов языковой политики в условиях полиэтнического общества способствует: 1) оптимизации межнациональных отношений; 2) формированию этноязыковой толерантности; 3) развитию межэтнической интеграции; 4) укреплению единства и целостности социума.

Единый государственный язык — русский язык — выполняет в обществе интегрирующую функцию. В то же время приведённые эмпирические данные показывают, что родные языки Крыма не выдерживают конкуренции с русским языком. Вследствие этого степень распространенности этих языков и их функциональная роль сокращаются.

Естественно, языку нельзя учить и учиться насильно, но мы полагаем, что языковая политика Крыма призвана защищать права народов и языков независимо от численности говорящих на них людей и оценивать их как часть культурного наследия, которое требует защиты. В рамках современной образовательной системы школы Крыма предлагают программы обучения языкам: государственному языку страны; государственным языкам Крыма; локальным языкам, получившим распространение на местном уровне; международным иностранным языкам. Конструктивная и последовательная деятельность правительственных и общественных организаций может обеспечить формирование сознательного отношения и уважения к языкам.

Литература

1. Интервью с руководством и сотрудниками общеобразовательных школ г. Симферополя / Беседу вела А. М. Габриелян. 2018. 20–27 мая.

2. Королева, Е. Выбор языка: школьникам разрешили не говорить по-татарски [Электронный ресурс] // Газета.ru. 25.07.2018. URL: https://www.gazeta.ru/social/2018/07/25/11869531.shtml

3. О состоянии образования на государственных (крымскотатарский, украинский) языках и изучение родных языков в образовательных организациях Республики Крым в 2017–2018 учебном году: статистика Министерства образования Крыма [Электронный ресурс] // Министерство образования, науки и молодёжи Республики Крым: офиц. сайт. URL: https://monm.rk.gov.ru/ru/index

4. Об изучении родных языков и обучении на родных языках в общеобразовательных организациях Республики Крым» за 2017–2018 учебный год: справка о решении коллегии Министерства образования Крыма [Электронный ресурс] // Министерство образования, науки и молодёжи Республики Крым: офиц. сайт. URL: https://monm.rk.gov.ru/ru/index

5. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон: принят Государственной Думой 21.12.2012; одобрен Советом Федерации 26.12.2012 [Электронный ресурс] // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

6. Паршин П. Языки мира через сто лет [Электронный ресурс] // Российский Совет по международным делам. 28 июня, 2012. URL: http: //russiancouncil.ru/inner/?id_4=555#top-content

~

УДК 004.738.5 + 070.312

Хакимова Елена Мухамедовна
Доктор филологических наук,
профессор кафедры «Журналистика и массовые коммуникации»,
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)»;
Российская Федерация, Челябинск

ОБ ИНСТРУМЕНТАХ ПРОДВИЖЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ НКО «ГРИНПИС РОССИИ»)

Публикация посвящена проблеме онлайн-продвижения компаний в русскоязычном Интернете. В ходе исследования установлено, что для решения указанной задачи НКО «Гринпис Россия» использует ряд инструментов современного интернет-маркетинга, среди которых важную роль играет Search Engine Optimization (SEO). В статье рассмотрены результаты его применения при продвижении сайта организации в поисковых сетях Yandex, Google, Mail.ru, Rambler и Bing.

Ключевые слова: *интернет-продвижение, инструменты интернет-маркетинга, поисковые системы, корпоративный сайт, SEO.*

ABOUT CORPORATE TOOLS OF INTERNET PROMOTION (ON THE EXAMPLE OF NPO «GREENPEACE OF RUSSIA»)

Elena M. Khakimova
Doctor of Sciences (Philology),
Professor, Department of Journalism and Mass Communication,
South Ural State University (National Research University);
Russian Federation, Chelyabinsk

Abstract. *The paper considers online promotion of companies in the Russian Internet. In this research, the author proves that modern Internet marketing tools are using by Greenpeace Russia to solve this problem. Special attention is paid to study the using of Search Engine Optimization (SEO) for promotion of the corporate website in Yandex, Google, Mail.ru, Rambler and Bing.*

Key words: *Internet promotion, Internet marketing tools, search engines, corporate website, SEO.*

Для цитирования:

Хакимова, Е. М. Об инструментах продвижения организации в интернете (на примере НКО «Гринпис России») // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 33–37.

Современный этап человеческой цивилизации характеризуется высокой скоростью коммуникационных процессов, обеспеченных, в частности, таким высокотехнологичным каналом, как Интернет. В информационном обществе значительную роль играет онлайн-продвижение, под которым исследователи понимают комплекс практических мер в Сети с целью результативной популяризации определённых информационных единиц (сайта, идеи, объектов интеллектуальной собственности, фотографий, видеороликов, товаров, услуг и др.) [3]. С течением времени важность интернет-продвижения будет возрастать в связи с неуклонным ростом онлайн-аудитории. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов. Так, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в сентябре 2018 года установил, что 81 % россиян с той или иной периодичностью пользуются интернетом, причём 65 % выходят в Сеть ежедневно [5]. По данным компании Mediascope, с 2017 по 2018 год российская интернет-аудитория увеличилась на 4% [1].

При указанных условиях Интернет становится ключевым источником привлечения клиентов для многих компаний. Однако Сеть является не только эффективным и перспективным каналом бизнес-маркетинга, но и средством продвижения некоммерческих организаций. Целью нашей статьи является изучение результатов использования Search Engine Optimization (SEO) в ходе продвижения НКО «Гринпис России». Основной метод исследования — анализ документов. Эмпирическую базу составили 1) поисковые выдачи наиболее востребованных в России поисковых систем; 2) корпоративный сайт НКО «Гринпис России» (https://greenpeace.ru/).

Информация об объекте продвижения. Greenpeace — международная независимая неправительственная экологическая организация, созданная в 1971 году в Канаде. Принципы её функционирования: 1) независимость от государственных структур, коммерческих компаний и политических партий; 2) отказ от насилия как средства достижения поставленных целей; 3) признание права на вклад в решение экологических проблем каждого человека — независимо от гендерных, возрастных, национальных и других характеристик.

За время своего существования Greenpeace привлек внимание общественности к множеству чрезвычайно важных для человечества явлений, среди которых радиационная опасность, развитие возобновляемых источников энергии, ресурсосбережение, сохранение Арктики и т. д. Сейчас работа организации сосредоточена на двух самых значимых для планеты вызовах: изменении климата и сохранении биоразнообразия. Ценности и интересы отражены на её многочисленных эмблемах [8; 9; 10].

Эмблемы Greenpeace

Национальные отделения Greenpeace открыты в 43 странах мира, во главе каждого из них стоит исполнительный директор. Российское отделение с 1997 года по настоящее время возглавляет Сергей Александрович Цыпленков, член Совета по правам человека при Президенте РФ.

SEO в продвижении сайта НКО «Гринпис России». Search Engine Optimization (SEO) — комплекс действий над сайтом, направленных на улучшение его позиции в выдаче, предоставляемой поисковой системой пользователю по его запросу. Применение данного инструмента предполагает оптимизацию кода, работу с тегами и ссылочной массой, изменение контента. Безусловным достоинством SEO является долгосрочный эффект. В числе недостатков специалисты отмечают значительные временные затраты на проведение необходимых манипуляций, риск потерять позицию в выдаче, если алгоритмы поисковой системы изменятся [4].

В ходе изучения особенностей использования SEO при продвижении сайта НКО «Гринпис России» мы прежде всего выяснили, какие поисковые системы, по мнению исследователей, наиболее популярны среди российских

пользователей. В рейтинге за 2018 год первые пять позиций занимают Yandex, Google, Mail.ru, Rambler и Bing [6]. При вводе запроса «гринпис» сайт НКО «Гринпис России» появляется на первой странице каждой из указанных поисковых систем, причём занимает топовые позиции в списках. Такой результат свидетельствует о том, что индексация корпоративного ресурса организацией проведена.

Далее мы выявили особенности реагирования поисковых систем на запросы менее конкретные, связанные не с собственным именем продвигаемой структуры, а родовыми обозначениями: «экологические организации», «международные экологические организации», «международные экологические организации в России». Реальность существования таких запросов подтверждают сервисы Wordstat Yandex [11] и Google Trends [12], предназначенные для анализа ключевых слов, а также оценки частотности обращений к ним при поиске. Корректное проведение анализа потребовало учёта ещё одного количественного показателя — глубины просмотра поисковой системы. Российские специалисты в области интернет-маркетинга указывают, что «из ста человек, просматривающих первую страницу с результатами поиска, на вторую переходят чуть меньше половины. Дальше третьей зайдут всего лишь пятеро» [2]. Приведённый вывод в целом соответствует результатам зарубежного исследования, в ходе которого установлено следующее: 50,4 % респондентов утверждают, что просматривают только одну страницу поисковых результатов, 36,4 % — две или три страницы, 13,6 % — четыре и более. Однако регистрация запросов в поисковых системах показывает, что пользователи, заявляющие о готовности просматривать более двух страниц, редко делают это в рамках стандартной сессии, а за пределы пяти станиц выходят только 2 %, то есть реальное поведение респондентов расходится с их ответами [7].

Учитывая вышеизложенное, мы определили глубину просмотра для нашей работы – 5 страниц. Анализ данного материала показал следующее: на запрос «экологические организации», «международные экологические организации» и «международные экологические организации в России» рассматриваемые поисковые системы реагируют по-разному. В списках, сформированных Bing, сайт НКО «Гринпис России» представлен на 5-й, 3-й и 1-й страницах соответственно. Остальные поисковые системы на первых пяти страницах о существовании интересующего нас ресурса пользователей не информируют. Полагаем, данный факт позволяет сделать вывод о том, что характеристики сайта НКО «Гринпис России» в большей степени соответствуют фильтрующим настройкам Bing, чем её конкурентов.

Литература

1. Аудитория интернета в России выросла на 4% [Электронный ресурс] // Mediascope. 24.04.2018. URL: http://mediascope.net/press/news/812866/

2. Ашманов, И, Иванов А. Продвижение сайта в поисковых системах. М. : Вильямс, 2007. 304 с.

3. Жуков, А. В. Обоснование способов и средств интернет-продвижения товара по этапам жизненного цикла // Экономические исследования. 2011. № 4. Т. II. С. 64–79.

4. Основные инструменты интернет-маркетинга: 11 самых эффективных [Электронный ресурс] // URL: https://internet-marketings.ru/instrumenty-internet-marketinga/ (дата обращения: 21.11.2018).

5. Просторы интернета: для работы или для развлечений [Электронный ресурс] // Wciom. 2018. 19 января. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322

6. Рейтинг поисковых систем на 2018 год [Электронный ресурс] // Seo-auditor. URL: http://gs.seo-auditor.com.ru/sep/2018/

7. Hinckley. D. New Study: Data Reveals 67% of Consumers are Influenced by Online Reviews [Электронный ресурс] // Moz. 2015. 2 September. URL: https://moz.com/blog/new-data-reveals-67-of-consumers-are-influenced-by-online-reviews

8. https://regnum.ru/pictures/2163715/1.html (дата обращения: 02.12.2018).

9. https://www.greenpeace.org.uk/what-you-can-do/jobs-and-volunteering/lobbying/ (дата обращения: 02.12.2018).

10. https://mhealth.ru/blog/redakciya/1400548/ (дата обращения: 02.12.2018).

11. https://wordstat.yandex.ru (дата обращения: 21.11.2018).

12. https://trends.google.ru/trends/?geo=RU (дата обращения: 21.11.2018).

~

К 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева

https://pixabay.com/ru/стол-чернила-образования-бумаги-1869579/

УДК 81'37:81-116.3

Моря Лилия Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой «Русский язык и русская литература»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: liliamor79@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ДЕРЕВНИ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

Статья посвящена исследованию художественного пространства в романе «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева. Выделяются и анализируются лексико-семантические средства, служащие для вербализации и текстовой организации такого фрагмента модели художественного пространства, как топос деревни, один из важнейших в исследуемом произведении.

Ключевые слова: *художественное пространство, топос, локус, лексема, лексическая группа, лексическое значение, коннотация.*

Liliya A. Morya
PhD in Philology science, Associate Professor,
Head of the department «Russian language and Russian literature»,
Sevastopol State University; Russian Federation, Sevastopol

SPATIAL IMAGE OF VILLAGES AND LEXICAL MEANS OF ITS CREATION IN I. TURGENEV'S NOVEL NOVEL «THE NOBLE NEST»

Abstract. *The article is devoted to the study of the artistic space in I. Turgenev's novel "The Noble Nest" ("Dvoryanskoye gnezdo"). The lexical and semantic means used for verbalization and textual organization of such a fragment of the model of artistic space, such as the village topos, one of the most important in the work under study, are identified and analyzed.*

Key words: *artistic space, topos, locus, lexeme, lexical group, lexical meaning, connotation.*

Для цитирования:

Моря, Л. А. Пространственный образ деревни и лексические средства его создания в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 38—47.

Художественное пространство — одна из фундаментальных категорий мировосприятия человека, а также литературного произведения. Вне художественного пространства не может быть воплощена модель мира, создаваемая автором в художественном тексте. Настоящее исследование посвящено особенностям конструирования и функционирования пространственного образа деревни, выступающего один из ключевых в романе «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева.

Художественное пространство понимается нами как «континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [3, с. 258]. «Узлы» пространства в зависимости от их «масштаба» мы вслед за Ю. М. Лотманом называем топосом и локусом. «Поскольку художественное пространство — это содержательная категория текста, а содержание осуществляется в тексте в первую очередь лексическими и другими языковыми средствами, вербальной реализацией категории пространства будут выступать слова со значением пространства, организованные в те или иные лексико-семантические группы» [8, с. 362]. Так, топос деревни в тексте романа «Дворянское гнездо» реализован на лексическом уровне как лексическая группа, включающая, во-первых, прямые номинации: *деревня*, *деревенька*, *деревушка*, *село*, *сельцо*, а также, во-вторых, микрогруппу топонимов: *Лаврики, Васильевское, Покровское*.

Ряд *деревня — деревенька* (небольшая деревня) — *деревушка* (маленькая деревня) не имеет в романе остро социального значения, как это происходит, например, в «Записках охотника» [5], в нём актуализируется только сема размера: *«…Есть у меня [Лаврецкого], верстах в двадцати пяти отсюда, деревушка…, что… от Глафиры Петровны досталась…»* [10, с. 137]; *«В тот же день она [Глафира Петровна] удалилась в свою деревеньку…»* [10, с. 157]; *«…Он [Лаврецкий] решился съездить в Васильевское… Но в сельце его тётки на него напала грусть…»* [10, с. 213].

В приведённых контекстах речь идёт об одном и том же селении — о Васильевском, которое названо и *деревней* (*деревушка*, *деревенька*), и *селом* (*сельцо*), хотя эти номинации различаются по значению: деревня — «крестьянское селение, в котором нет церкви» [1, с. 208], а село — «в коем есть церковь» [1, с. 585]. Впрочем, В. И. Даль у слова *сельцо* называет и значение «деревня» [1, с. 584–585]. Разнообразие номинаций для одной реалии указывает на то, что в них выделен лишь один признак ‘небольшой размер’, а остальные теряют своё значение. Возможно, это происходит потому, что в романе Тургенев показывает деревню с точки зрения представителя дворянского сословия — помещика. Если в «Записках охотника» много внимания уделено социальному положению деревни, то в «Дворянском гнезде» топос деревни имеет несколько иное смысловое наполнение.

По приезде Лаврецкого из-за границы между ним и Марьей Дмитриевной Калитиной состоялся такой разговор:

«— …Завтра же отправляюсь в деревню…

— Вы, конечно, в Лавриках жить будете?

— Нет, не в Лавриках; а есть у меня… деревушка; так я туда еду» [10, с. 137].

В контексте лексема *деревня* соотносится со словами *Лаврики* и *деревушка*, обозначая обобщённо место проживания. Сема ‘место, местность’ актуализируется в топосе *деревня* под влиянием глаголов *отправиться* («уходить или уезжать» [9, Т. 8, с. 1540], с периферийной семой ‘куда-нибудь’) и *жить*, которые также содержат обобщающую сему места. И в результате деревня (деревушка) означает не просто конкретное поселение, но и сельскую местность вообще.

Молодой Калитин в эпилоге говорит о Лаврецком так: *«Я тебя [сестру] в Петербург увёз, а Фёдор Иванович всё жил в деревне»* [10, с. 250]. Синтаксическое противопоставление с союзом *а* предполагает смысловую противопоставленность топосов *Петербург — деревня*, где Петербург реализует прежде всего значение «город» («населенное место торгово-промышленного типа» [9, Т. 3, с. 303]), противостоящее деревне всей совокупностью социально-экономических и культурных условий жизни. В результате этой антитезы *деревня* опять приобретает значение сельской местности вообще.

«Иван Петрович [отец Лаврецкого] не знал, куда деться от тоски и скуки; невступно год он провёл в деревне, да и тот показался ему за десять лет» [10, с. 142]. Наименования душевного состояния *тоска* и *скука* («тягостное душевное состояние, вызываемое отсутствием дела» [9, Т. 13, с. 1087]) потенциально связаны с времяпрепровождением; соответствующая сема присутствует и в глаголе *провёл* [год] в значении «прожил, пробыл какое-

то время где-нибудь или каким-нибудь образом». Компонент значения «каким-нибудь образом», актуализируясь в этом слове, коррелирует с *тоской* и *скукой*. Выражение *«год… показался ему за десять лет»* метафорически означает растяжение времени, восприятие его как очень длительного, а это косвенно указывает на отсутствие занятий, скуку, однообразие. В таком контексте *деревня* означает не только сельскую местность, но и образ жизни, уклад.

В составе данной лексической группы есть слова, употребляемые в тексте в значении «деревня» — они прибавляют к этому понятию дополнительные смыслы. Так, сюда относится слово *имение* («поместье, земельное владение, обычно усадьба» [9, Т. 5, с. 292]). *«Иван Петрович большую часть года провёл в Лавриках (так называлось главное его родовое имение)…»* [10, с. 150]; *«Иван Петрович поспешил удалиться в деревню и заперся в своём доме»* [10, с. 151]. В данном случае топоним *Лаврики* и нарицательные существительные *имение* и *деревня* употреблены как синонимы. Определение *родовое* [имение] («наследственное» [9, Т. 12, с. 1389]) вносит в обозначенное указанными словами понятие «деревня», сему ‘полученное в наследство, фамильное’.

«…[Глафира] надеялась получить, по крайней мере, половину отцовского имения: она и по скупости вышла в бабку» [10, с. 141]. Глагол *получить* в контексте приобретает уточнение значения: «получить в наследство», актуализируя сему ‘полученное в наследство, фамильное’ в слове *имение*. С другой стороны, объектное значение глагола («брать, принимать… вручаемое, предлагаемое» [9, Т. 10, с. 1120]) проявляет в слове *имение* потенциальную сему ‘имущество, собственность’; этому процессу способствует и слово *половина* [имения] — «одна из двух равных частей… чего-либо» [9, Т. 10, с. 1033], наводящее в слово *имение* сему вещественности. Таким образом, номинация *имение* в значении «деревня» (см. у В.И. Даля «в имении» — «в деревне, во… владениях [1, с. 295]») имеет дополнительные смыслы: 1) «достояние, имущество», 2) «получаемое в наследство».

«…[Слуги] не ожидали, чтобы барин поселился у них в Васильевском, когда у него под боком было такое славное имение с отлично устроенной усадьбой» [10, с. 170]. В данном контексте и реализует оттенок значения слова *усадьба* — «помещичий дом» [9, Т. 16, с. 853]. Топоним *Васильевское* в результате смысловой корреляции со словами *имение* и *усадьба* приобретает значение «деревня с усадьбой, с господским домом».

Топос деревни, как и дома, получает в романе именование в переносном значении *гнездо* [6; 7]: *«Пришлось ему [отцу Лаврецкого], поневоле, вернуться в деревню, к отцу. Грязно, бедно, дрянно показалось его родимое гнездо…»* [10, с. 141]. Здесь локус *гнездо* (как «жильё, жилище» [1, с. 176]; «место жительства семьи» [9, Т. 3, с. 173]) получает расширение значения,

означая не только *дом*, но и *деревню*, являясь контекстуальным синонимом данному слову. Определение *родимое* (в значении «свой, родной») наводит в лексему *гнездо* сему ‘свой по рождению’, то есть «такой, в котором родился». Это значение подкреплено семой родства (кровного) в слове *отец* («*в деревню, к отцу*»). *К отцу* в данном случае значит то же, что «в семью», и *деревня*, названная *гнездом*, начинает означать «место, где живёт семья». Как видим, топос деревни через соответствующие лексемы получает дополнительную смысловую нагрузку, то есть развивает индивидуально-художественное значение. В частности, слово *деревня* в романе Тургенева является одним из синонимических обозначений родового *гнезда*.

Отдельную лексическую группу представляют собой топонимы: *Лаврики, Васильевское, Покровское*. Топонимика в художественном пространстве романа имеет свои функции, так как тесно связана сюжетно и идейно с героями произведения: Лаврики и Васильевское принадлежит Лаврецкому, Покровское принадлежало Марье Дмитриевне Калитиной. Герои по-разному воспринимают деревню, по-разному относятся к ней, поэтому в связи с каждым из героев топос деревни получает различную коннотацию.

Вот отец Лаврецкого приезжает в Лаврики из Петербурга: *«Грязно, бедно, дрянно показалось ему его родимое гнездо; глушь и копоть степного житья-бытия на каждом шагу его оскорбляли… зато и на него все в доме, кроме матери, недружелюбно глядели»* [10, с. 141]. Прилагательные *грязный*, *бедный* имеют негативный оттенок значения, который усиливает в соседстве со словом *дрянной*, у которого стилистическая окраска отрицательной оценки является основой лексического значения: «плохой, никуда не годный» [9, Т. 3, с. 1141]. Эти элементы значения придают слову *гнездо* отрицательную коннотацию, тем более яркую в контрасте в прилагательным *родимый* («свой по рождению») с периферийными семами ‘родной, милый’ [9, Т. 12, с. 1376], которое вступает в семантическое противоречие с рядом слов *грязно*, *бедно*, *дрянно*. «Родимое гнездо» не должно видеться таким человеку, когда он возвращается домой.

В контексте слова *глушь* («место, удалённое от культурных центров» [9, Т. 3, с. 159]) и *копоть* («сажа» [9, Т. 5, с. 1396]) приобретают переносное значение качественной характеристики: *глушь* — «тишина, уединение, удалённость от культурных центров», копоть — «грязь, бедность» (в непосредственной близости от *грязно* и *бедно*), а *степное* [житье-бытье] — «провинциальное, глухое». Весь этот лексический массив рисует отношение героя к деревне в отрицательном ключе. Писатель уточняет это отношение в слове *гадливость* («отвращение, брезгливость к чему-нибудь» [9, Т. 3, с. 12]) с яркой негативной эмоциональной окраской. Причём такое неприятие пространства рождает ответную реакцию: «*на него все в доме… недружелюбно*

глядели» [10, с. 141] (недружелюбно — «враждебно, неприязненно» [9, Т. 7, с. 858]).

Варвара Павловна живёт в Лавриках после замужества, и недолго: *«Приехавши в Лаврики… она нашла дом тёмным и грязным, прислугу смешною и устарелою… Но мысль остаться в этом степном захолустье ни на миг не приходила ей в голову; она жила в нём, как в палатке, кротко перенося все неудобства…»* [10, с. 157]. Пространство деревни для героини коннотировано отрицательно: прилагательные *тёмный*, *грязный* [дом]; *смешная* («вызывающая смех своей нелепостью» [9, Т. 13, с. 1379]), *устарелая* [прислуга] («не соответствующая современным требованиям» [9, Т. 16, с. 969]) содержат компонент негативной оценки. Он есть потенциально и в слове *захолустье* («глухая провинция»), так воспринимает Лаврики жена Лаврецкого, она видит здесь лишь недостатки, «*кротко перенося все неудобства*». Сравнение *как в палатке* усиливает негативную оценку пространства семами ‘отсутствие комфорта’ и ‘временный’ (*палатка* — «временное жилое помещение, сделанное из натянутой на остов ткани» [9, Т. 9, с. 46]). Значение временного и необустроенного жилья поддержано выражением *мысль остаться* («продолжить пребывание… где-нибудь» [9, Т. 8, с. 1159]) *не приходила ей в голову*. А ведь это отношение к родовому гнезду Лаврецких, которое для Варвары Павловны должно было стать домом.

Помирившись с женой после развода, Лаврецкий ставит ей одно условие: *«Я согласен жить с вами… то есть я вас привезу в Лаврики… Я сойдусь с вами, буду вас снова считать моей женой… Уговор наш будет считаться нарушенным, как только вы уедете оттуда»* [10, с. 241]. Для Лаврецкого попытка восстановить хотя бы видимость семьи связана с Лавриками, так как в данном контексте для героя «*жить с вами [женой]*» и «*вас привезу в Лаврики*» означает одно и то же. Только в Лавриках Лаврецкий может «*снова считать … женой*» Варвару Павловну, а она — обрести статус супруги. Однако «*с… первыми холодами Варвара Павловна… переселилась в Петербург»* [10, с. 247]: отъезд героини из Лавриков означает новый разрыв в семье Лаврецких. И в художественном пространстве текста важно то, что знаменуют этот разрыв пространственные перемещения героев. И, как видно, деревня в пространстве жены Лаврецкого находится на полюсе отрицательной оценки.

Калитины живут в городе. Впрочем, у Марьи Дмитриевны было родовое имение: *«Марья Дмитриевна после института… жила… в родовом своём селе Покровское…»* [10, с. 121]; *«Марья Дмитриевна наследовала Покровское, но недолго жила в нём; на второй же год после её свадьбы… Покровское было променено на другое имение, гораздо более доходное, но некрасивое и без усадьбы…* [10, с. 121]. Покровское названо *родовым* («наследственный» [9, Т. 12, с. 1389]), значит, это основное имение, передаваемое по наследству — и

Калитина «*наследовала*» это село. Однако по воле мужа лишилась его: село «*променено на другое имение*», причём ради выгоды (соответствующую сему содержит слово *доходный* — «приносящий доход, прибыльный» [9, Т. 3, с. 1069]), а не для проживания, так как имение без усадьбы («помещичий дом» [9, Т. 16, с. 852]). Кроме того, при слове есть определение *некрасивый* («неприятный» [9, Т. 7, с. 941]), содержащее в значении оттенок отрицательной оценки. В контексте всей главы *доходное, но некрасивое имение* противопоставлено *хорошенькому* [Покровскому] [10, с. 122] в значении «такой, что нравится, привлекательный» [9, Т. 17, с. 394]), которое коннотировано положительно. *«Марья Дмитриевна не раз в душе пожалела о своём хорошеньком Покровском с весёлой речкой, широкими лугами и зелёными рощами…»* [10, с. 122]. Красота, внешняя привлекательность *хорошенького Покровского* обусловлена природным фактором: *речка, луга, рощи* — это всё природные реалии. В контексте определения *весёлый* (в значении «вызывающий радостное настроение» [9, Т. 2, с. 215]) — о речке, *широкий* [луга] («охватывающий большое пространство» [9, Т. 17, с. 1411], то есть «раздольный»), *зелёный* [рощи] («в зелени» [9, Т. 4, с. 1189], то есть «с буйной растительностью, густой») — все приобретает от слова *хорошенький* положительную коннотацию, а также оттенок значения «привлекательный, радующий взор». Так через образы природы пространство *имения* получает положительную оценку. Её формированию способствует и определение *свой*, которое в контексте утрачивает значение «принадлежащий себе» [9, Т. 13, с. 433] (ведь Покровское уже «*променено*»), а развивает значение «родной». Выражение *в душе* употреблено как устойчивое сочетание в значении «мысленно, внутренне» [9, Т. 3, с. 1185], но ещё сохраняет связь с прямым значением слова *душа* («внутренний, психический мир человека» [9, Т. 3, с. 1184]) и ассоциативно указывает на то, что Покровское мило душе героини.

«…Калитин приобрёл дом в городе О…, где поселился с женой на постоянное жительство. При доме находился большой сад; одной стороной он выходил прямо в поле, за город. «Стало быть, — решил Калитин… — в деревню таскаться незачем» [10, с. 121]. С одной стороны, слова Калитина свидетельствуют о его неприязни к *деревне* (здесь данная лексема в контексте вывода, обозначенного выражением «*стало быть*», имеет обобщающее значение «сельская местность вообще»). Это отношение персонажа проявляется в слове *незачем* («нет надобности, не для чего» [9, Т. 7, с. 891]), сообщающем лексеме *деревня* семы ‘ненужный’ и, потенциально, ‘не вызывающий симпатии, сочувствия’. Кроме того, в значении «ездить [в деревню]» употреблено слово *таскаться*, стилистически маркированное как «просторечное, неодобрительное», — оно придаёт топосу *деревня* отрицательную коннотацию.

Но, с другой стороны, «*в деревню таскаться незачем*» — это прямой вывод (*стало быть* — «следовательно, таким образом») из того, что «*при доме… большой сад*», который «*выходил прямо в поле*». Видимо, пространство калитинской усадьбы в городе напоминает деревню, в данном случае — из-за природного фактора. «Сельские» реалии (*сад*, *поле*) являются в контексте важнейшим признаком пространства деревни и включаются в структуру значения данного топоса в тексте, объединяя при этом городской дом Калитиных и Покровское с его рощами и лугами. И мы можем предполагать, что жизнь калитинского семейства принципиально не отличается от деревенской. Так, хотя Марья Дмитриевна и «привыкла… к городской жизни» [10, с. 122], но приязнь к деревне у неё осталась, заметная даже стороннему наблюдателю: например, «*Паншин начал… с описания восторга, с которым… всё семейство Марьи Дмитриевны отзывалось о Васильевском…* [10, с. 190]. *Восторг* (в значении «восхищение» [9, Т. 2, с. 732]) называет чувство или эмоциональное отношение, содержащее положительную оценку, которая распространяется на *Васильевское* и положительно коннотирует пространство деревни.

Лаврецкий в романе связан с деревней постоянно: детство и юность его проходят в Лавриках, а после недолгих скитаний по загранице он приезжает в Васильевское, полученное от тётки. Ещё до непосредственного появления героя в романе Гедеоновский говорит о нём: *«Они, слышно, к себе в деревню собираются»* [10, с. 125]. Позже Лаврецкий повторяет почти то же самое в разговоре с Марфой Тимофеевной: *«Я завтра еду, тётушка… К себе, в Васильевское»* [10, с. 138]. Предложно-падежная форма *к себе* в значении «в свой дом… к месту своего жительства» [9, Т. 13, с. 550] вносит в примыкающие к ней слова *деревня, Васильевское* сему ‘место проживания, кров, пристанище’, то есть компонент значения «дом».

«Лаврецкий… пригласил его [Лемма] к себе погостить на несколько дней… Лаврецкий собственно для него велел привезти к себе в деревню фортепиано…» [10, с. 174]. Тот же процесс наведения семы ‘дом, кров, пристанище’ подкреплён в контексте присутствием глагола *погостить* («жить… в чужом доме в качестве гостя» [9, Т. 3, с. 336]), в значении которого присутствует сема ‘у кого-нибудь дома, в доме’, актуализирующая в топосе деревни смысловой компонент «дом».

Подобное осложнение значения лексемы *деревня* происходит регулярно и за счёт разнообразных средств. Вот Лаврецкий приглашает в гости Калитиных *«…посетить меня на моём новоселье. Вы знаете, я завёл фортепиано… сирень теперь цветёт; вы подышите деревенским воздухом…»* [10, с. 178]. Слово *новоселье* («место, дом, куда недавно кто-либо поселился» [9, Т. 7, с. 1362]) в значении имеет сему ‘новый дом, новое место

жительства'. Пространство деревни обозначено посредством относительного прилагательного *деревенский*. В романе его значение «присущий деревне» осложняется семами свежести и чистоты: так, Гедеоновский однажды упоминает, что *«пыль в городе необыкновенная»* [10, с. 125]. Лаврецкий же, пытаясь убедить Марью Дмитриевну приехать, называет чистый воздух как преимущество деревни перед городом. Ещё одним аргументом является цветущая сирень, а природные реалии, как мы уже убедились выше, являются для Тургенева неотъемлемым признаком деревни, причём положительным.

В эпилоге романа мы узнаём, что по возвращении в родные места Лаврецкий жил в деревне всё время: *«Я тебя в Петербург увёз, а Фёдор Иваныч всё жил в деревне»* [10, с. 250]. *Всё* в значении «всё время, постоянно» [9, Т. 2, с. 817] вносит в значение слова *деревня* временной компонент — сему 'постоянное место пребывания'. Ниже Лаврецкий *«сел в тарантас и велел кучеру ехать домой и не гнать лошадей»* [10, с. 252]. *«Домой»* сказано о деревне, как это следует из вышеприведённого контекста. Таким образом, в пространстве Лаврецкого, главного героя в романе, *деревня* предстаёт перед нами как синоним дома («гнезда») и сема 'дом' последовательно вносится в значение лексемы *деревня*. Таково и восприятие деревни героем — поселившись в Васильевском, Лаврецкий думает: *«Вот я и дома, вот я и вернулся…»* [10, с. 168]. Слияние в семантическом комплексе пространства Лаврецкого понятий деревни и дома означает, что для героя деревня — родное, своё пространство. Именно поэтому топос деревни в восприятии Лаврецкого не получает яркой положительной окраски: этого не требуется, так как отношение героя к деревне едва ли не само собой разумеется, Лаврецкий в романе тот герой, кому топос деревни ближе всего.

Таким образом, топос деревни, представленный в романе «Дворянское гнездо» узуально нейтральными лексемами, в тексте получает два полюса коннотации — положительный и отрицательный. «Поскольку оценка и эмоция неразрывно связаны с мировоззрением говорящего, введение их в текст является сигналом открытого включения автора в повествование, его непосредственного… указания на распределение своих симпатий или антипатий» [2, с. 42]. При этом у любимых героев Тургенева топос деревни всегда коннотирован положительно.

Итак, в тексте романа лексема *деревня* заключает в себе целый комплекс разнообразных значений, как узуальных, так и окказиональных, рождённых в контексте, в результате чего возрастает её значимость в лексической системе произведения: так слово «порождает энергию, несоизмеримую с его собственным объёмом, то есть сообщает читателю нечто большее, чем то, что свойственно ему вне художественного контекста, в системе языка» [2, с. 12]. Лексема приобретает некоторые значения, свойственные в тексте другому

пространственному понятию — локусу дома, становится одним из средств обозначения концепта, который представлен у Тургенева преимущественно лексемами *дом* и *гнездо*. Между указанными словами устанавливается регулярная семантическая связь, так как «сходные по содержанию знаки сближаются» [4, с. 83]. А поскольку слова *дом* и *гнездо* являются в романе ключевыми [6; 7], то и топос деревни возводится в разряд центральных, доминирующих в тексте.

Литература

1. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка : современная версия. М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. 736 с.

2. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста. М. : Просвещение, 1988. 192 с.

3. Лотман, Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М. : Просвещение, 1988. С. 251–265.

4. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М. : Ось–89, 1999. 192 с.

5. Моря, Л. А. Деревня в системе художественного пространства «Записок охотника» И. С. Тургенева // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6. № 6В. С. 425–438.

6. Моря, Л. А. Дом в системе художественного пространства в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Художественный дискурс: филологический анализ текста : монография / Под общ. ред. М. В. Нореца. Севастополь: РИБЕСТ, 2016. С. 127–149.

7. Моря, Л. А. Дом и гнездо в смысловом пространстве романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Гуманитарно-педагогическое образование. 2016. Т. 2. № 2. С. 22–29.

8. Моря, Л. А. Модель художественного пространства и национальный характер в рассказе И. С. Тургенева «Живые мощи» // Традиции и инновации в изучении и преподавании филологических дисциплин в вузе и школе : коллективная монография. М. : МИРАКЛЬ, 2016. С. 361–373.

9. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

10. Тургенев, И. С. Записки охотника ; Повести и рассказы / Вступ. ст. В. Кулешова ; прим. В. Фридлянд. М. : Художественная литература, 1979. 607 с.

~

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕКСТОЛОГИЯ, ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ, ГЕОГРАФИЯ И БИОГРАФИЯ

УДК 821.161.1-312.9

Миленко Виктория Дмитриевна
Кандидат филологических наук, доцент,
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГАОУ «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: vika-milenko@yandex.ru

«НЕЧТО ВРОДЕ ЛЕКЦИИ О ЮМОРЕ»: НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ А. Т. АВЕРЧЕНКО

Автор статьи публикует неизвестную рукопись лекции А. Т. Аверченко, содержащую размышления о природе сатиры и юмора, о чувстве юмора и его национальном своеобразии, а также оценку вклада журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» в развитие отечественной смеховой культуры. Опираясь на факты биографии писателя и материалы прессы, автор предпринимает попытку атрибуции рукописи, а также воссоздаёт атмосферу чтения лекции в севастопольском театре «Гнездо перелётных птиц» весной 1920 года.

Ключевые слова: *автограф, архивная рукопись, архивный личный фонд, «Сатирикон», «Новый Сатирикон», писатели-сатириконцы, «Гнездо перелётных птиц», сатира, юмор.*

Victoriya D. Milenko
PhD in Philology science, Associate Professor,
Institute of Educational and Humanities,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

«SOMETHING LIKE A LECTURE ABOUT HUMOR»: THE UNKNOWN MANUSCRIPT OF A. T. AVERCHENKO

Abstract. *The author of the article publishes the unknown manuscript of the lecture by A. T. Averchenko, containing reflections about the nature of satire and humor, about the sense of humor and its national identity and also the assessment of the contribution of the journals «Satyricon» and «New Satyricon» to the development of Russian laughter culture. Based on the*

facts of the writer's biography and press materials, the author attempts to attribute the manuscript, and also recreates the atmosphere of lecturing in the Sevastopol theatre «The Nest of Migratory Birds» in the spring of 1920.

***Key words**: autograph, archival manuscript, archival personal fund, «Satyricon», «New Satyricon», writers-satirikontsy, «The Nest of Migratory Birds», satire, humor.*

Для цитирования:

Миленко, В. Д. «Нечто вроде лекции о юморе»: неизвестная рукопись А. Т. Аверченко // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 48–63.

В личном фонде А. Т. Аверченко в Российском государственном архиве литературы и искусства хранится автограф, озаглавленный «Нечто вроде лекции о юморе». В этом документе писатель рассуждает о природе юмора, чувстве юмора и его национальном своеобразии, бедности русской смеховой литературы до появления журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», скорбит о гибели юмора после Октября. Последнее обстоятельство объясняет включение рукописи в опись № 2, в число антисоветских произведений Аверченко, находившихся на спецхранении до 1996 года.

Содержание рукописи представляет несомненную историко-литературную ценность. Авторское понимание закономерностей появления и причин популярности «Сатирикона», оценка им коллег-сатириконцев чрезвычайно важны для исследования этого феномена Серебряного века. Интересны также восхищённые, глубоко лирические отзывы Аверченко о творчестве А. П. Чехова и особенно Н. В. Гоголя, чьи книги писатель называет «русским Евангелием».

Документ не датирован, однако атрибутировать его возможно. Историко-биографические детали указывают на 1920 год: Аверченко сетует на то, что книги сатириконцев не выходят уже два года. «Новый Сатирикон» был запрещён в июле 1918 года, вместе с ним приостановилась издательская деятельность одноимённого торгового дома.

Весь 1920 год, до эвакуации 13 ноября вместе с Русской армией генерала П. Н. Врангеля, писатель прожил в родном Севастополе. Именно в севастопольской прессе обнаруживаются данные о лекции. В 107 номере газеты «Вечернее слово» за 6 мая 1920 года был помещён анонс мероприятия в театре «Гнездо перелётных птиц»: «Сегодня 6 мая состоится единственная

Театръ и Музыка.

Гнѣздо перелетныхъ птицъ.

Сегодня 6-го мая состоится единственная исключительная коллективная лекція о юморѣ Арк. Аверченко съ иллюстраціями, читаютъ и иллюстрируютъ: Л. В. Мансветова, А. А. Волошинъ, Арк. Аверченко, В. А. Рославлева, К. А. Сибирякова и С. С. Шатовъ.

Анонс лекции о юморе.
«Вечернее слово» № 107 от 6 мая 1920 г.

исключительная коллективная лекция о юморе Арк. Аверченко с иллюстрациями, читают и иллюстрируют: Л. В. Мансветова, А. А. Волошин, Арк. Аверченко, В. А. Рославлева, К. А. Сибирякова и С. С. Шатов»[1]. В рукописи упоминаются и Волошин, и Мансветова, и Шатов, что подтверждает правильность нашей датировки.

Следовательно, рукопись «Нечто вроде лекции о юморе» создана не позднее 6 мая 1920 года. Что касается адресатов лекции, посетителей «Гнезда перелётных птиц»[2] — это была публика разная и не всегда образованная. Люди приходили в театр-кабаре за развлечениями; Аверченко это понимал. Его лекция далека от академизма, политические выпады хотя и резки, но малочисленны. Для зрелищности использовались «иллюстрации» — актёры разыгрывали одноактные пьесы Аверченко; было и музыкальное сопровождение. Среди тех, кто помогал писателю 6 мая 1920 года, оказались большие мастера сцены. Например, Лидия Васильевна Мансветова, что вскоре эмигрировала в Королевство сербов, хорватов и словенцев и сделала там блестящую актёрскую и режиссёрскую карьеру. Или Александр Александрович Волошин, приятель Аверченко, ставший известным актёром Голливуда.

Здание, в котором работал театр «Гнездо перелётных птиц». *Фотооткрытка 1930-х гг.*

К 1920 году в рукописи относится основной текст, написанный чёрными чернилами. Однако он имеет следы двойной авторской правки[3]: простым карандашом и синими чернилами. Первую, карандашную правку также относим к 1920 году: в одной из корректив автор сообщает, что находится в Севастополе. Вторая правка появилась не ранее конца августа-сентября 1921 года, так как содержит данные о расстреле Н. С. Гумилёва. Вероятнее всего, Аверченко планировал повторить лекцию в том же «Гнезде перелётных птиц», возрождённом в Константинополе. Точнее сказать не берёмся: данными о чтении этой лекции писателем в эмигрантские годы не располагаем.

Рукопись печатается по автографу (Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 1—20). В квадратных скобках приводится авторская правка: под цифрой 1 — карандашная, 2 — синими чернилами. В угловых скобках — конъектуры публикатора. Авторские подчёркивания, пунктуация и орфография сохранены.

---

[1] 16 мая 1920 г. севастопольская газета «Юг России» (№ 39 (232)) сообщила, что лекция Аверченко о юморе прошла с успехом, и автор прочтёт следующую — «О Турции, с иллюстрациями».

[2] Театр был открыт Аркадием Аверченко в апреле 1920 года в подвале дома по ул. Екатерининской, 8 (сегодня ул. Ленина, 4).

[3] Правку теми же чёрными чернилами считаем частью основного, первоначального текста.

А. Т. Аверченко

Нечто вроде лекции
О юморе[4]

1[Я, господа, очень смущён, выступая в первый раз в жизни — с лекцией да ещё на такую тему — как юмор. Рассказывать мне об юморе это всё равно что любящему мужу разоблачать перед посторонними свою интимную жизнь с любимой женой].

Юмор — это дар Богов.

Самое замечательное, что даром этим награждаются люди лишь со спокойной совестью и чистым сердцем… Чувство юмора никогда не может быть свойственно поджигателю или убийце — прикончившему даже самую небольшую семью…

Из этого видно, что юмор — одно из самых положительных, одно из самых благородных свойств человека.

Определить — что такое юмор? — чрезвычайно трудно.

Сатира поддаётся определению гораздо легче, и нынче любой гимназист третьего класса так ловко и быстро отхватает вам точное определение сатиры, 2[будто опытный барабанщик вечернюю зорю! Вот какая простая штука — сатира!].

А юмор… чёрт его знает, что оно такое!..

Будь он ещё полезен, а то ведь одно из главных свойств юмора — именно его беспредметность, его бесполезность, бесцельность, ненужность… А, впрочем, он, может быть, потому так и прекрасен, так и нравится людям, что из него шубы не сошьёшь и супу не сваришь.

Так же бесполезен, и душистый цветок в хрустальной вазе, так же бесполезен и бриллиант, сверкающий в мочке уха красавицы — почему же и то и другое так восхищает нас?

Юмор душист, как цветок, и сверкающ, как бриллиант… Он ласкает слух, как хорошая игра на скрипке и поднимает настроение, подобно эфиру или кокаину, но безо всяких дурных последствий, безо всякого осадка…

– Позвольте, — возразите вы. — Что вы там расхваливаете юмор, как цыган лошадь?! Вы лучше определите нам — что такое юмор?

Что такое юмор?..

Юмор — это <прежде всего> неожиданность!

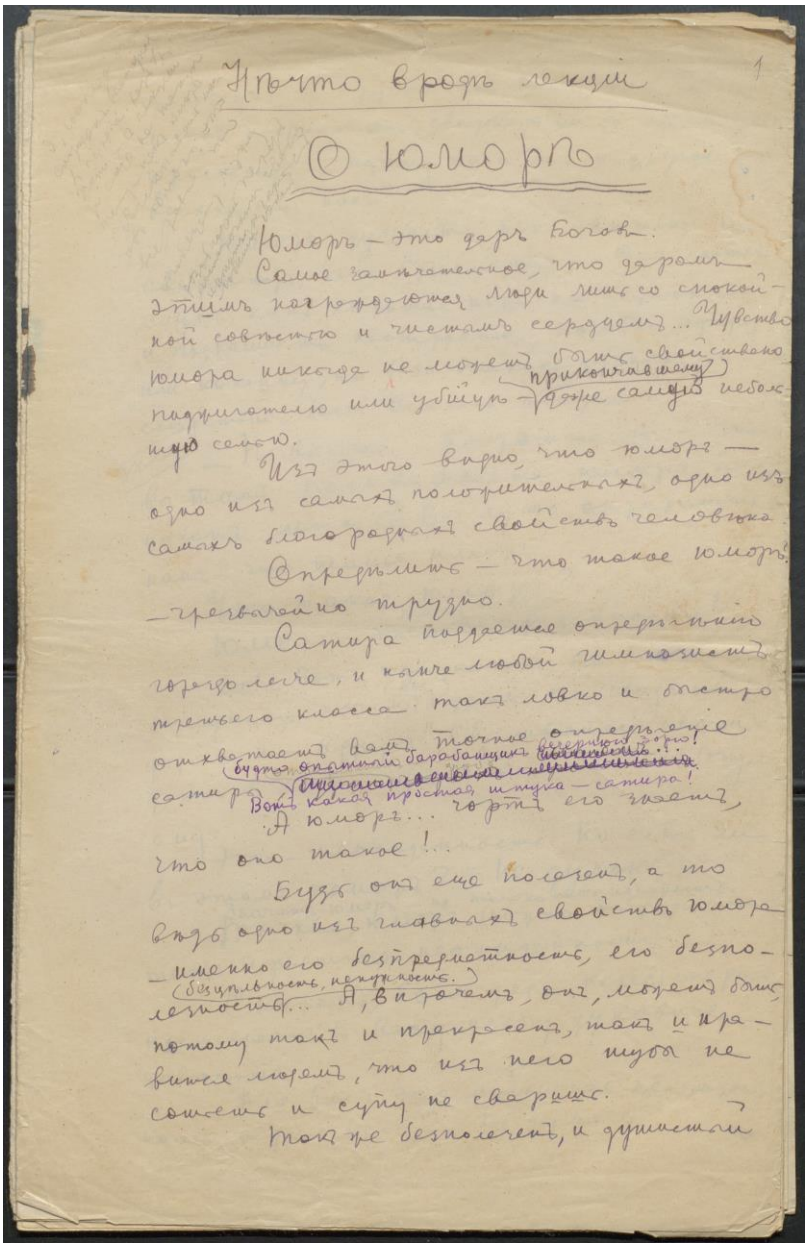
---

[4] **Для цитирования:** Аверченко, А. Т. Нечто вроде лекции о юморе [Текст] / Публикация, вступ. статья и примечания В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 51–63.

Гм!.. Вот, например, тёмной безлунной ночью вы идёте по гладкой дороге и — вдруг!! Сваливаетесь неожиданно в вырытую кем-то глубокую яму.

Это — неожиданность. Но есть ли в этом юмор?.. Не думаю.

Значит, юмор — не только неожиданность...



Нечто вроде лекции

О юморе

Юмор — это дар Богов.

Самое замечательное, что даром — этим награждаются люди лишь со спокойной совестью и чистым сердцем... Чувство юмора никогда не может быть свойственно подлецу или убийце — даже самому небольшому семьяну.

Из этого видно, что юмор — одно из самых положительных, одно из самых благородных свойств человека.

Определить — что такое юмор — чрезвычайно трудно.

Сатира поддается определению гораздо легче, и конечно любой гимназист третьего класса так ловко и быстро ошхвастается вам точное определение сатиры, будто он стукнул барабанщик... Вот какая простая штука — сатира!

А юмор... чорт его знает, что оно такое!..

Будь он еще поскромнее, а то вдруг одно из главных свойств юмора — именно его безпрерывность, его безпокойство... Я, впрочем, он, может быть, потому так и прекрасен, так и правится людям, что из него щуки не сошьешь и супу не сваришь.

Так же безпокоен, и дружелюбен

Титульный лист рукописи А. Т. Аверченко «Нечто вроде лекции о юморе». РГАЛИ. Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 1. *Публикуется впервые.*

Точнее, юмор можно определить так: приятная неожиданность.

Скажем, вот: дядя перед смертью составляет в вашу пользу духовное завещание.

Для вас это приятная неожиданность, а для него?.. Не думаю.

Это не юмор, когда одному хорошо только потому, что другой должен протянуть ноги… Приятная неожиданность для одного — неприятная ожиданность для другого.

Тогда определим юмор так: юмором называется приятная неожиданность, от которой всем хорошо и которая вызывает смех…

Здесь — 12 слов.

Если кто-нибудь управится с этим определением в пяти-шести словах — поздравляю его!.. Пожалуйста!

***

К пониманию юмора нужен известный вкус, склонность — более того талант. Это также от Бога, как хороший слух… 2[Все животные не понимают юмора и только два сорта умнейших из них: слон и соб.<ака> иногда улыбаются].

Мне приходилось сталкиваться с людьми, в которых человеческого было только анатомическое строение тела и членораздельная речь. В остальном же — это были не люди, потому что они не понимали юмора…

Один такой 2[не пох.<ожий> ни на сл.<она> ни на с.<обаку>] просил меня:

– Расскажите что-нибудь смешное! Говорят — вы мастер на это[1].

– Извольте. На берегу реки стоит человек с удочкой в руке… Вдруг подбегает сторож… «Эй! — кричит сторож. — Разве ты не знаешь, что тут нельзя удить рыбу?». Незнакомец поднял голову и, сплюнув в сторону, ответил очень хладнокровно: «Я и не ужу рыбу!». — «А что ж ты 2[тут] делаешь?». — «Учу червячка плавать…».

Кончив эту маленькую историю, я надеялся хоть на какой-нибудь знак внимания со стороны слушателя… Вместо этого, он поднял на меня вялые, сонные глаза и спросил:

– Ну?..

– Что «ну»?

– Что ж ему сторож 2[после этого] сделал?

– (Вздох) Ничего!!

– Неужели, он, действительно, учил червяка плавать?

– Нет!! Он удил рыбу.

– Я тоже так думаю. А сторож, по-моему, дурак… Раз человек стоит с удочкой в руке — какие могут быть отговорки? Взял бы за шиворот да и отвёл в участок. (Пауза). Что ж он, всё-таки, много рыбы наловил?

– А чёрт его знает!

– Да… Грустно, грустно… Это где было-то? На какой реке?

– На Днепре!!!

– А разве там, серьёзно, нельзя ловить рыбу? 2[Грустно, грустно… Вообще, знаете, нужно много терпения, чтобы удить рыбу. (Во всяком случае меньше терпения, чем с тобой, дураком, разгов.<аривать>, — подумал я].

Этот же господин показывал однажды своей жене только что купленные им дрянные карманные часы.

– Знаешь что? — иронически сказала жена. — Приделай к этим часам ручку…

– Зачем?

– И выбрось их.

– Почему? Я их лучше кому-нибудь продам. А зачем ты говоришь, чтобы ручку приделать?

– Чтоб удобнее было выбросить…

– Да для чего же ручка, всё-таки? Что ж, если бы я, действительно, захотел их выбросить — разве без ручки нельзя этого сделать?..

– Ну, поехал!..

– Да, действительно… Стоит ли стараться, приделывать ручку — и для чего? Только для того, чтобы выбросить. Вот она, ваша женская логика!

И он же ещё, этот каналья, этот мешок с отрубями — сожалительно покачал головой по адресу жены и, мне кажется, даже в этот момент втайне немного презирал её!

Правда, она тоже не осталась в долгу — в том же месяце изменила ему!

Вот, господа, как ужасно не иметь чувства юмора!

Кстати, могу категорически удостоверить, что теперешний глава Советской России — Владимир Ильич Ленин — совершенно не понимает, что такое юмор и почему люди, вообще, смеются!.. Это один из самых сухих, педантичных и угрюмо-мрачных людей, которых мне приходилось когда-либо встречать[2]. Например, мой журнал «Сатирикон» он закрыл[3] не потому, что там печатались против него насмешливые и жестокие выпады, а, как он сам говорил: «За полной бесполезностью этого журнала».

Если бы изо всех номеров «Сатирикона» можно было свить верёвку и повесить на ней хоть одного контрреволюционера, я уверен, что «Сатирикон» был бы Лениным признан, как учреждение, самое полезное для блага 2[планетарной] революции!..

А у других людей, наоборот, чувство юмора не только проявляется часто, но проявляется даже в самые неподходящие моменты.

В особенности, этим свойством страдает ваш покорнейший слуга…

Вот вам иллюстрация:

Несколько лет тому назад один приятель учил меня ездить на своём велосипеде. Усадив, он бережно поддерживал меня за талию, но я, будучи по природе полон отваги и предприимчивости, вырвался от него, пролетел 2[как

стрела, как] птица, шагов пятьдесят и, налетев на куст, росший у края оврага — вместе с машиной покатился вниз по крутому откосу.

Лежу, разбитый вдребезги, а сверху вижу склонённую фигуру моего обеспокоенного, испуганного приятеля.

Вам, впрочем, известно, что для настоящего 2[спортсмена-] велосипедиста самое ценное — не целость жизни друга, а целость велосипеда, а в велосипеде самое ценное и хрупкое — рама.

Итак, склонившись над пропастью, приятель мой трепетным, замирающим голосом спрашивает:

– Рама-то… Рама цела?

И пролепетал я снизу, сплёвывая кровь из разбитой губы:

– Рама цела. Портрет вдребезги.

***

Существует определённая скала юмора от самого тонкого, благоуханного, до грубого, примитивного и жёсткого, как кожа старого носорога.

Самый примитивный, дикариный юмор, это юмор кинематографический…

Вспомните, сколько лет подряд кинематографщики кормили нас такими тонкими штучками: идёт баба с корзинкой яиц, на неё налетает близорукий господин, сбивает с ног. На эту кучу набегает и спотыкается старая дама, воскресный охотник, 2[рыболов], и мальчишка из булочной с пирожными. И все начинают гнаться за близоруким господином. Он лезет через забор — все лезут через забор, он вскакивает в трамвай — все вскакивают в трамвай, он бросается в реку, все бросаются в реку… Поймав — бьют его!

Поистине — вот самый типичный юмор для дураков!

Сотни тысяч метров изводились на то, что изображался солдат, попавший в барабан (?) и застрявший там… Хороший тон кинематографа требовал, чтобы барабанщик бил того солдата по голове палками. Или показывали свадебный обед, участникам которого шутник насыпает за ворот «порошок для чесания». В другом месте, молодой господин, объясняясь в любви невесте, вдруг начинал, бегая по комнате, ловить 2[укусившую его блоху] для каковой цели раздевался догола!.. Или пьяного человека зашили, по ошибке (хороша ошибка?..) в матрац — и вот по улице катится живой матрац, наталкиваясь на прохожих. Как в старом романе, где конец, обязательно — брак, так в кинемо-юмореске в конце — шутника бьют…

Недалеко от кинематографа ушёл юмор французского фарса.

Элементы его: блудливый старый дядюшка, 2[дама полусвета][4], бонвиван племянник, добродетельная дочь дядюшки, комическая старуха жена, в третьем акте — полицейский комиссариат. Начинается тем, что

дядюшка приезжает из провинции к племяннику, тот в растерянности выдаёт присутствующую 2[в его квартире даму ½ света] за свою жену, после чего дядюшка убегает в шантан… Второй акт — комната 2[дамы полусвета], кровать. Все — дядюшка, племянник, дочь дядюшки, неизвестный старик 2[и дама полусвета] — раздеваются до белья и ложатся — кто на кровать, кто под кровать. Прибегает старая жена дядюшки — бьёт кое-кого по физиономии, кое-кого — целует.

Третий акт — в участке, где разобрав всё дело, французский околоточный женит племянника на дочери дядюшки, и все пляшут канкан… Дочь — с племянником, дядя — 2[с дамой полусвета], тётя — с околоточным.

Невзыскательные зрители хватаются за животики — отчасти от смеха, отчасти из опасения, не срезал ли 2[весёлый] сосед по креслу золотые часы?..

***

Русский юмор гораздо тоньше и глубже, но и мы после Гоголя — долго брели по выжженной солнцем унылой полосе, где не было ни настоящего смеха, ни настоящей радости — пока не добрели до Антона Чехова.

Но и Чехов — чудесно сверкнув на солнце, словно золотая рыбка, выпрыгнувшая из стоячей воды — опять скрылся в глубь печальных тёмных вод — и не смех, а 2[грусть] и тихая жалоба робко зарокотала на струнах его кроткой тихой арфы.

А в это время царили бесконкурентно и безраздельно — по всему пространству матушки Руси — Лейкин[5] и Мясницкий[6] — два московских мага и чародея, на которых воспитывались отцы и матери наши, да даже кое-кто и из нас в детстве.

И ведь, представьте, казалось смешно! Вызывало улыбку!! Впрочем, тогда вызывали улыбку и остроты «Стрекозы»[7] и «Будильника»[8], в которых после ухода Чехова, самыми желанными юмористами были 2[кладбищенские сторожа и аптекарские мальчики], а самыми тонкими остротами считались такие:

На катке:

– Барышня, позвольте вам предложить руку…

– Ах, ах… Поговорите с мамашей.

Или:

– Что это не видно Иван Иваныча.

– У него семейное горе.

– Что такое?

– Тёща приехала…

Это было время, когда журнал с пятитысячным тиражом имел розницу в 150—200 номеров на всю Россию.

А подписчиками были — парикмахерские, рестораны и портерные.

Революция 1905 года немного встряхнула русский юмор и сатиру, но уже к 1908 году, снова во всех «Шутах»[9], «Осколках»[10], «Стрекозах» и «Будильниках» началось унылое пережёвывание Лейкинской и Мясницкой жвачки для портерных[11] и цирюлен…

***

И в это время, в декабре 1908 года[12] южный поезд, которому решительно было всё равно — кого тащить на себе — привёз в суровый Петербург молодого 25-летнего[13] провинциала, прибывшего с огромным багажом чисто южной жизнерадостности и с маленьким узелком белья и десятка книг.

Вот буквальный разговор между застенчивым приезжим и издателем журнала «Стрекоза» Мих. Герм. Корнфельдом[14].

– Зачем вы приехали в Петербург?

– Меня в Харькове со службы уволили. Я был плохим служащим и прекрасным лентяем. Последнее время я буквально умирал с голоду.

– А что вы будете делать в Петербурге?

– Если ничего лучшего не встретится — тоже буду умирать с голоду. Лучше уж здесь, чем там.

Пауза.

– Как вам нравится наш журнал «Стрекоза»?

– Не особенно. Ему не хватает двух вещей.

– Именно?

– Другого названия и меня.

– Чем же название 2[«Стрекоза»] не нравится? Этому названию 35 лет.

– 2[Названию] «чума» тысяча лет, а никто от этого удовольствия не получает. Наоборот: все от чумы шарахаются. Так же всякий развитой человек шарахается и от «Стрекозы». Все привыкли к тому, что ваш журнал только и издаётся исключительно для портерных и парикмахерских.

– Что же мне делать?

– Измените название журнала и возьмите меня. Если ничего из того и другого не получится — через три месяца прогоните меня и вернитесь к старому названию.

Издатель задумчиво пососал кончик карандаша и — согласился!

Так — маленькие разговоры кончаются большими делами.

Через две недели вышел первый номер журнала «Сатирикон»[15], через три недели застенчивый приезжий провинциал был секретарём журнала, а через месяц 2[застенчивый приезжий] сделался главным и неограниченным редактором[16].

Новый журнал раскрутился, по своеобразному выражению издателя, как булка, а подписчики, вначале удивленные тем, что вместо привычной 2[старой] «Стрекозы» получают 1[какой-то дикий бешенный] диковинный «Сатирикон» — к концу года привыкли и автоматически возобновили подписку[17]...

Собственно, моя скромность должна бы обязать меня скрыть — кто был приезжий застенчивый провинциал, но т. к. всё мною рассказанное имеет уже десятилетнюю давность, так как это уже история, то позвольте быть нескромным...

Застенчивый приезжий провинциал — был я!!

Только давайте, господа, прежде всего условимся: я категорически заявляю, что не хочу, ни в коем случае не хочу — одному себе приписывать успех «Сатирикона», и вы, пожалуйста, тоже этого не думайте. Иначе это свяжет и меня, и вас.

С чувством гордости и тихого умиления могу сказать: успех «Сатирикона» — это успех каждого отдельного сотрудника и всех вместе! Успех его был в непрестанном горении творчества всех писателей и художников «Сат.<ирикона>», в горячей любви к русской литературе и 2[к русскому] искусству.

Сатириконцы непрестанно кипели в горячке коллективного творчества, как в котле. Они сделали из «Сатирикона» маяк, на приветливый огонёк которого слетались многие неведомые, чьё имя потом сверкало ясной звёздочкой.

Моими товарищами по работе, ближайшими сотрудниками были: Тэффи[18], Арк. Бухов[19], Саша Чёрный[20], художники Радаков[21], Юнгер[22], изумительный художник-график и живописец Александр Яковлев[23], темпераментный, яркий, неожиданный, как ракета, карикатурист Ре-Ми[24] — с такой блестящей гвардией можно было завоевать не только Россию, но и весь мир.

Никто иной, как мои товарищи сатириконцы, подняли упавший, скитавшийся до того по задворкам портерных 2[русский] юмор — на недосягаемую высоту!

Был период (до нашей горе-революции), когда слово «Сатирикон» стало нарицательным, когда наши политические карикатуры и остроты цитировали с трибуны не только Госуд.<арственной> Думы, но даже солидные престарелые члены Государственного Совета, отвечая интерпеллянтам на сухой деловой вопрос! 2[В Госуд.<арственном> Совете цитировали подписи под нашими кар.<икатурами>].

Не за себя, а за своих товарищей могу я с гордостью ответить, что от «Сатирикона» началась блестящая страница возрождения русского юмора.

Мы проявили неслыханную деятельность. Еженедельно десятки тысяч нашего журнала птицами разлетались по всей России и Сибири, чуть не ежедневно выходили новые издания наших книг — сатириконцы смехом засыпали Россию! Большие книги мы выбрасывали на рынок сотнями тысяч, а дешёвую библиотеку[25], по нашей терминологии — «семечки» — печатали буквально миллионами. 2[Мы сочиняли новую всемирную историю[26], новую географию[27], энцик.<лопедические> словари[28]. Наши книги] переводили на все европейские и даже два азиатских языка, мы написали десятки пьес, открыли два театра смеха, у нас был огромный книжный склад, большая собственная типография, агентурные конторы по всей России…

Но пришли большевики и — где это всё?

Тэффи — в Париже[29], Сашу Чёрного, по слухам, расстреляли 2[Чёрный в Берлине[30], Гумилева расстреляли], Ре-Ми скрывался где-то на юге 2[и только недавно вынырнул в Париже][31], Радаков голодает в Петербурге[32], Александр Яковлев 2[этим размахом чёртова колеса был забр.<ошен>] — в Японии[33] и только два бывших сатириконца[34], два ренегата, память о которых я хотел бы вырвать из дорогих нашему сердцу страниц журнала — два наших бывших сотрудника блаженствуют под эгидой и попечительством 2[Льва] Троцкого и 2[Анатолия] Луначарского.

Нас, сатириконцев, переводили на все европейские языки и теперь наши книги тоже есть на всех европейских языках, кроме одного — русского!

1[Последние 2 года наших книг на русском языке нет[35]. Я — в Севаст.<ополе>, Тэффи в Париже и даже <2 сл. нрзб. >].

Пришла кучка беззастенчивых негодяев и, задушив всю Россию, задушила заодно и русский юмор — кость от кости и плоть от плоти русского народа.

Когда мы были в России — вся Россия смеялась, потому что жизнь — есть смех и творчество. Теперь — разве Петербург смеётся? Разве Москва смеётся? Рубиновые, кровавые слёзы сливаются в широкие ручьи, и вся Россия залита ими.

Убийцы сами не умеют смеяться и не переносят чужого смеха. Вопреки пословице, они захватили квартиру повешенного или, и у них только и разговору что о верёвке!

Это — юмор висельника, это хриплый смех палача, это весёлое карканье воронья над полусгнившим трупом!

2[Но, господа, после смерти наступит воскресенье, а всякое воскресенье это — радость, это праздник, улыбка и смех.

Кровь высохнет, рыданья утихнут, и снова миллионами весенних дождевых капель засверкает на родимых клейких листочках — русская улыбка, русский светлый юмор!].

***

Впрочем, что же это я, господа… Это не лекция о юморе, а похоронный марш Шопена.

Прошу прощения.

***

Все мы, господа, собравшиеся здесь — люди со спокойной совестью, значит, нечто вроде взрослых детей, а дети 1[как известно] любят, чтобы «книжка была с картинками».

Поэтому, разрешите мне иллюстрировать мою лекцию рядом таких картинок, где, вместо сухой классификации юмора — будет живое его воплощение в слове…

Первая картинка, это — еврейский юмор…

Я отвожу еврею в русском юморе очень почётное место, начиная от симпатичного гоголевского Янкеля в «Тарасе Бульбе»[36], до… вплоть до рассказов нашего талантливого темпераментного Волошина[37], вплоть до знаменитого, так называемого «еврейского анекдота»!

Всякий анекдот, а тем более еврейский должен быть краток, рельефен и душист[38], в его нескольких словах должна зачастую заключаться целая драма, поэма или роман.

Вот вам, наудачу два еврейских анекдота:

Первый — разговор по телефону:

– Соломон Абрамыч! Поздравьте: у моей жены родился ребёнок!

– А-а… Поздравляю, поздравляю… Слушайте, а кто отец?

– Что вы спрашиваете? Что вы спрашиваете, идиёт паршивый?!!

– Чего вы ругаетесь? Я только так спросил. Я думал — вы знаете.

И второй анекдот из 15 слов, но в котором целая огромная драма загнанного, униженного мужа.

– Слушайте, Мойша! Это прямо таки неудобно: весь город говорит, что Соловейчик живёт с вашей женой…

– Подумаешь, какое счастье: захочу — я тоже буду жить с ней!

По вашим лицам я вижу, что еврейский юмор вам, как и мне — очень по душе, поэтому первой иллюстрацией к своей «лекции о юморе» я покажу мой диалог «Рыцарь индустрии» — это крохотная пьеска, шедшая в России буквально тысячи раз[39]!.. Я не мог удержаться от соблазна показать вам её, потому что у нас на роль коммивояжёра Цацкина есть такой ценный актёр, как Волошин!.. Роль хозяина в руках опытного столичного актёра Шатова[40].

Итак — первая иллюстрация — диалог Арк. Аверченко «Рыцарь индустрии».

***

Вторая моя иллюстрация это — вековечная, неиссякаемая тема о взбалмошной женщине, скажу более — о глупой женщине.

Должен оговориться: когда глуп мужчина — это грубо, некрасиво и отталкивает, но глупая молодая женщина — это так изящно, так очаровательно, как яркоцветный цветок с сильным запахом!..

Диалог называется: «Птичья головка»[41] — написан он мной специально для этой лекции о юморе, как легкомысленная иллюстрация к серьёзной книжке.

Роль жены — в руках нашей очаровательной малиновки гнезда — Л. В. Мансветовой[42].

Роль мужа исполнит дрозд-пересмешник Арк. Аверченко![43]

***

Третьей и последней иллюстрацией я преподношу, на закуску, как некий душистый плод, как драгоценный сосуд, наполненный дорогим старым вином — преподношу отрывок из Гоголя — «Мёртвые души» — разговор дамы просто приятной и дамы приятной во всех отношениях.

Ах, господа! У всех народов мира есть одна книга — утешительница и целительница скорби — святое Евангелие Я не кощунствую, если скажу, что кроме этого общего Евангелия, у нас 1[русских] есть своё русское Евангелие, где мы можем всегда почерпнуть бодрость, веселье, смех, утешение и веру в будущее… Это — Гоголь.

В минуты тоски, сомнения и уныния, я открываю эти ароматные страницы и с них льётся в измученную душу ласка, утешение и целый океан любви к нашей измученной Руси…

Как и в Евангелии, мы у Гоголя можем на всё найти ответ.

Вот, например, я недавно перелистывал его и стал выбирать места, подходящие к нашему времени. Посмотрите, что получилось[44].

---

[1] Аверченко варьирует ситуацию, намеченную в его рассказе «Юмор для дураков» (1913).

[2] О личной встрече писателя с В. И. Лениным ничего не известно. Об их заочной полемике см.: Хлебина, А. Е., Миленко В. Д. Беженские и эмигрантские годы Аркадия Аверченко (1918–1925). М.: Дмитрий Сечин, 2013. С. 301–306.

[3] Журнал «Новый Сатирикон» был закрыт 18 июля 1918 г. (см.: Аверченко Аркадий. Безглазое, безротое лицо // Юг России. 1920. 21 июля (3 августа)).

[4] Здесь и ниже «дама полусвета» заменяет вычеркнутое «кокотка».

[5] Лейкин Николай Александрович (1841–1906) — русский писатель и журналист. В 1882–1906 гг. издавал юмористический еженедельник «Осколки», с которым сотрудничал

А. П. Чехов. Фамилия Лейкина стала символом обильной, низкопробной юмористики. Аверченко ошибочно называет его «московским»: Лейкин работал в Санкт-Петербурге.

[6] Мясницкий Иван Ильич (наст. фам. Барышев, 1852–1911) — русский писатель-сатирик и фарсовый драматург. Прослыл «московским Лейкиным».

[7] «Стрекоза» — петербургский сатирико-юмористический еженедельник (1875–1908). Был первым местом службы Аверченко в столице; при участии писателя в апреле 1908 года реорганизован в журнал «Сатирикон».

[8] «Будильник» — сатирико-юмористический еженедельник, издававшийся в 1865–1871 гг. в Санкт-Петербурге, в 1873–1917 — в Москве.

[9] «Шут» — сатирико-юмористический еженедельник, издававшийся в 1879–1914 гг. в Санкт-Петербурге.

[10] См. *Лейкин*.

[11] Портерная (устар.) — пивная.

[12] Явная описка. Нужно: в декабре 1907 г. См.: «В декабре 1907 г. ко мне явился один малоизвестный господин и предложил ехать с ним в П<етер>бург, обещая мне комнату на один месяц и содержание, и уверял, что скоро я выбьюсь. 24 декабря я приехал с ним в Петербург» (А. Т. Аверченко. Автобиография / Публ. А. Д. Алексеева // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1976. С. 155).

[13] На самом деле в декабре 1907 года Аркадию Аверченко было 27 лет.

[14] Корнфельд Михаил Германович (1884–1973) — издатель журнала «Стрекоза» в 1904–1908 гг., «Сатирикона» — в 1908–1914 гг. Эмигрант. См.: Корнфельд, М. Г. Воспоминания / Публ. Л. А. Спиридоновой // Вопросы литературы. 1990. № 2. С. 268–280.

[15] Первый номер журнала «Сатирикон» вышел 1 (13) апреля 1908 года.

[16] Аверченко стал редактором «Сатирикона» с № 9 (июнь) за 1908 год.

[17] См. также: Аверченко. Мы за пять лет // Новый Сатирикон. 1913. № 28.

[18] Тэффи (наст. имя: Надежда Александровна Лохвицкая, 1872–1952) — русская писательница, автор сатирико-юмористической прозы. Печаталась в «Сатириконе», позднее в «Новом Сатириконе» в 1908–1918 гг.

[19] Бухов Аркадий Сергеевич (1889–1937) — русский писатель-юморист. Близкий друг Аркадия Аверченко.

[20] Саша Чёрный (наст. имя Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) — поэт-сатирик, детский писатель. Работал в «Сатириконе» в 1908–1911 г. Эмигрант. О его сотрудничестве с Аверченко см.: Миленко, В. Д. Саша Чёрный: Печальный рыцарь смеха. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 77–151.

[21] Радаков Алексей Александрович (1877–1942) — русский и советский художник-карикатурист, плакатист, живописец, иллюстратор. Ведущий художник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона». Близкий друг Аркадия Аверченко.

[22] Юнгер Александр Александрович (1883–1948) — русский и советский художник-график; архитектор.

[23] Яковлев Александр Евгеньевич (1887—1938) — русский живописец и график. Эмигрант.

[24] Ре-Ми (наст. имя Николай Владимирович Ремизов-Васильев, 1887–1975) — русский художник-карикатурист, плакатист, иллюстратор. Ведущий художник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона». Близкий друг Аркадия Аверченко. См.: Вульфина, Л. Неизвестный Ре-Ми: Художник Николай Ремизов. Жизнь, творчество, судьба. М.: Кучково поле, 2017. С. 12–76.

[25] Дешёвая юмористическая библиотека «Сатирикона» — серия книг карманного формата и малого объёма (1910–1913).

[26] «Всеобщая история, обработанная “Сатириконом”» (1910).

[27] «Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» (1911).

[28] «Энциклопедический словарь» — вторая часть коллективного сборника «Вестник знания “Нового Сатирикона”» (1917).

[29] Тэффи приехала в Париж в 1920 году. В архиве А. Т. Аверченко в РГАЛИ представлено её письмо из Парижа за 1920 год. (Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 1). Опубликовано: Миленко, В. Д. Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 208.

[30] Саша Чёрный приехал в Берлин весной 1920 года.

[31] Ре-Ми пережидал Гражданскую войну в Херсоне и Одессе; летом 1920 г. прибыл в Париж.

[32] А. А. Радаков остался в Советской России.

[33] А. Е. Яковлев в 1917 году на стипендию Академии художеств выехал в командировку на Дальний Восток. Посетил Монголию, Китай, Японию. Там узнал о революционных событиях в России; не вернулся.

[34] Аверченко имеет в виду В. В. Князева и О. Л. Д’Ора (И. Л. Оршера), сотрудничавших с большевистской печатью.

[35] Книги Аверченко на русском языке выйдут вскоре после написания лекции. В июне 1920 г. — «Дюжина ножей в спину революции» (Симферополь: «Таврический голос»), в сентябре 1920 г. — «Нечистая сила» (Севастополь: «Новый Сатирикон»). Финансовую поддержку окажет штаб Русской армии генерала П. Н. Врангеля.

[36] Предприимчивый еврей, торговавший в предместье Запорожской Сечи.

[37] Волошин Александр Александрович (1892–1960) — актёр, литератор, участник Белого движения. Эмигрант. Автор мемуаров «На путях и перепутьях» (Сан-Франциско, 1953).

[38] Размышления о природе анекдота писатель продолжит в юмористическом эссе «Искусство рассказывать анекдоты», где вновь приведёт анекдот о Мойше и его жене. Эссе вошло в сборник «Пантеон советов молодым людям, или Вернейшие способы, как иметь успех в жизни» (1924).

[39] Инсценированный одноимённый рассказ Аверченко 1909 года. Одноактная пьеса впервые была опубликована в сборнике писателя «8 одноактных пьес и инсценированных рассказов» (1911).

[40] Личность установить не удалось.

[41] Писатель лукавит. На самом деле он изменил название старой одноактной пьесы «Когда женщина захочет», опубликованной в его сборнике «Без суфлёра. Пьесы и монологи» (1916). Под названием «Птичья головка» пьеса была опубликована в сборнике эмигрантского периода «Чудаки на подмостках. Новая книга пьес и скетчей для сцены и чтения» (1924).

[42] Мансветова Лидия Васильевна (? – 1963) — театральная актриса. До революции служила в харьковской труппе Н. Н. Синельникова, затем в одесской труппе А. Т. Сибирякова, ставшего её мужем. С 1920 года — в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии). Стала первой русской актрисой в труппе Белградского Народного театра. Играла на сербском языке. Успешно пробовала себя в режиссуре.

[43] В беженские и эмигрантские годы Аркадий Аверченко вынужденно стал актёром, но играл только в собственных пьесах. См.: Хлебина, А. Е., Миленко В. Д. Беженские и эмигрантские годы Аркадия Аверченко (1918–1925). М.: Дмитрий Сечин, 2013.

[44] Финальные 4 абзаца являются вольной цитатой из фельетона Аверченко «Дядя Митяй и дядя Минай», впервые опубликованного в симферопольской газете «Таврический голос» № 123 (273) за 25 декабря 1919 года (7 января 1920 года). Вероятнее всего, после фразы «Посмотрите, что получилось» писатель полностью зачитывал фельетон, поэтому рукопись выглядит оборванной. Вероятно и то, что он мог зачитывать фельетон «Николай Васильич уходит…», опубликованный в севастопольской газете «Юг» № 90 за 13 ноября 1919 года. В фельетоне обильно цитировалась поэма «Мёртвые души» Гоголя.

УДК 82.02

Матвеева Марина Станиславовна
Писатель, литературный критик, публицист,
член Союза писателей России;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: marinagenius@mail.ru

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ — БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВИД ТВОРЧЕСТВА. Статья первая

В данной статье осуществлена попытка по-новому рассмотреть яркое явление в мире современной поэзии, которое, синтезировав сразу несколько видов искусства, дало толчок новому виду авангардной поэзии — визуальная поэзия. Автором отмечается, что возможности визуальной поэзии намного шире традиционного иллюстрирования поэтических произведений, так как неразложимое сочетание в ней нескольких форм искусства даёт существенное внутреннее преображение. Статья представляет собой авторский взгляд на визуальную поэзию, основные её психологические и философские аспекты, истоки и путь формирования, современные проявления и варианты практического отображения, возможности и целеполагание. Наблюдения и заключения, представленные в данной статье, позволяют не только получить представление о формах авангардной поэзии, но и изучить инструментарий её исполнения.

***Ключевые слова**: визуальная поэзия, авангардная поэзия, изопоэзия, графика, неологизмы.*

Marina S. Matveyeva
Writer, literary critic, publicist,
Member of the Writers' Union of Russia;
Russian Federation, Simferopol

VISUAL POETRY — BIOLOGICAL VIEW OF CREATIVITY. Article One

***Abstract.** In this article realized the attempt to consider the bright phenomenon in the world of contemporary poetry, that synthesized several kinds of art, gave rise to a new kind of avant-garde poetry — visual poetry. Immediately it is worth noting that in contrast to the illustrative material for poetic works, visual poetry possibilities is much broader, as it is not just skillfully combines several works of art, but makes them indecomposable, and forming on the basis of a new kind of creativity. The article represents the author's view on this phenomenon, here represented by the psychological and philosophical aspects of visual poetry, the origins and formation of the way, opportunities and options for practical use,*

the rationale for its goal-setting. Thus, we can testify that this article can't only give an idea of the avant-garde forms of poetry, but also to help explore the performance of the tools.

***Key words**: visual poetry, avant-garde poetry, izopoetry, graphics, neologisms.*

Для цитирования:

Матвеева, М. С. Визуальная поэзия — биологический вид творчества. Статья первая // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4(7). С. 64–84.

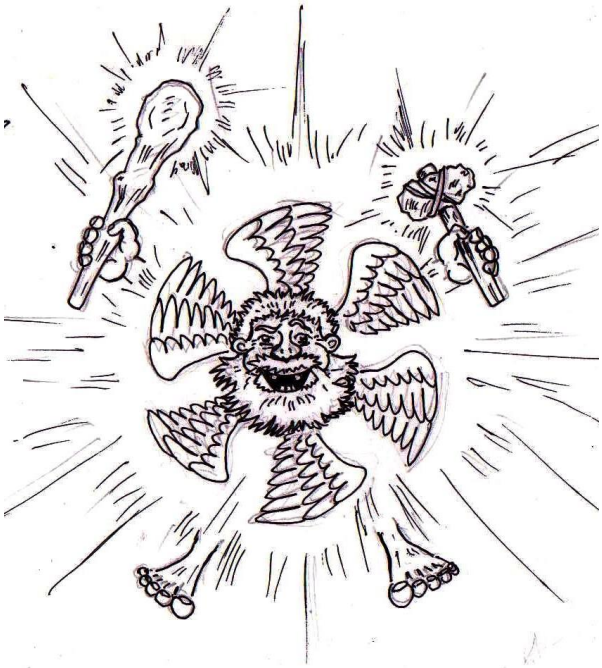
Искусство представляет собой борьбу двух идей — реалистической и идеалистической (в культурологическом аспекте — ближе понятие «иррационалистической идеи»), потому вряд ли правильным будет утверждение, что визуальная поэзия, по природе своей близкая ко второй мировоззренческой позиции, — явление современное, новое и только зарождающееся. Она изменяет формы творческого выражения, но не его суть. Данное явление возникло ещё в древние времена на стыке сразу нескольких видов искусств, парадоксально-своеобычный синтез которых и породил самостоятельный, столь многомерный жанр. Визуальная поэзия выступает как оксюморон, как дань тому факту, что 60% людей является визуалами, как новаторство поэтов, которым мало словесных форм для выражения творческих идей и образных картин. Визуальная поэзия видоизменялась, обнаруживая в себе новые грани и заимствуя в качестве строительного материала инструментарий живописцев, художников-графиков, пластических форм искусства; с появлением фотографии и компьютерной графики — присматривая для себя, как на ярмарке-выставке, диковинные материалы в этих видах искусства. Необходимо понимать одно: такая форма творческого самовыражения — отображение извечного творческого импульса людей, которые не могут мыслить одномерно, потому данное явление следует изучать, в первую очередь, в философском и психологическом ключе. Визуальная поэзия относится к так называемым семиотически осложнённым текстам. Она существует на стыке нескольких дисциплин, потому не может стать объектом лишь одной научной области, для полноценного осмысления данного вида искусства необходимо задействовать арсенал ряда гуманитарных сфер.

Основой данной работы является преимущественно современный творческий материал, культурный субстрат региона проживания авторов — Республики Крым. Большинство из рассматриваемых авторов являются ныне живущими и действующими мастерами художественного слова.

ПОЭЗИЯ «АСТРАЛОПИТЕКОВ»

Визуальная поэзия — явление, находящееся на стыке поэзии и живописи, графики, пластики, фотографии. Визуальный поэтический текст — результат соединения двух видов деятельности — поэтической (словесной) и изобразительной (графической). Из уст заместителя генерального директора по научной работе Центрального музея Тавриды Елены Вишневской когда-то прозвучало, на наш взгляд, максимально точное определение визуальной поэзии как «отдельного биологического вида творчества». Занятие литературой, в частности сочинение стихов, представлялось как «необходимость видовая, биологическая» и Иосифу Бродскому[1] И если рассматривать визуальную поэзию в прямом смысле как явление «биологическое», то уж точнее — палеоантропологическое.

Наскальные рисунки отражали не просто желание древнего человека что-либо изображать, а воплощали его идеи, порой куда более глубинные, чем нам может казаться, и куда более сложные, намного сложнее тех, к которым способны были их обладающие примитивным сознанием создатели. Следовательно, уже тогда при отсутствии письменности «поэзия» существовала. Это искусство древнее настолько, насколько в целом «палингенетично» у человека его даже не сознание, а чутьё, способное хоть к самым примитивным обобщениям, абстрагированию. Знаток языков, авангардист, создатель «лингвогобеленов» Вилли Мельников так говорил о процессе возникновения письменности: «Сначала были рисунки, и люди стремились к их повторяемости, стилизации. Именно так возникли китайские иероглифы. Если взять совсем древние китайские тексты, возрастом 3–4 тысячи лет, там — откровенные рисунки, которым ещё предстоит стать



«Астралопитек».
Рисунок Марины Матвеевой и Тимура Лобжанидзе. 2013.
Из личного архива автора.

[1] «Я, например, занялся изящной словесностью по одной простой причине — она сообщает тебе чрезвычайное ускорение. Когда сочиняешь стишок, в голову приходят такие вещи, которые тебе, в принципе, приходить не должны были. Вот почему и надо заниматься литературой. Почему в идеале все должны заниматься литературой. Это необходимость видовая, биологическая» (Волков, С. М. Иосиф Бродский // Волков, С. М. Диалоги с Иосифом Бродским. М. : Эксмо, 2012. 448 с).

иероглифами» [1]. Итак, «визуальной первопоэзии» ещё только предстояло стать поэзией словесной, и лишь потом уже — письменной.

Философы с древних времен пытались доказать, обладает ли человек «врожденными идеями», или все его постижения — результат лишь чувственного опыта. На наш взгляд, само существование «первопоэзии», визуальной поэзии, да и поэзии вообще является едва ли не прямым доказательством наличия этих самых врождённых идей, порой их носителем даже не осознаваемых. Нами создан поэтический неологизм «астралопитек», воплощённый затем в «формате» визуальной поэзии художником Тимуром Лобжанидзе[2]. Этот образ отражает древнего человека, чувствующего способность к воссозданию в жизни и творчестве, но ещё не в рассудочных, а абстрактных формах постижения мира. Эта же философская метафора применима к поэту-авангардисту, коего иначе как «астралопитеком» не назовёшь. Это лишь на первый взгляд авангард — порождение холодного разума и логики. Интуитивный пласт его огромен.

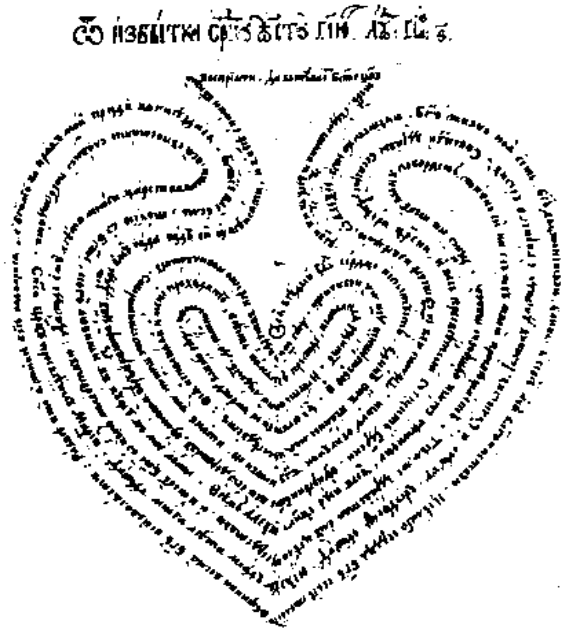
История визуальной поэзии гласит: «Изобретение этой поэтической формы приписывается греческим поэтам александрийской школы Симию Родосскому, Досиду и Феокриту. Стихи, имевшие вид кубка, пальмы, башни, пирамид и других предметов, были в моде в разные эпохи. Фигурные стихи писали (изображали?) и в средние века, и в эпоху барокко. Расцвет визуальной поэзии приходится на рубеж XIX—XX веков во Франции (Стефан Малларме, Гийом Аполлинер)» [2]. При этом визуальная (как и в целом авангардная — в широком смысле) «поэзия» существовала с куда более древних времён и создавалась людьми, обладающими тайными знаниями, в том числе и о возможностях слова и звука, их энергетике, вибрациях. Заговоры, мантры, молитвы, те же иероглифы. Архетипическая символика различных религий и учений — если приглядеться, не вдумываясь, — бессмысленный набор словозвуков или же изображение с трудно различимыми смыслами. Но — отложившиеся в сознании человека, принимаемые на веру и по прямому назначению используемые им и доныне. Однако, кроме прямого назначения, — это ещё и поэзия. Причём сегодня её трактовали бы именно как «авангардную». «Самовитое слово», важность не того, о чём пишет «поэт», а каково само произведение, каковы его пласты: поверхностный — для аудиовизуального восприятия и глубинный — идейный. Воспринимать такую поэзию предполагается целостно — одновременно в пространственно-временном континууме. Слово существует во времени, рисунок — в пространстве. В пространстве также существует и неологизм —один из основных приёмов авангарда. Неологизм — это, по сути, картина, прежде, чем

[2] Впервые представлен на презентации журнала «ЛАВА» в Симферополе в 2013 году.

осознать смысл которой, её нужно увидеть. Обычно неологизм и является ярко зримым «изображением» в теле стиха — в окружении обычных, привычных слов. Неологизмы в названиях текстов и вовсе берут на себя бóльшую часть концепта, для понимания которого порой и текст не нужен. А порой — наоборот: раскрывается ярче в авторской интерпретации.

Солнцеворон висит сгоревшей лампой
В подъезде недокуренного дня
Скорей согрей люминесцентной лапой
Солнцеменя
Зажмурь мои бессонные глазищи
Допой куплет
Сиреневое солнце нищих
Пропащих лет
Свети стеклянное светило
Со всех сторон
Сползает небо в паутину
Солнца ворон. (Александр Курапцев «Солнцеворон») [10].

При анализе авангардной поэзии нельзя пройти мимо основных идей постмодернизма. Одна из них — возможность понимания текста и его индивидуальной трактовки каждым читателем, своего рода со-творчества, со-труда с автором. Таким образом, кажущаяся «непонятность» авангардного текста не что иное, как нежелание его понимать. Или отсутствие интереса к такой форме мировосприятия. Однако те, кто настроен на анализ-синтез многосмысловости авангарда-постмодернизма и восприятие «множественности» визуальной поэзии, получат истинное наслаждение от этих произведений. Например, вышеприведённый текст нами даже не воспринимается как авангардный — настолько смысл его прозрачен. Но эта прозрачность существует для отдельно взятого читателя, абсолютно ясным этот текст может быть и для другого, но — по-иному. Для кого-то же он останется непонятным. Ответ на загадку существует для тех, кому интересно её разгадывать.



Симеон Полоцкий.
Стихотворение «От избытка сердца уста глаголят» в форме сердца (1661 год).

Историю русской школы визуальной поэзии принято вести от Симеона Полоцкого, создававшего фигурные стихи, порой весьма сложные и визуально эффектные. Однако эта школа в своеобразной форме существовала

с намного более древних времен. В старославянских текстах в целях экономии дорогого пергамена было принято титлование: сокращение часто употребляемых слов со знаком «титло» сверху. Как правило, это были слова-идеи религиозного плана (Господь, Богородица, Отец и т. п.). Их представление на многие века закрепилось в памяти людей в виде картинок-«сократов» (как сказали бы сейчас) с титлом. Уже позже о том, чтобы в русский язык снова ввести титлование, «компактировать» его, писал Д. Бурлюк. То же — «визуальная первопоэзия» — можно сказать и об использующихся в древнерусских текстах буквицах — каллиграфически и художественно выполненных первых буквах глав, в «оформление» которой нередко закладывалась идея текста.

О возвращении букве её значения писал Ю. Марр, считавший, что литера способна к собственной «графической модуляции», а потому в поэзии нужно развивать культуру почерка, отходя от строгих классических типографских шрифтов. Тогда поэзия приблизится к промежуточной форме, доступной художнику. А затем и станет полностью художественной [2].

Значение и модуляция буквы были блестяще использованы составителями сборника поэзии литературного портала «Литфест» в его назывании «Лит-Ё» (2012) [11]. Авторы названия обосновали это и яркостью, агрессивностью, визуально усиленной выделением крупным шрифтом, буквы Ё, и звучанием слова — «литьё», означающем «лучшее» в литературе. Но зачем что-то обосновывать? Такая находка не только чётко понятна, но ещё и очень привлекательна — истинная визуальная поэзия. Эту же букву русского алфавита недавно обыграл российский авангардист и теоретик «буквологики» Александр Бубнов:

*Передохн**ё**м мы с буквой ё,*
*Но перед**о**хнем без неё* [6].

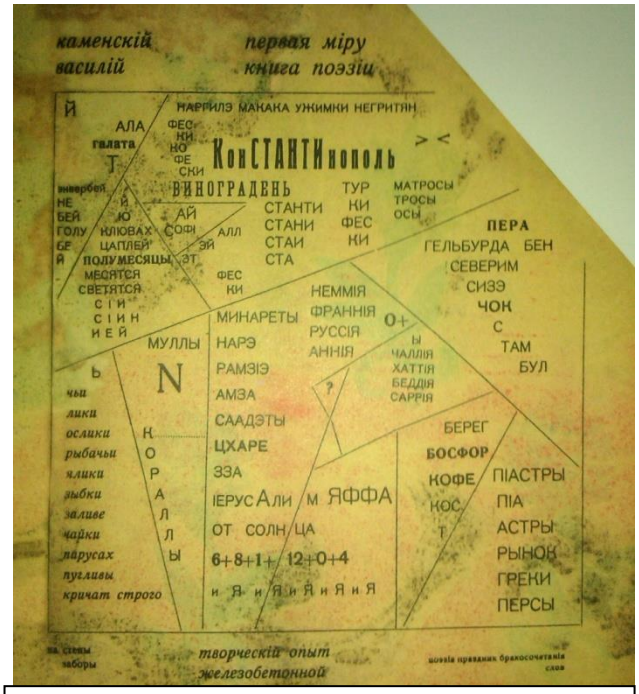
Впрочем, свой звуковой и глубинный смысл есть у каждой буквы. И возможностей для его раскрытия множество.

Но вернёмся к истории. По работам Симеона Полоцкого можно осознать отличие собственно визуальной поэзии от визуализации текста. Старые школы поэтов-художников разрабатывали формы именно последнего. «И мягкое литографское письмо, и акцентное использование литер, и отказ от линейной строки в опытах поэтов Серебряного века и их последователей (Каменский, Зданевич,

Алексей Кручёных, Ольга Розанова «Кидая стозубость плевка…», 1913.

Ларионов, Сельвинский и др.) — в русле старинных традиций, и сегодня вполне может быть возведено к фигурным стихам александрийской школы, к опытам средневековых переписчиков и экспериментам Симеона Полоцкого. Именно так и поступают многие исследователи визуальной поэзии, стремящиеся связать сегодняшние её особенности с тысячелетней книжной традицией. Между тем, необходимо строгое различение собственно визуальной поэзии и визуализации стиха, характерной человеческой культуре на протяжении столетий.

Опыты Бурлюка, Каменского, Кручёных — это именно визуализация, когда подлинный сплав текста и изобразительных возможностей типографского набора ещё не достигнут. Подобные произведения можно и читать и рассматривать, или только читать, или только рассматривать. В них даны только первые попытки к созданию такого литературного произведения, которое воспринималось бы подобно рисунку или картине — мгновенно, и постигалось углублением в эту мгновенность с первого взгляда.



Василий Каменский «Железобетонная» поэма «Константинополь». 1914.
Автор: Valerikpunk, Общественное достояние, https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=27709631

Г. Апполинер подчёркивал, что визуальный компонент должен работать на содержание. Такое оформление текста необходимо, «чтобы читатель воспринимал стихотворение всё целиком, подобно тому, как дирижёр одним взглядом охватывает нотные знаки партитуры» [2]. Однако превалирование формального компонента над содержанием, идеей превращает поэзию в ходульную игрушку. Поэтому создание истинного шедевра авангардной, а уж тем более визуальной поэзии, представляется весьма сложным.

В. Хлебников предлагал создать письменный язык, понятный любым народам земли и ссылался на живопись, которая «всегда говорила языком, доступным для всех» [2]. Именно в этой роли поэт представлял визуальную поэзию. Однако достигнуть этого эффекта — даже к нашему времени — удалось только частично.

Один из таких приёмов — «интернационализации» текста — латинизирование отдельных слов и идей. Он активно используется и современными авангардистами, например, обращающимся к латинским

крылатым выражениям, словам английского или других языков. Оставляя их написание, но изменяя смысл, например, чувствуя их созвучие с русскими словами. Расширение смысла и сдвиг сознания получаются порой очень явными:

Для леченья больного мира
Переделанного из недо-
della nova своей рукою.

(Марина Матвеева, «Я люблю тебя хуже чёрта…») [14].

Вилли Мельников, например, использует муфтолингвы и интроксенолингвы [1]. Первое — элемент чисто поэтический: муфтолингва — объединение разных слов через муфту — один общеударный слог (*«озверевность», «подсознахарь»* и др.) И, что важнее, получается общеударный смысл слова-кентавра. Интроксенолингва же, можно сказать, уже элемент визуальной — или абстрактной — поэзии. «Если я вижу, — пишет В. Мельников, — что часть русского слова снайперски точно можно озвучить словом из другого языка, то что мне мешает это сделать? Например, слово „цикада“. Это греческое слово, ну да ладно. „Цик“ — по-тибетски означает — „люди“, получается — „люди ада“» [1]. Но такие формы поэтической работы не понятны без объяснений. Следовательно, авангардная, равно как и визуальная, поэзия, можно сказать, невозможна без комментариев, т. е. непосредственного участия самого автора в диалоге с воспринимателем поэтического текста. В этом есть некий элемент ущербности — произведение без автора словно не может существовать, быть отдельно живущим предметом искусства (как, например, «Джоконда» прекрасно существует без Леонардо или «Свеча горела» без Пастернака рядом). Но… в этом и особая форма «жизни» авангарда — он всегда «перформанс», «представление», «откровение». Произведение искусства — сам автор. В процессе демонстрации своего творчества, а иногда и в процессе его создания, творческого акта.

Впрочем, далеко не всякое авангардно-визуальное произведение не может существовать вне автора. Сохранилось множество визуализаций поэтов XX века, которые живут собственной жизнью и могут сделать соавторами нас. Знаменитый крест А. Вознесенского «аксиома самоиска» — совершенное визуальное поэтическое произведение — напротив, производит такое впечатление, что автор становится просто лишним.

Весьма самоценно и прозрачно, хотя тоже скорее для знатоков и любителей, творчество современного авангардиста Алексея Торхова:

Мне бы стать конём о семи педалях
(на исКОННОМ значит — «быть семи пядей»)!
Мне бы словом толковым осесть у Даля,
а не на ночь (у какой-то!) глядя.

Мне бы в мотыльки над твоей иконой,
чтоб свеча пылала святым кострищем.
Мне б козырной плацкартой в ночном вагоне,
не смыкая глаз поднебесным днищим… [15.]

Выделение частей слов крупным шрифтом или же курсивом, заострение внимания на неверных с точки зрения орфоэпии, но меняющих смысл в нужную автору сторону ударениях, разбития слова точками (например, «пара.Ной.я» — Юлия Котлер [17]), — приём, получивший название «расстрельная метонимия» (термин Елены Коро [8]), и подобные приёмы, характерные для современного авангарда, тоже являются формой визуализации текста, заключения в его тело «картинки», углубляющей идею, создающей дополнительные смыслы.

Существует ли уже истинно визуальная поэзия, та самая, которая могла бы являться интернациональным поэтическим языком, понятным каждому? Вероятно, ещё нет. «В. Хлебников не отважился отправиться в неизведанные области превращения всем привычного стихотворения в нечто новое и настолько пластичное, что грань между вербальным и визуальным перестала бы ощущаться как разделительная черта. Но именно Хлебников и Кручёных указали путь к созданию визуальной поэзии. Их последователи — обэриуты, конструктивисты, концептуалисты, метареалисты, фаэты и др. — предлагали свои способы визуализации стиха, превращения его в поэтическую картину» [2]. Работают над этим и многие современные авангардисты. Иной раз доходя даже до овеществления текста. К примеру, расписывая поэтическими строками одежду (Вилли Мельников, Виктор Гоппе [21]) или «издавая» стихи на пряниках, которые читатель может «воспринять целиком», т. е. попросту съесть. Или же записывая текст вареньем на тарелке (Ры Никонова), затем поочередно слизывая (или давая слизывать «читателю») буквы, для изменения смысла текста и в пространстве, и во времени, и в личностной парадигме. Здесь взаимодействие автора с аудиторией и её соучастие в творческом акте максимально «контактное». А «произведение» в результате такого читательского воздействия остаётся разве что в памяти, создавая новые архетипы коллективного бессознательного, «авангардируя» его. Творя из новаторства новую традицию.

В силу большого технического потенциала современности стало возможным появление видеопоэзии — создание клипа или целых фильмов к поэтическому тексту или их подборке. Создаются литературные видеомосты. Можно считать это игрой, но верным будет назвать это поиском. И ничего иного, как Истины. «Буквологика» — так называет это А. Бубнов [6].

История и теория авангарда и визуальной поэзии — мощнейший пласт информации, который невозможно поместить в рамки одной статьи. Поэтому

позволю себе проявить субъективизм в отражении моментов, авторов и явлений. Одно из них — Харьковский клуб поэзии «АВАЛ» (менеджер клуба — известный поэт и культуролог Виталий Ковальчук). В мае 2010 года вышел первый номер журнала «ЛАВА» с поэзией представителей этого клуба. Главные редакторы журнала — поэты Богдан Ант и Герман Титов. С сентября 2011 года создан Редакционный Совет, в который входят поэты из Киева, Кёльна и других городов мира, куда пустила свои корни славянская культура. География публикуемых авторов — самая широкая: Украина, Россия, Европа, Азия и заокеанье. АВАЛ задуман как перекресток талантов, его замысел — в объединении творческих сил для самовыражения на страницах журнала и литературных площадках[3]. АВАЛ — это сервер и накопитель творческой энергии, которая капля за каплей вливается в ЛАВУ современной поэзии. «Мы не ставим себе каких-то надуманных рамок, не вписываемся в границы жанров», — говорят о себе создатели клуба [10].

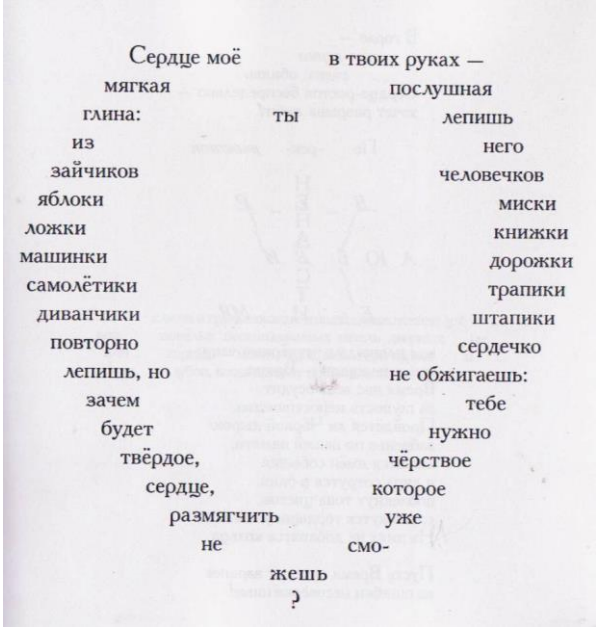
Основатель и руководитель этого поэтического клуба, издатель журнала поэзии «ЛАВА» Андрей Костинский[4] — создатель собственного поэтического направления «пастфутурайт» [16]. В журнале представлены его работы, отличающиеся, на первый взгляд, простотой и даже «черновиковостью» (напоминают рисунки ребёнка или человека, решившего занять время малеванием на подвернувшемся под руку листочке («психография», по В. Мельникову). Но в них стоит смотреть сквозь призму личного внутреннего «мозгового штурма».

Герман Титов в рецензии на «Пастфутурайт» отмечает: «„Самовитое“ художественное слово, провозглашённое В. Хлебниковым, продолженное Божедаром и его соратниками, игра смыслов и корней слов, освобождение поэтической речи от шелухи обыденности и банальности — вот то, что, прежде всего, бросается в глаза в „стихотворениях“ Костинского. Здесь ничего не имеется ввиду „само собой“… Новый смысл выговаривается иногда с трудом, новые звучания кажутся порой почти мучительными, но ведь это только подражать легко. Новое рождается всегда с усилием. Настоящая лирика, совершенно бескомпросмиссная, беспощадно искренняя, прежде

[3] Харьковские поэты организованы фестивали для представителей самых различных творческих направлений: АВАЛГАРД и ЛАВ-in-fest. 2 сентября 2011 года клуб поэзии «АВАЛ» и арт-группа «Бирма» (Г. Сотник, А. Штейнер, И. Нещерет) провели трафарет-акцию «ЛАВА-Слово» в рамках фестиваля StreetArtFest. В ходе акции поэты представили «поэзо-картины» — форматные текстовые трафарет-автографы, дополненные авторскими визуальными решениями (слайдами), созданными в ходе акции. Также клубом учреждён Кубок Большого слэма (Б. Ант и В. Ковальчук), открыт Харьковский Цех Поэзии для презентаций литпроектов, изданий и творческих акций, проведено несколько поэтических спектаклей, выпущен диск «АудиоЛАВА» с чтением поэтами своих текстов.

[4] Автор ряда книг авангардной поэзии и повести «Іоголь».

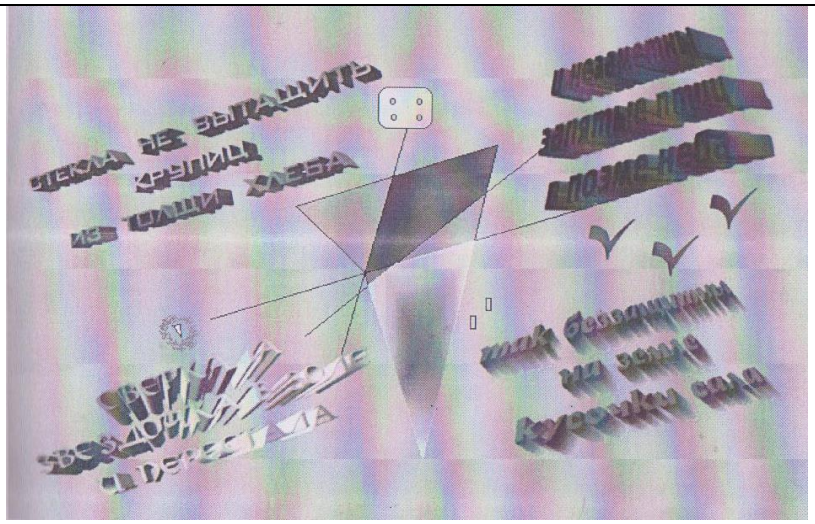
всего, к себе, сочетается со столь же бескомпромиссным поиском нового. И восстанавливает преемственность с тем лучшим, что было в нашей литературе прошлого века» [16].


Сердце моё в твоих руках —
мягкая послушная
глина: ты лепишь
из него
зайчиков человечков
яблоки миски
ложки книжки
машинки дорожки
самолётики трапики
диванчики штапики
повторно сердечко
лепишь, но не обжигаешь:
зачем тебе
будет нужно
твёрдое, чёрствое
сердце, которое
размягчить уже
не смо-
жешь
?

Андрей Костинский. Публикации в журнале «ЛАВА». 2013. № 19–20.
Фигурное стихотворение «Сердце моё». 2007–2010
Стихотворение «Куба». 2013

Мы определяем это мыслечувствием «астралопитека» — индивида, которому в моменты поэтических прозрений, изменения сознания дано больше и в поэтическое слово вложено больше, нежели понимает он в естественном состоянии ума. Таким же особенным состоянием работы мозга (и сердца) должен обладать и читатель подобной поэзии. Иногда даже сами критики авангардистов не могут написать о них ничего большего, чем «игра слов и смыслов». Однако это больше, чем игра, это философская метафора. Как и поэзия вообще — если она настоящая — концентрация смысла и разнообразнейших возможностей его понимания. Она — и трансовое откровение, и заклинание, и молитва. Но только тогда, когда автор способен сочетать душевную искренность со всеми доступными и вновь изобретаемыми возможностями языка, когда творит в состоянии «прикосновения Бога».

Интересны визуальные работы Игоря Нещерета [10]. Поскольку автор — фотохудожник, то в его творениях больше «картинки», нежели поэзии. Однако это извечное балансирование на весах между словом и изображением — что перевесит? — придаёт им нехарактерную для классической поэтической визуализации динамику.



Игорь Нещерет «Запятые птиц».
Визуальная поэзия с использованием компьютерной графики (шрифтов), 1998.

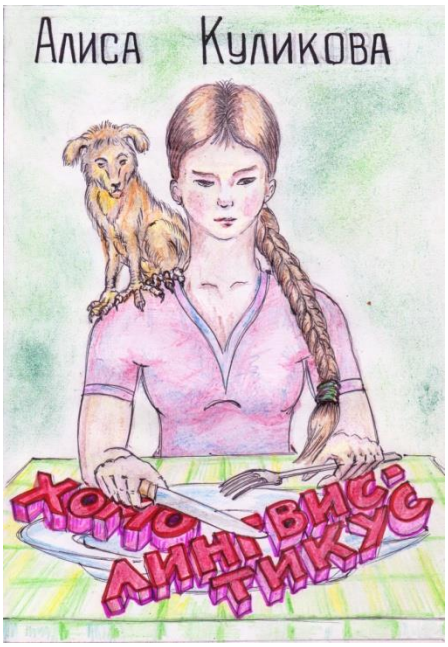
Словорисунки-таблицы некоторых авторов (пришедших, видимо, некогда в восторг от самого появления, «открытия для себя», компьютерных шрифтов и — действительно широких и многомерных — возможностей визуально-поэтического творчества с их помощью) оставляют ощущение «плоскости», а работы, например, Татьяны Мосенцевой [10] создают впечатление «перегиба» в постероподобие, «околокультурный стандарт». Впрочем, нынешние авторы — люди современные, и никто не мешает им отражать окружающую их реальность так, как повернёт её внутренний дизайнер — авторский мозг.

«НАРОДНЫЙ АВАНГАРД» — ПРАКТИКА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ

Образцами визуальной поэзии (поэтической визуализации) в полной мере можно считать обложки поэтических и прозаических книг и иллюстрации к ним. По опыту совместной работы с художником-графиком, иллюстратором книг Тимуром Лобжанидзе [14], могу отметить, что создание концепции обложки в своих социопсихологических параметрах (интуитивность, погружение, врожденные идеи и пласты эрудиций, тенденции коллективного бессознательного и т. п. — с целью передачи глубинной мысли и усиления воздействия от визуально-текстового восприятия обложки читателем) сходно с процессом создания произведения визуальной или авангардной поэзии.

Одной специфичной особенностью создания обложки можно считать предпочтение авторов видеть на ней изображение человека («ТРАНС[крым]ЦИЯ» Марины Матвеевой [13], «Чаша Памяти» Любови Сивельниковой [19], «Хомо Лингвистикус» Алисы Куликовой [18]) или

нескольких людей. Нередко для акцентирования нестандартности авторского мышления на обложке хотят видеть нечто абсурдное, в духе «пространственно-временного опрокидывания», связанного с сюжетом либо идеей книги, а то и не связанного вовсе. Можно отметить, что обложки с чисто абстрактными изображениями (при отсутствии людей, животных и вообще чего-то живого), а также безыллюстративные обложки привлекают меньшее внимание, «не цепляют», не вызывают желания долго держать книгу в руках и т. п. Обложка должна быть наполнена «биением жизни».

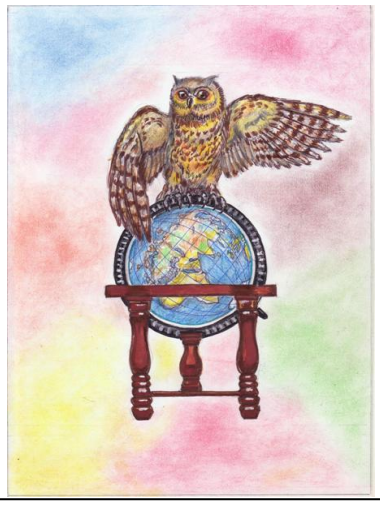


Обложка книги Алисы Куликовой «Хомо Лингвистикус». 2016 год. Художник Т. Лобжанидзе.

Интересны варианты встраивания названия книги в изображение на обложке. Например, идея сборника А. Куликовой «Хомо Лингвистикус» — абсолютная Лингвистичность человека, его «питание словами». На обложке название — два вышеозначенных слова — изображены лежащими на тарелке и разрезаемыми ножом, насаживаемыми на вилку. Здесь однозначно можно говорить о чистейшей визуальной поэзии, отражающей глубокую абстрактную идею.

Внутренние иллюстрации книг также предпочтительны для авторов и читателей, но лишь в том случае, если степень абстрактности в них приведена в равновесие. Современному читателю века фотографии, видео и кино иллюстрации старого образца, просто отражающие события, стали скучны, однако и очень усложнённые, вычурные картинки не притягательны для читателя. Гармония, мой взгляд, заключается в том, что в приближенном к реалиям изображении должна присутствовать некоторая степень абсурда. Хорошо смотрятся в этом случае произведения визуальной поэзии (изображение с короткой подписью — частью текста книги, так или иначе «вплетённой», «вмонтированной» в рисунок). В таком формате художником Т. Лобжанидзе иллюстрирована книга «Турозавриада — Крымский эпос» [14], практически все рисунки из которой могут считаться самостоятельными, независимыми от книги, произведениями визуальной поэзии. Что и подтверждается участием этих произведений в выставках и лекциях «вне книги» — их самостоятельной культурологической значимостью.

Отдельным — хотя и во многом сходным с поэтической обложкой и иллюстрацией — образцом визуально-поэтического творчества можно считать также афиши поэтических выступлений (подвид — «аватары» для поэтических мероприятий, групп, создаваемых для рассылки в социальных сетях). Далеко не всегда поэту для этого достаточно воспользоваться картинками, имеющимися в Интернете. Можно создать собственный аватар-афишу, отражающий концепт творческого вечера, концерта, перформанса и т. п. Такая «картинка» может также стать впоследствии самостоятельным произведением визуальной или изопоэзии. Пример: афиша творческого вечера Марины Матвеевой и Михаила Митько «Сову на глобус», где глобус символизирует геополитику, сидящая на нём сова — мудрость и вечность. Ее доминирующее положение означает, что концептом данной творческой встречи является авторское мышление «выше политики», с углублением в «вечные вопросы» и мудрость веков.



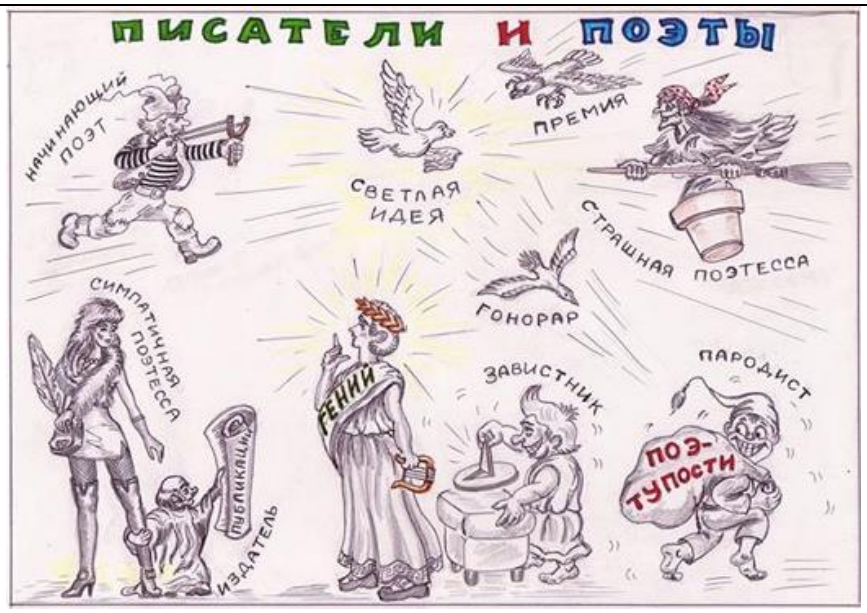
«Сову на глобус». Афиша-концепт. Художник Т. Лобжанидзе. 2016.

Сюда же можно отнести логотипы творческих фестивалей. Так, на логотипе фестиваля «Сирин-Тавр» изображён кентавр с головой и верхней частью тела птицы Сирин (с картины В. Васнецова). Архетипический смысл этого сочетания многослоен: гармония мужского и женского начал, телесности (конь) и духовности (птица, крылья), а также концентрированность на Крыме (тавр, Таврида, Таврика). Виден здесь как практический, так и глубинно-абстрактный, чисто поэтический подход.

Логотип фестиваля «Сирин-Тавр». Художник Т. Лобжанидзе, 2016.

Отдельному рассмотрению в практике графической визуализации художника Т. Лобжанидзе подлежит жанр «карикатура». Особое внимание крымчан заслужили карикатуры времён «Крымской весны» на тему событий в Крыму и Украине, созданные автором в процессе службы в СПНО в марте-мае 2014 года.

Жанром «карикатура» представлены иллюстрации к книге крымского поэта Владимира Клермона-Вильямса «Антология маразма, или Крымский стеб» (2016) (пародии на крымских поэтов, иллюстрированные, ироническими рисунками Тимура Лобжанидзе на тему «Писатели и поэты»).



«Писатели и поэты».
Иллюстрация Т. Лобжанидзе к книге В. Клермона-Вильямса «Антология маразма, или Крымский стёб».

Ещё одна книга с широкий иллюстративным рядом этого художника — «Турозавриада — Крымский эпос» (2013). Каждый из героев моей философской фэнтези-поэмы являет собой некий символ проявления человеческой личности, души, характера. Чаще всего, личности творческой. Любимый герой — «Астралопитек» — подробно охарактеризованный в начале этой статьи — символ врождённой идеи, неосознаваемой разумом. «Андерталец», герой, обеспокоенный тем, что учёные пишут его имя с частицей –не-, как будто его нет — это символ поиска себя в стереотипном мире, отрицающем личность и индивидуальность. Ещё один мотив поиска себя отражён в картине «Карта-Мумовод». Это карта-скрижаль, на которой путь непонятен, но идти необходимо, ибо «А по мне вы не пойдёте — так и с места на сойдёте». Символ безвыходной ситуации, из которой выход может быть найден только при помощи нестандартного — крымского — мышления.

...Хочить Карта свесть со свету
Нас и завестить во тьму
Чрез Великое Муму.

А Муму, дебилу ясно,
Ведь уму-то неподвластно, —
Нам, умнягам, не понять.
Значить, надо раступлять —

Размумлять — посредством тупи
В форме муми. Энто влупит,
Ежли б кто-то потупил
Изо всех мумозных сил.

«Карта-Мумовод».
Иллюстрация Т. Лобжанидзе к фэнтези-феерии «Турозавриада — Крымский эпос».

Или в переводе на язык классики «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Хотя в данном случае, понятно, речь идёт о Крыме и «крымскости», которую понять не менее сложно.

Ещё одно абстрактное понятие зашифровано в образе Эсфирь — прекрасной богини любви и красоты, которую вживую никто никогда не видел, она является только в скайпе на ноутбуке. Это символ первозданной природной красоты, непостижимой умом и невозможной к какому-либо практическому использованию. Её нельзя понять, нельзя потрогать и так далее. О ней нельзя даже думать. Подпись на картине: «Вам вникать в меня не след — лишь смотреть, как на балет» — в переводе на язык советских мультиков: «Её не едят. Ею любуются».

«Эсфирь».
Иллюстрация Т. Лобжанидзе к фэнтези-феерии «Турозавриада — Крымский эпос».

Целой подборкой рисунков представлен центральный персонаж книги — Великий Аммонит. Это огромная окаменелая раковина древнего моллюска, обретавшего в крымском лесу и являвшегося Великим Гуру, который просвещает людей, зверей и сущностей, со всего света стягивающихся поклониться ему. Однако о людях, которых он учит жизни, Аммонит с иронией говорит:

Человек тут любит гуру,
Будто сам такая дура,
Что пока не просветишь, —
В голове полнейший шиш.

«Палео-ЛИТ». Из серии «Великий Аммонит». Афиша-концепт Т. Лобжанидзе к презентации книги «Турозавриада — Крымский эпос».

В конце концов, устав от своих «учеников», Аммонит перестаёт вещать и замолкает. И люди — рядом с ним и на фоне его — уже сами пытаются понять, что им надо. Происходит,

понятное дело, всякое. Ибо нашему человеку, увы, без драки, войны и «разборок» ни до чего в простоте душевной не дойти. Подборка рисунков, выстроенная в гармоничную закольцованную композицию на отдельной стене читального зала библиотеки, визуально повествует о различных событиях, происходивших рядом с безмолвным Гуру-Аммонитом, и о том, что из всего этого вышло.

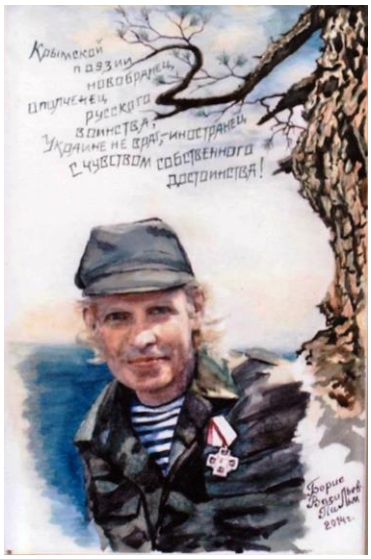
Становится ясно, что визуальная поэзия не слишком понятна без непосредственного участия поэтов-художников, которые могли бы объяснить, что они вложили в то или иное изображение. С другой стороны, авангардно-визуальное творчество предполагает сотворчество с автором и возможность индивидуальной интерпретации текста или изображения каждым читателем и зрителем. А значит, открывается многомерность этого искусства — и творчества в целом.

Такого рода рисунки с подписями во многом близки весьма популярному среди всех слоев населения России XVII–XIX вв. искусству русского лубка, носившему также название «народные картинки» [9]. А живой интерес к рисункам художника Тимура Лобжанидзе, возможно, именно к их простому и доброму юмору, безо всякой символики и концептов, является ещё одним подтверждением того, что авторский жанр этого крымского мастера может быть охарактеризован как «народный авангард».

ИЗОПОЭЗИЯ

Изопоэзия, в отличие от визуальной поэзии, где первичен текст, а визуальное его оформление лишь подчёркивает смысл, или эмотив, является поэзией «внутри живописи». Первична картина, слово или текст встроены в неё в качестве детали композиции — в «технических целях». Здесь мы будем иметь в виду реалистическую живопись, так как наличие текста в живописи абстрактной может вызвать сомнения в определении произведения как визуальной поэзии (первично слово) либо изопоэзии (первично изображение). С реалистическими произведениями в этом смысле проще.

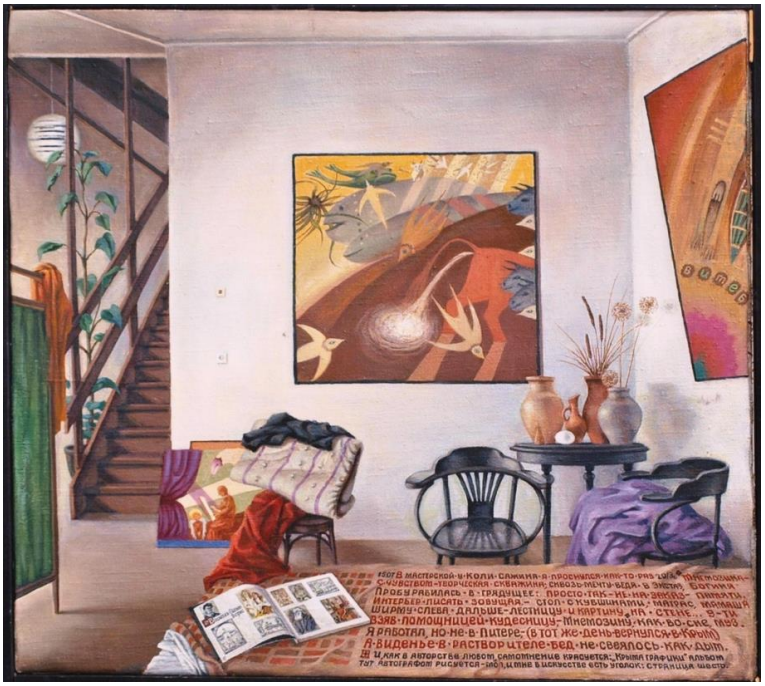
Один из жанров изопоэзии — портреты с поэтическими подписями. Крымский художник Борис Васильев-Пальм (1939–2016) успешно использовал этот жанр для создания портретов



крымских поэтов, писателей, бардов и других деятелей культуры. Особенно органично поэтическая подпись смотрится на портретах поэтов. Четверостишие, раскрывающее характер или творческие особенности изображённого на портрете, может быть просто подписано под изображением, а может быть вплетено в картину: например, в виде листьев дерева, под которым находится объект, или другого фонового оформления. А также в виде узора на одежде или украшения в прическе.

Изопоэзия — жанр редкий и сложный, в Крыму, кроме Б. Васильева-Пальма, других художников, работающих в этом направлении, нет. Сам термин «изопоэзия» на крымской культурной и искусствоведческой почве был введён именно им.

Наиболее сложным и интересным произведением художника в этом жанре является картина «Ab ovo» (холст, масло, 60х62). Произведение, созданное в 2013–2014 годах, представляется нам настолько глубоким, что требует долгого и вдумчивого погружения и не терпит рассеивания внимания на что-либо иное, даже на других своих собратьев по жанру. Написано это произведение визуальной поэзии маслом, что для изопоэзии не характерно (большая часть визуальной поэзии или поэтических визуализаций — графика, обычно чёрно-белая, не отличающаяся особой сложностью). Особенностью этого изопоэтического полотна является и то, что стихотворение органично вмонтировано в композицию картины в виде её изобразительного элемента: текст замаскирован под узоры на покрывале тахты, а главное: текст в перспективе, чего ещё никто никогда не делал. Изображение и текст равно соподчинены.



Борис Васильев-Пальм «Ab ovo». 2014. Изопоэзия.

Любезно предоставлено художником автору статьи и публикуется с его разрешения

Стихотворение также принадлежит Б. Васильеву-Пальму:

В мастерской у Коли Сажина
я проснулся как-то раз
С чувством — творческая скважина,
сквозь мечту ведя в экстаз,
Пробуравилась в грядущее:
просто так — не на заказ
Интерьер писать зовущая —
стол с кувшинами, матрас,
Ширму слева, дальше — лестницу
и картину на стене…
Взяв помощницей кудесницу —
Мнемозину — как во сне,*
Я работал, но не в Питере
(в тот же день вернулся в Крым),
А виденье в растворителе
бед не свеялось, как дым.

На том же покрывале, в правом нижнем углу расположена сноска:
**Мнемозина — богиня памяти, мамаша 9-и муз.*
Внизу покрывала, в виде каймы-тесьмы, меньшим шрифтом отмечено:

И, как в авторстве любом,
самомнение красуется:
«Крыма графики» альбом
тут автографом рисуется —
мол, и мне в искусстве есть
уголок: страница шесть».

На тахте слева лежит альбом «Графика Крыма», раскрытый на странице, представляющей творчество автора. Копия автопортрета из альбома Б. Васильева-Пальма выполнена специфическим способом: кончиком тонкой металлической иглы, так как размер лица на портрете — 5х5 мм. Ни у одной кисточки не будет достаточно острого конца для такой работы. По словам автора, «можно подавать заявку в «Книгу рекордов Гиннеса».

Полотно на центральной стене («Пейзаж с говядиной») принадлежит известному санкт-петербургскому художнику-модернисту Николаю Сажину. Техника «картина в картине» (если точнее — картина абстрактная в картине реалистической) углубляет физическое и идейное пространство художественной работы «Ab ovo», давая многомерное восприятие этого необычного произведения. Ещё более усиливает этот эффект тот факт, что «Пейзаж…» Н. Сажина по своим реальным размерам более чем в полтора раза превышает реальные размеры вмещающей его картины Б. Васильева-Пальма. На полотне также имеются частичные изображения других работ Сажина.

Одна из них — со словом «Витебск» (Витебск — родина модерниста) — смотрит на нас с правой стены. Эффект неправильности перспективы изображённой комнаты создаёт ощущение, что картина сейчас упадет со стены. Что не случайно. Пространство как бы раздвигается, сообщая движение вещам в неподвижной комнате-натюрморте. Вместе с изображением ещё одной (около стула слева) картины Сажина — на духовную тему — не законченной автором складывается понимание того, что мастерская живёт творческими интенциями.

На многомерном полотне «Ab ovo» взаимодействуют несколько реальностей: материальность студии, жизнь вещей, творческий мир Н. Сажина, визуализация поэтической мысли и слова, нетривиальный — даже несколько искривлённый — взгляд на всё это поэта-художника Б. Васильева-Пальма, его собственный творческий мир — как в миниатюре (в альбоме), так и во всеохватности изображаемого пространства.

Заключение

Путь формирования, развития и альтернатив визуальной и авангардной поэзии свидетельствует о том, что явление это многоликое, оно заключается не только в соединении живописи и слова, а идёт дальше, умело задействуя и преобразуя в новый вид искусства возможности компьютерной графики. Так, на наших глазах происходит метаморфоза слова, которое обретает иную красочность именно благодаря способностям человеческого мозга к синтезированию контрастов, к образованию оксюморонов и поиску скрытых смыслов в известном. Дорогу в иррациональное указывает визуальная поэзия как искусство созидания цельного из разнородных, казалось бы, элементов. И всё же, истинная поэзия — и обычная, и авангардная, и визуальная — это отход от практицизма, обыденных потребностей, выход за пределы реальности — вширь, вглубь, ввысь. Можно даже в «низь», но чтобы и это было искусством. Именно в этом и состоит её ценность.

Литература

1. Мельников, В. Семь холмов и сорок крепостей: избранное. М., 2012. 28 с.
2. Сигей, С. Краткая история визуальной поэзии в России // Другие. 2006. № 1. 160 с.
3. Степанов, Е. Визуальная поэзия в современной России [Электронный ресурс] // Дети Ра. 2009. № 6 (56). URL: http://magazines.russ.ru/reviews
4. Слуцкая, К. Визуальная (Конкретная) поэзия как символ // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2010. № 3. С. 10–15.

5. Блехман, М. Мысли о литературе: постмодернизм // Порт-Фолио. 2013. № 4.

6. Бубнов, А. Буквологика — от игры к философии: лекция [Электронный ресурс] // Арт-фестиваль «Провинция у моря — 2013». URL: http://www.youtube.com/watch?v=YBTiXGUZiZo

7. Кедров, К. Энциклопедия метаметафоры. М. : ДООС, 2000. 216 с.

8. Коро, Е. Ключевые концепты фаэтики // Фаэт-Крым: Карта странствий: антология фаэзии. Севастополь: Шико-Севастополь, 2015. 108 с.

9. Жигарева, Е. Текст как семиотическая категория // Вестник Актюбинского университета им. С. Баишева, 2009. № 1. С. 27–40.

Источники

10. «Лава»: Журнал поэзии. 2013. № 19–20. 120 с.

11. «Лит-Ё»: Поэтический сборник. Харьков: Коллегиум, 2012. 208 с.

12. Фаэт-Крым: Карта странствий: антология фаэзии. Том 1. Фаэты. Севастополь: Шико-Севастополь, 2015. 108 с.

13. Матвеева, М. «ТРАНС[крым]ЦИЯ»: поэзия, проза. Симферополь: Диайпи, 2013. 76 с.

14. Матвеева, М., Лобжанизе, Т. «Турозавриада — Крымский эпос»: Прозо-поэтическая фэнтези-феерия. Монреаль: Altaspera, 2014. 240 с.

15. Торхов, А. Чайная Пауза перед блюзом: Книга поэзии. Николаев: Илион, 2009. 72 с.

16. Костинский, А. БЕСмолвие: Книга поэзии. Харьков: Слово. 2014. 192 с.

17. Котлер, Ю. Стихи // Что есть Истина. 2013. № 36.

18. Куликова, А. Хомо Лингвистикус: поэзия, проза. Симферополь: Диайпи. 2016. 68 с.

19. Сивельникова, Л. Чаша памяти: проза. Симферополь: Форма, 2016. 230 с.

20. Сладковская, Л. Есть у бесконечности начало. Нет у бесконечности конца: рецензия // Контрабанда. № 7/2016.

21. Журнал ПОэтов: . 2018. № 5. 65 с.

~

УДК: 82.091 + 821.161.1

Долгополова Юлия Георгиевна
Заведующая отделом «Дом-музей А. П. Чехова в Ялте»,
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»;
Российская Федерация, Ялта, e-mail: dom@yalta-museum.ru

ПРОЕКТ «ЧЕХОВСКАЯ КАРТА МИРА» – КРЫМ

«Чеховская карта мира» — новый проект Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника, призванный создать всеобъемлющее — географическое, культурное, художественное — «чеховское пространство» для всех, кто любит творчество писателя, интересуется его биографией или профессионально занимается изучением вопросов творческого наследия классика. В статье изложена история формирования, развития и воплощения идеи «чеховской карты» в крымском пространстве, намечены направления исследований данного вопроса, сформулированы цели и задачи проекта.

Ключевые слова: чеховская карта мира, чеховская карта Крыма, Чехов-путешественник, Крым, Ялта.

Yulia G. Dolgopolova
Head of department «House-Museum of A. P. Chekhov in Yalta»,
Crimean Literary and Artistic Memorial Museum;
Russian Federation, Yalta

PROJECT «CHEKHOV WORLDMAP» — CRIMEA

«Chekhov World Map» is a new project of the Crimean Literary and Artistic Memorial Museum, designed to create a comprehensive “Chekhov space” (geographical, cultural, artistic) for anyone who loves the writer's work, is interested in his biography or professionally studies the issues of his heritage. The article describes the history of the formation, development and implementation of the idea of the “Chekhov map” in the Crimean space, outlines the directions of research on this issue and aims of the project.

Key words: Chekhov world map, Chekhov map of Crimea, Chekhov the traveler, Crimea, Yalta.

Для цитирования:
Долгополова, Ю. Г. Проект «Чеховская карта мира» — Крым // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 85–90.

Несмотря на то, что фигура Антона Павловича Чехова всегда была в центре внимания широкой аудитории любителей и знатоков жизни и творчества писателя, сегодня, по мере того, как уходит в прошлое чеховская эпоха, все более очевидным становится всемирное культурное значение Чехова. Первым, кто высоко оценил масштаб его дарования, был Лев Толстой: «Чехов — несравненный художник жизни...— писал классик в 1904 году. — Достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное» [1]. Более того, у новых поколений читателей и учёных на разных континентах всё сильнее проявляется интерес к личности писателя. Сегодня Чехов выступает как объединяющий фактор в международной общественной жизни. Особенно ярко это стало проявляться в конце XX века, после того, как международные культурные связи приобрели новый импульс и новое содержание. Появились театральные фестивали, научные конференции, издательские и выставочные проекты, новые музеи, общественные организации и профессиональные сообщества, носящие имя Чехова. Выражение «всемирно известный писатель» продолжает наполняться конкретным содержанием. Его составляет множество мероприятий, связанных с именем классика, в частности, давно поднимаемый в научном сообществе вопрос о создании проекта «Чеховская карта мира», где были бы сведены воедино географические, литературно-художественные, культурно-просветительские, исследовательские векторы современной чеховианы. Границам «чеховской карты мира» в эпоху глобализации посвятил свою вступительную статью к 22-му сборнику научных трудов «Чеховские чтения в Ялте: Чехов на мировой сцене и в мировом кинематографе» (Ялта, 2017) председатель Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры Российской Академии наук, заслуженный профессор Московского государственного университета Владимир Борисович Катаев [см. 7].

Одним из первых масштабных исследований в контексте чеховской карты мира можно считать работу главного хранителя Дома-музея А. П. Чехова в Ялте Ю. Н. Скобелева: прозвучала тема географии прижизненных постановок чеховских пьес [см. 8]. Позже в Крыму тема чеховской карты мира, как общего географического и культурного пространства, впервые прозвучала на XXXIII-й Международной научно-практической конференции «Чеховские чтения в Ялте: Чеховская карта мира: Чехов-путешественник» (23–27 апреля 2012 г. Ялта). На этой конференции было представлено немало интересных сообщений [см. 4], например, впервые заявлена тема чеховского сада в Ялте как живой карты мира, а в докладе известного московского исследователя Д.Т. Капустина рассмотрены редкие материалы, осветившие малоизвестные страницы «азиатской кругосветки» Чехова после Сахалина [см. 5]. Тема

оказалась настолько востребованной, что в 2014 году она определила направление Международной научной конференции, приуроченной к 110-летию со дня смерти А.П. Чехова (1904–2014), «Чеховская карта мира» (3–7 июня 2014 г., Мелихово) [см. 3]. Благодаря этим публикациям, Чехов предстает перед нашими современниками, как один из наиболее многогранных писателей-путешественников.

Уже более ста лет Чехов остаётся самым знаковым писателем для Крыма. Сейчас в Ялте существуют три чеховских музея: Дом-музей А. П. Чехова в Ялте, Гурзуфская дача А. П. Чехова и О. Л. Книппер и отдел «Чехов и Крым», на сегодняшний день функционирующие в структуре Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника.

Что же значил Крым для Чехова, если писатель, который всю жизнь путешествовал, выбрал его в качестве постоянного дома для себя и своей семьи? Как известно, решение о переселении в Крым Антон Павлович принял в 1898 году, в период проживания в Ялте на даче К.И. Иловайской «Омюр» (октябрь 1898 – апрель 1899 гг.) Здесь оформлялись документы на покупку земельного участка в Аутке и строительство собственного дома, шли переговоры с архитектором Л.Н. Шаповаловым, задумывался проект будущего сада, осуществилась заочная сделка по продаже авторских прав издателю А.Ф. Марксу. В этот же период Чехов станет владельцем «курьёзного имения» Кучук-Кой в районе южнобережного поселка Мухалатка.

Но мало кому известно, что до переселения в Ялту Чехов посещал Крым пять раз. С 1888 года города полуострова прочно вписываются в дорожную карту Чехова-путешественника. Писатель путешествовал сюда по железной дороге, морским транспортом и совершал продолжительные поездки по крымским дорогам верхом или в экипаже. Во времена Чехова самым востребованным транспортом в Крым были суда Крымско-Кавказской пароходной линии, соединявшей регулярным морским сообщением города Черноморского побережья: Одессу, Севастополь, Ялту, Феодосию, Керчь, Новороссийск и порты Кавказа, а также родного для Чехова Таганрога. Кроме того, в Крыму были проложены две железнодорожные ветки через Харьков от Джанкоя на Севастополь и Феодосию. Существовали и горные сухопутные дороги, но добираться по ним, особенно на Южный берег Крыма, было крайне неудобно.

Истории пребывания писателя на полуострове посвящена новая экспозиция отдела «Чехов и Крым», в которой нашла отражение научная концепция создания «чеховской карты Крыма» (автор – Ю. Г. Долгополова). На отдельном стенде в экспозиции представлена карта полуострова с указанием чеховских маршрутов с 1888 по 1904 годы.

Первая поездка писателя в Крым относится к 1888 году, когда он выехал в Феодосию по приглашению петербургского издателя А. С. Суворина. Летом 1888 года Чехов путешествовал по железной дороге следующим маршрутом: из Харькова в Джанкой – Симферополь – Бахчисарай – Севастополь. Далее морем: Севастополь – Ялта – Феодосия. В Севастополе и Ялте писатель тогда побывал проездом. «От Симферополя начинаются горы, а вместе с ними и красота…» [2], — сообщал Чехов в письме к сестре М.П. Чеховой. Через две недели писатель на пароходе отбыл из Феодосии в Новороссийск.

Второе путешествие в Крым Чехов предпринял летом следующего, 1889 года, по морю: из Одессы до Севастополя и Ялты, затем возвратился поездом из Севастополя в Москву.

Третья поездка состоялась весной 1894 года по железной дороге маршрутом Джанкой – Симферополь – Бахчисарай – Севастополь. Далее морем: из Севастополя до Ялты и обратно, после чего писатель возвратился поездом в Москву.

Четвертое путешествие в Крым Чехов совершил в 1894 году осенью, его целью было посещение издателя А. С. Суворина на его феодосийской даче. В этот раз Чехов воспользовался новым для себя маршрутом: из Джанкоя до Феодосии по отдельной железнодорожной ветке. На обратном пути писатель пароходом Крымско-Кавказской линии направлялся в Ялту и Севастополь, а затем из Севастополя в Одессу.

Осенью 1896 года в Крым Чехова вызвал А. С. Суворин. Антон Павлович прибыл морем из Новороссийска. Спустя несколько дней из Феодосии по железной дороге он отбыл в Москву.

В сентябре 1898 года писатель поездом посещает Севастополь, а затем морем следует в Ялту с целью провести здесь всю зиму. «Крымское побережье удобно, уютно и нравится мне больше, чем Ривьера…», — писал в этот период Чехов, спустя 10 лет после первого приезда в Крым. Не раз он признавался в любви к «чудесному, синему и нежному» крымскому морю, к его «прекрасным пароходам», к фантастическим горам Крыма: «Крым очень хорош. Никогда раньше он мне не нравился, как теперь», — напишет осенью 1898 года Чехов, приняв окончательное решение построить для себя дом в Ялте. И вскоре лаконично сообщит своим корреспондентам: «Мой адрес прост: Ялта» [2].

В своих поездках Антон Павлович часто пользовался путеводителями, составителями наиболее известных из которых были Григорий Москвич и Александр Бесчинский. Эти издания и сегодня представлены в экспозиции — лежат на рабочем столе писателя в его ялтинском доме. Прорабатывая маршруты поездок, изучая расписание пароходов и поездов, писатель обычно делал карандашные пометы. В каждый свой крымский приезд он совершал поездки по живописным окрестностям в компании знакомых и как настоящий

турист осматривал достопримечательности. Так, из Севастополя Чехов выезжал в Балаклаву, Херсонес, Инкерман. Из Феодосии — в имение художника И. К. Айвазовского «Шах-Мамай» и Судак. Живя в Ялте, писатель в разное время посещал Массандру, Гурзуф, Ореанду, Ай-Тодор (или Мисхор), Алушту, Алупку, Гаспру, Мухалатку, Кучук-Кой (современное Бекетово), Форос, путешествовал через водопад Учан-Су и плато Ай-Петри до Бахчисарая в конном экипаже вместе со своей будущей женой О. Л. Книппер. Среди «чеховских» мест Крыма — Графская пристань в Севастополе, дача Суворина в Феодосии, Георгиевский монастырь, старый ханский дворец в Бахчисарае, набережная, улицы и гостиницы Ялты, Массандровский парк и винные подвалы Удельного ведомства, Императорский Никитский ботанический сад, Пушкинский грот, курорт Суук-Су и Губонинский парк в Гурзуфе, руины дворца и церковь в Ореанде. Это лишь малая часть тех мест, где побывал писатель и затем упомянул о них в своих письмах, произведениях, воспоминаниях. Крымская тема отражена в эпистолярии Чехова гораздо шире, чем в его произведениях, однако для многих из них пребывание писателя в Крыму стало своего рода «точкой отчёта». В Крыму Чехов задумывает пьесу «Леший», пишет повесть «Скучная история», рассказы «Студент», «Случай из практики», «Новая дача», «По делам службы», «Душечка», главы «Острова Сахалин», рассказы «Дама с собачкой», «В овраге», «Архиерей», «Невеста», «На святках», пьесы «Три сестры» и «Вишневый сад».

Крым представляет важнейшую веху в жизни и творчестве великого писателя, тема пребывания Чехова на полуострове далеко не исчерпана, нуждается в дальнейшем изучении и научной обработке. В связи с этим научная концепция отдела «Чехов и Крым», сформулированная в 2015 году, сегодня становится частью нового, более крупного проекта «Чеховская карта мира».

Проект решает следующие задачи: представить карту путешествий А. П. Чехова визуально, а также с описанием и во взаимосвязи с информацией из документальных источников, с информацией о достопримечательностях (в том числе существующих сейчас); адаптировать для широкой публики результаты научных исследований, посвященных путешествиям А. П. Чехова. При этом части большого проекта могут быть реализованы отдельно, например: «Чеховская карта мира. Ялта», «Чеховская карта мира. Крым», «Чеховская карта мира. Россия», «Чеховская карта мира. Азия», «Чеховская карта мира. Европа».

Проект в крымском контексте даст возможность наладить международные контакты, так как культурная сфера не включена ни в один санкционный список. Авторский коллектив проекта (сотрудники Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника) приглашают к сотрудничеству иностранные организации и частных лиц,

которые работают в области науки, культуры, занимаются туристической или издательской деятельностью. Главная цель нового проекта — создать всеобъемлющее «чеховское пространство» для всех, кто любит творчество Чехова, интересуется его биографией или профессионально занимается изучением этих вопросов в рамках своей научной, творческой или предпринимательской деятельности. Проект призван объединить людей из разных городов, регионов и стран вокруг имени одного из лучших граждан нашей планеты — русского писателя Антона Павловича Чехова.

Литература

1. Литературное наследство. Т. 68: Чехов / АН СССР. Отд-е лит. и яз. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 974 с.

2. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М. : Наука, 1974–1982.

3. Чеховская карта мира: материалы междунар. науч. конференции. Мелихово, 3–7 июня 2014 / Мин-во культуры Мос. Обл., Гос. лит.-мемор. музей-заповедник А. П. Чехова «Мелихово», Чеховская комиссия РАН; ред. кол. А. А. Журавлёва, В. Б. Катаев. М.: Мелихово, 2015. 544 с.

4. Чеховские чтения в Ялте. Чеховская карта мира: Чехов-путешественник: сб. науч. тр. / Мин-во культуры АР Крым, Дом-музей А. П. Чехова в Ялте; ред. Л. П. Нелина. Вып. 18. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. 208 с.

5. Капустин, Д. Т. Путешествие А. П. Чехова вокруг Азии // Чеховские чтения в Ялте: сб. науч. тр. / Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. Вып. 15 : Мир Чехова: пространство и время. Симферополь: ДОЛЯ, 2010.С. 243–254; То же: Капустин, Д. Т. Азиатское путешествие Антона Чехова, 1890 год: В документах, письмах, фотографиях. М. : Этерна, 2016. 280 с.

6. Лысова, Л. И. По «чеховской карте» Ялты // Чеховские чтения в Ялте: Чехов в меняющемся мире: сб. науч. тр. / Мин-во культуры России, Дом-музей А. П. Чехова в Ялте, Российская гос. б-ка. М., 1993. С. 137–147.

7. Катаев, В. Б. О границах чеховской карты мира // Чеховские чтения в Ялте. Чехов на мировой сцене и в мировом кинематографе: сб. научн. тр. / Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник. Вып. 22. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. 224 с.

8. Скобелев, Ю. Н. География прижизненных постановок чеховских пьес (по материалам Дома-музея А. П. Чехова в Ялте) // Чеховские чтения в Ялте: Чехов в меняющемся мире: сб. науч. тр. / Мин-во культуры России, Дом-музей А. П. Чехова в Ялте, Российская Гос. Б-ка. М., 1993. С. 32–38.

~

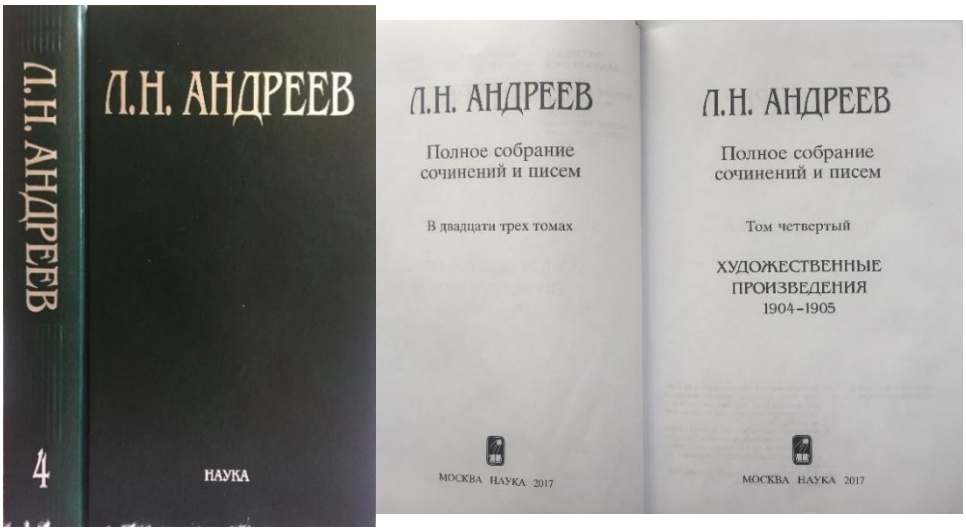
НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ-ПРЕЗЕНТАЦИЯ

УДК 821.161.1 (Андреев)

Икитян Людмила Нодариевна
Кандидат филологических наук,
главный редактор журнала «Гуманитарная парадигма»,
Межрегиональный институт развития территорий;
Российская Федерация, Респ. Крым, Армянск, e-mail: gp_glavred@mail.ru

Боева Галина Николаевна
Доктор филологических наук, доцент, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна;
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: g_boeva@rambler.ru

«...ДЕЛАТЬ СВОЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ КАРЬЕРУ ... СЫЗНОВА»: 4-й том Полного собрания сочинений и писем Леонида Андреева



Андреев, Л. Н. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. — Т. 4 : Художественные произведения 1904–1905 / Отв. ред. М. В. Козьменко, Р. Д. Дэвис; коммент.: Г. Боева, Е. Булышева, В. Быстров, В. Введенская, Р. Дэвис, Л. Иезуитова, В. Келдыш, Л. Кен, М. Козьменко, Ю. Чирва, О. Шалыгина, Л. Шишкина. — М. : Наука, 2017. — 764 с.

Для цитирования:
Икитян, Л. Н., Боева, Г. Н. «...делать свою литературную карьеру ... сызнова»: 4-й том Полного собрания сочинений и писем Леонида Андреева // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 91–98.

Lyudmila N. Ikityan
PhD in Philological sciences, chief editor
of the magazine «Humanitarian paradigm»,
Inter-regional Institute for Spatial Development,
Russian Federation, Crimea, Armyansk

Galina N. Boeva
Grand PhD in Philological sciences,
St. Petersburg State University of Technology and Design;
Russian Federation, Saint Petersburg

«...TO MAKE ITS LITERATURE CAREER ALMOST AGAIN» or Russia is at a break in the 4th volume of the Complete Works and Letters of Leonid Andreev

К радости научного сообщества и всех по-читателей творчества Леонида Николаевича Андреева (1871–1919) вышел в свет четвёртый том Полного собрания сочинений и писем (ПССиП) этого автора. Данный том очередной[1] в 23-томном проекте, осуществляемом Институтом мировой литературы Российской академии наук (Москва) совместно с Институтом русской литературы (Пушкинский дом) (Санкт-Петербург) и Русским архивом Лидского университета (Лидс, Великобритания). Главная задача, реализуемая членами редакционной коллегии[2], в высшей степени амбициозна — издать в максимально возможной сегодня полноте литературное, публицистическое и эпистолярное наследие одной из знаковых фигур литературы XX века.

В современной отечественной и зарубежной науке имя Леонида Андреева — исследовательская константа, но константа, к удивлению, всё ещё не обретшая «устойчивого» статуса. Многие аспекты творческой поэтики писателя сегодня не могут быть выявлены и/или всесторонне проанализированы именно потому, что довольно значительный пласт его наследия до сих пор сохраняет архивно-фондовую «прописку». А те данные, что функционируют в научном обороте, уже не способны удовлетворить возросший в XXI веке научный интерес к Андрееву. Для постижения андреевского «универсума» — наиболее ценного направления современных исследований этого писателя — предпринятое специалистами издание полного собрания его сочинений и писем — серьёзное подспорье. Расширение источниковой базы и глубокий источниковедческий анализ, составляющие значительную часть содержания всех без исключения томов проекта, создают ту платформу, что крайне необходима сегодня для перспективных и без преувеличения прорывных научных изысканий.

---

[1] На сегодня вышли в свет следующие тома Полного собрания сочинений и писем Леонида Андреева: Том 1 : Рассказы. 1892–1899 (2007); Том 5 : Художественные произведения 1906–1907 (2012); Том 6 : Художественные произведения 1908 (2013); Том 13 : Статьи 1895–1900 (2014).

[2] Гл. ред. В. А. Келдыш, заместители гл. ред. Р. Д. Дэвис, М. В. Козьменко, члены ред. коллегии: В. Быстров, Н. П. Генералова, Л. Н. Кен, В. В. Полонский, А. И. Чагин, Ю. Н. Чирва.

Данное многотомное собрание произведений Л. Н. Андреева, выпуск которого был начат ещё в 2007 году, является первым академическим изданием. Вышедшее ранее собрание сочинений в 6-ти томах (М., Художественная литература, 1990–1996 гг.), долгое время бывшее наиболее полным откомментированным и, безусловно, сохраняющее свою ценность и сегодня, всё же не может считаться академическим. С современным 23-томным проектом оно не сопоставимо ни по охвату публикуемого материала[3], ни по основательности научного комментария. Большая заслуга в этом главного редактора проекта главного научного сотрудника ИМЛИ РАН В. А. Келдыша, а также ответственных редакторов томов — куратора Русского архива в Лидсе, слависта Ричарда Дэвиса и ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН Михаила Козьменко — координаторов проектных решений, активных участников подготовки материалов к публикации и их комментированию. Комментарий — один из самых «неуловимых» научных жанров, определение границ комментирования при подготовке собрания сочинений — сложнейшая задача. С одной стороны, это «самый свободный жанр» (Ю. Г. Оксман [см. 3]), нередко выступающий не в своём «чистом виде», а как структурообразующая компонента литературоведческой статьи/монографии. С другой — это жанр очень «строгий»: к научному комментарию предъявляются жёсткие требования точности, полноты и объективности, два из которых: «полнота» и «объективность» — сегодня наиболее проблематизированы. Требование «полнота» сильно скорректировано Интернетом, где в один клик можно уточнить многие культурно-исторические реалии, а «объективность» страдает под натиском «концептуальности», от которой не может быть свободен ни один комментатор, транслирующий свой «багаж» и неповторимый взгляд на предмет исследования. Наконец, современное собрание сочинений не может не учитывать «гипертекстового» принципа организации научного комментария, представляющего собой систему ветвящихся, перекрёстных отсылок. Всё сказанное как нельзя более актуально для выходящего ныне Полного собрания сочинений Л. Н. Андреева.

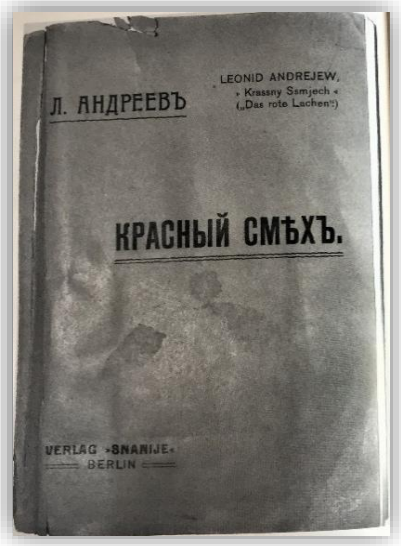
К работе над 4-м томом этого проекта была привлечена команда специалистов по литературе рубежа XIX–XX веков и творчеству писателя — литературоведов, искусствоведов, текстологов, библиографов и архивистов: это — Г. Н. Боева, Е. В. Булышева, В. Н. Быстров, В. М. Введенская, Л. И. Иезуитова, Л. Н. Кен, Ю. Н. Чирва, О. В. Шалыгина, Л. И. Шишкина. Научный комментарий этого издания — наиболее полный на сегодня, ранее нигде не представленный в столь основательной проработке корпус

[3] Кроме основных текстов, в новом издании публикуются их варианты и авторские редакции, планы и наброски незавершённых произведений, литературно-критические и публицистические заметки (очерки, воззвания, статьи), дневники, письма.

текстологических, историко-литературных и фактических справок к авторским текстам. Комментарии содержат и данные о прижизненных переводах произведений Андреева (подготовлены Р. Д. Дэвисом). В издание включены также указатели упоминаемых в томе имён и произведений (составитель И. С. Багдасарян). Напомним, что комментарии к произведениям любого писателя ушедшей эпохи позволяют совместить точку зрения на него современников с точкой зрения читателя нынешнего. По поводу Леонида Андреева выразимся ещё более категорично: феномен его творчества вообще не может быть понят без «наложения» двух этих аспектов, поскольку литературная репутация писателя, как прижизненная, так и посмертная, претерпела особенно катастрофические изменения. Один из самых популярных авторов своей эпохи, чьё творчество было в фокусе и критики, и читательского внимания, сейчас, несмотря на активность андрееведения и, в частности 23-томное собрание сочинений, воспринимается как «писатель второго ряда». Совмещая взгляд из *того времени* с взглядом *из современности*, комментарии настоящего издания расширяют оптику зрения в прочтении писателя, реконструируют исторический контекст и *язык переживаний* той эпохи, вне понимания которого невозможна «встреча» с андреевским текстом.

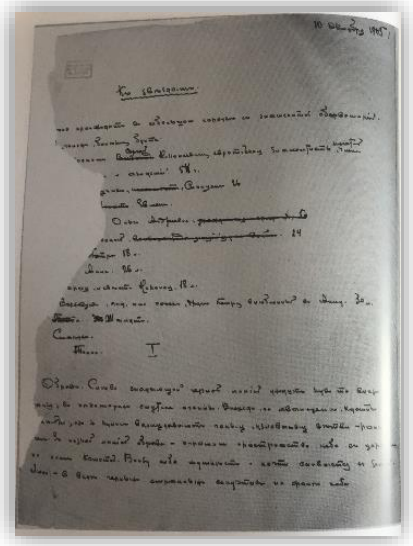
В 4-й том ПССиП вошли произведения 1904–1905 годов — период творческого взлёта Андреева, стремительного завоевания молодым, но уже громко заявившим о себе автором Олимпа русской литературы. Однако период крутых для России исторических поворотов (Русско-японская война, революция 1905 года) и не менее суровых вызовов для писателя (арест, клеймо «неблагонадёжного», «бегство» с семьёй за границу) отражается в его сознании необходимостью «делать свою литературную карьеру почти сызнова» [5, с. 508] — то есть писать с учётом изменившихся реалий и требований: новых тем, иного языка художественной выразительности. Что Андрееву и удаётся: в 1904 году им создан ярчайшей образец литературной экспрессии — повесть «Красный смех», достойно «открывающий» европейский экспрессионизм, мощные толчки к развитию которого искусство ощутит лишь в 1910-е годы.

В этот же период после долгих прозаических опытов Андреев дебютировал как драматург. Давно предпринимая попытки писать для сцены, автор только теперь ощутил силы освоить этот род литературы. Проба оказалась успешной: «прологом» драматургии Андреева стала его первая печатная пьеса «К звёздам» (1905), сохранившиеся автографы которой свидетельствуют о многоэтапной работе над сюжетом, основными мотивами и формой сценического действия. Увы, неудачная сценическая судьба этой пьесы имела роковой знак для последующих драматических «детищ» Андреева, в процессе постановки которых неудач было гораздо больше, чем успехов.



Издание повести Л. Андреева «Красный смех». 1905, Берлин ←

→ Автограф первой редакции пьесы «К звёздам» (датировка автора 10 октября 1905 г.).

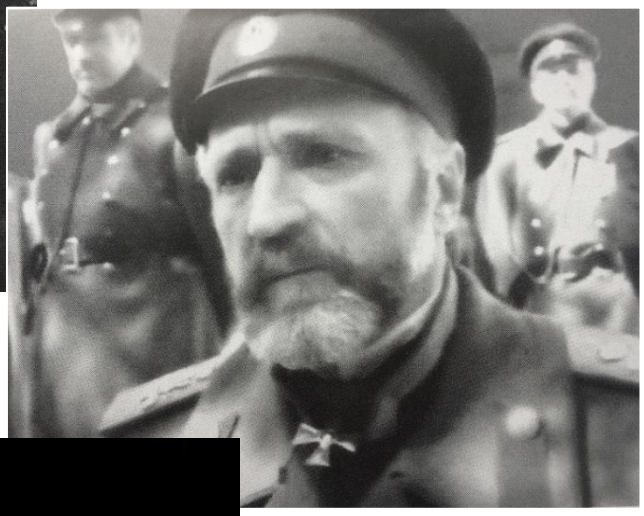


В произведениях этого периода писатель продолжает культивировать тему безумства, на новом этапе наполняя её «обоюдоострыми» идейно-смысловыми планами: с одной стороны, представляя безумие как душевно-духовное пограничье вывихнутого сознания («Красный смех», «Призраки»), с другой — как «сыворотку правды» для окружающих в рассказе «Из глубины веков» (своеобразно развивая мотив безумия-маски («Мысль», 1902)). В рассказах «Бен-Товит», «Марсельеза», «Христиане» формируется характерная для Андреева особенность сюжетостроения произведений — сюжет-«загвоздка» с прорисовкой в тривиально-обыденном пустячном случае «чудно́го» героя, «остранённое» отношение которого к происходящему либо к себе ставит всех в затруднительное положение; недоумение, раздражение, негодование его окружения приводит и читателя сначала к замешательству, но впоследствии — к прозрению.

Критикой середины 1900-х гг. отмечалось, что Андреев останавливался «на потрясающих явлениях нашей общественной и политической жизни», подходя к изображению каждого из них «с такой глубиной понимания и участия, что мы должны отдать ему дань нашей признательности и почтения» [2, с. 3]. Постижение «переломной» психологии человека толпы или индивида, противоположенного ей либо отчуждённого от людей, — это то, что оказалось по силам Андрееву-художнику, каких бы изломов души и истории страны он ни касался. И если психика массы найдёт место в условно-символических пьесах Андреева, то в прозе писатель чаще апеллирует к психологии личности, оказавшейся под «ужасным гнётом мысли» [4, с. 2], «тела, платья и жизни» [6, с. 52]. Чутким «барометром» внутренних сдвигов выступает Андреев в рассказе «Вор» (1904) и повести «Губернатор» (1905). Затронутые в обоих произведениях темы предстают в сугубо андреевском решении — в схватке героев с ужасом трагичных предощущений; типично по-андреевски

преломлены и образы главных героев: человека «с нечистой совестью», но «выбитого из колеи» [1, с. 182] и государственного чиновника, но не объекта террористов-мстителей, а фигуры, фатально зависимой от обстоятельств. Насколько точен был писатель в своём вúдении конфликта «чувства и долга», говорят множественные переложения его произведений на сценический и кинематографический язык. Так, «Губернатор» продолжил жизнь в нелитературных формах презентации: в годы становления молодого советского государства экранизация повести служила демонстрацией идеи обречённости старого мира; гораздо позднее, в пору крушения «страны советов» в 90-е годы, — сложных личностных и державных перипетий в постперестроечных стихийных волнениях, созвучных революционному лихолетью начала XX века; сегодня же, по прошествии более ста лет после описываемых событий, на сцене Большого драматического театра имени Г. А. Товстоногова человек «на изломе» представляется вне исторических противостояний, но под гнётом массы рáвно действующих на него сил — силы трения и сопротивления среде, сил внутреннего натяжения и упругости, силы тяжести всей ответственности за содеянное.

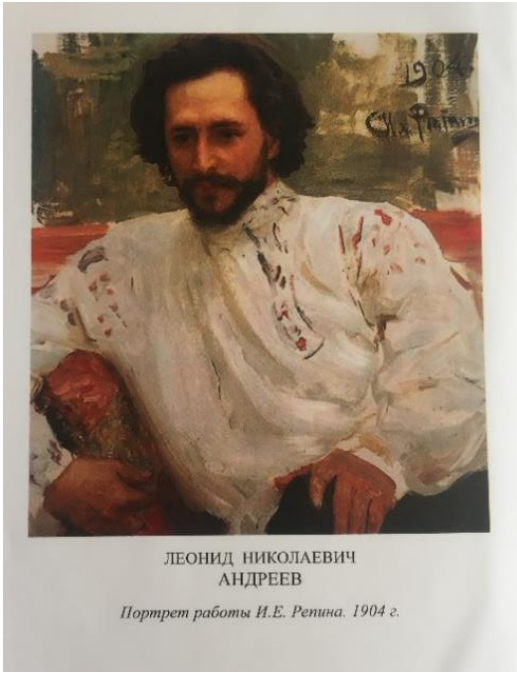
Кадр из кинофильма «Белый орёл» по повести Л. Андреева «Губернатор» (реж. Я. Протазанов, 1928). В роли губернатора — Василий Качалов, сановника — Всеволод Мейерхольд.



Кадр из кинофильма «Губернаторъ» (реж. В. Макеранец, 1991). В роли губернатора — Борис Химичев.

Сцена из спектакля «Губернатор» БДТ имени Г. А. Товстоногова (Санкт-Петербург, 2016). Режиссёр Андрей Могучий. В главной роли Дмитрий Воробьёв. Автор: Стас Левшин. Фото предоставлено пресс-службой БДТ имени Г. А. Товстоногова.

В 4-м томе помимо хорошо известных читателям произведений Андреева опубликованы и долго ожидавшие обнародования материалы его творческой лаборатории: неопубликованные при жизни писателя рассказы «В поезде», «Старухи», «Из глубины веков», а также наброски незаконченных текстов «<Две сестры>» и «Народ (к революции)». Включение в новейшее издание текстовых редакций и вариантов известных произведений, а также рукописей неосуществлённых замыслов — ценнейших свидетельств художнических поисков мастера — важный шаг по «расшифровке» допечатного этапа работы мастера над своими произведениями. А этап этот, как можно увидеть из репрезентируемых архивных материалов, был весьма сложен в плане внутренних творческих поисков Андреева и в силу полемики с коллегами по перу и критиками, всегда столь неоднозначно оценивавшими созданное писателем. Печать сомнений хранит даже портрет, который выбран для иллюстрирования этого тома. Изображение 1904 года кисти Ильи Репина, известное под названием «Портрет Леонида Андреева в белой рубахе» (Государственная Третьяковская галерея), не только датой своего создания, но и историей его «переписывания» показателен для жизненных и творческих траекторий Андреева в период середины 1900-х годов. Репина не удовлетворила ни композиционная организация портрета, ни его цветовая гамма, построенная на тонких градациях белого цвета, придающая образу портретируемого мягкость и чуткость. Недостающие образу Андреева динамизм и деятельную энергию Репин возьмётся отразить спустя год в следующем портрете писателя — «Летний отдых» (1905 год; Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля). Однако достигнутая в нём динамизация образа высветила и внутренний драматизм, предощущением которого жил в это время писатель. Двумя годами позднее портрет Андреева, уже исполненный трагических нот, создаст Валентин Серов[4]. Будучи глубоко поражён кардинальными переменами в облике писателя, в основу своей работы этот художник положит «прозрачность» лица



[4] Портрет 1907 года кисти В. Серова (Государственный литературный музей) использован при оформлении 5-го тома ПССиП Л. Андреева, вышедшего в свет в 2012 году и уже ставшего библиографической редкостью.

Андреева (цвет которого совпадает с желтоватым фоном) и акварельную «хрупкости» изображения, что в сумме с мрачным одеянием и скорбным выражением потухших глаз портретируемого столь разительно будет отличать этот образ писателя от изображения «счастливого» Андреева на первом портрете Репина. В определённой степени оно является одним из последних свидетельств беззаботного и во всех смыслах светлого портрета писателя.

Очередной том, как и в целом Полное собрание сочинений и писем Леонида Андреева в 23-х томах, будет интересен и специалистам, и любителям творчества писателя, и тем, кто только открывает для себя сокровищницу русской литературы. Сегодня уже близка к завершению подготовка к публикации 7-го тома этого проекта. В активной разработке материалы 2-го тома. Так что работа не останавливается, а значит — продолжение следует!..

Источники и литература

1. Беспристрастный. Перед судом критики. – Текущая беллетристика // Вестник литературы. 1905. № 8. 23 апреля. С. 182.
2. Геккер, Н. Наша литература в 1906 году // Одесские новости. 1907. № 7120. 1 января. С. 3.
3. Гитович, И. Е. «Самый свободный жанр» // Гитович, И. Е. Итог как новые проблемы. Статьи и рецензии разных лет об А. П. Чехове, его времени, окружении и чеховедении / Сост. Л. Е. Бушканец, Н. Ф. Иванова, Э. Д. Орлов. М. : Литературный музей, 2018. С. 117–137.
4. Измайлов, А. Литературные беседы // Русское слово. 1906. № 210. 24 августа. С. 2.
5. Литературное наследство. Горький и Л. Андреев. Неизданная переписка. Т. 72. М. : Наука, 1965. 632 с.
6. Чуковский, К. И. О Леониде Андрееве. СПБ. : Русская скоропечатня , 1911. 88 с.

~

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КРЫМА

УДК 9:332:21/28 (447.75) «17»

Кузьмина Людмила Леонидовна
Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории России,
Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: ksynia-2006@mail.ru

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КРЫМУ И ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКОВ

В статье рассматривается процесс формирования категории крепостного крестьянства в Крыму в период после вхождения полуострова в состав России в конце XVIII до 1861 года. Показаны количественные изменения, произошедшие в составе крепостного крестьянства Крыма за указанный период. Кроме того, анализируется положение крепостного крестьянства, показан рост крестьянских повинностей, прежде всего барщины. В статье рассмотрены причины относительно небольшого количества крепостных крестьян в Крыму, показаны особенности их экономической и личной зависимости от помещиков. Анализируется процесс появления и распространения крепостного права в Крыму в его классической форме на последнем этапе своего существования, когда оно приобретало наиболее жёсткие формы.

***Ключевые слова**: помещичье землевладение, категории крестьянства, крепостное крестьянство, формы феодальной ренты, формы внеэкономического принуждения крестьянства.*

Lyudmila L. Kuzmina
PhD in History science,
Associate Professor of the Department of history,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Simferopol

THE PROCESS OF FORMATION OF THE CATEGORY OF SERFDOM IN THE CRIMEA AND ITS POSITION IN THE LATE XVIII CENTURY – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. *The article deals with the process of formation of the category of serfdom in the Crimea in the period after the entry of the Peninsula into Russia in the late XVIII to 1861. Shows the quantitative changes that have occurred in the composition of the serfdom of the Crimea for this period. In addition, the situation of serfdom is analyzed, the growth of peasant duties, especially serfdom, is shown. The article considers the reasons for the relatively small number of serfs in the Crimea, shows the features of their economic and personal dependence on landowners. The author analyzes the process of emergence and spread of serfdom in Crimea in its classical form at the last stage of its existence, when it acquired the most rigid forms.*

Key words: *landlordism, category of the peasantry, serf peasantry, yeoman farmers, forms of extra-economic coercion of the peasantry.*

Для цитирования:

Кузьмина, Л. Л. Процесс формирования категории крепостного крестьянства в Крыму и его положение в конце XVIII – первой половине XIX веков // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 99–107.

В конце XVIII — первой половине XIX веков происходил процесс становления дворянского землевладения в Крыму. Помещики получали в собственность землю на полуострове, а также приобретали её в результате продажи казённых земель. Однако дворянство сталкивалось с проблемой нехватки рабочих рук. Местные крестьяне — в основном крымские татары — были причислены к государственным крестьянам, на которых крепостное право не распространялось. Они предпочитали арендовать землю за десятую часть урожая. Кроме того, по данным П. Кеппена, их в Крыму оставалось около 130 тысяч человек. Таким количеством крестьян невозможно было обеспечить обработку всей земли. В связи с этим правительством было принято решение о переселении из центральных губерний России государственных крестьян, а также иностранных колонистов-поселенцев [13, с. 226].

Одновременно правительство предпринимало меры к тому, чтобы укрепить в Таврической области (позднее губернии) крепостнические отношения. По распоряжению правительства помещики стали заселять вновь полученные земли крепостными крестьянами из своих имений, находившихся в центральных губерниях России. Поэтому в состав крепостного крестьянства Таврической губернии входили русские и украинцы, которые были переселены сюда в конце XVIII – первой половине XIX веков. Уже в начале XIX века в Таврическую губернию начали переселять крепостных крестьян такие крупные

помещики, как Потёмкин, Каховский, Синельников, Мордвинов, Струков, а в последствии и многие другие. Так, помещик Попов перевёз из Черниговской и Екатеринославской губерний в деревню Тавель Симферопольского уезда и Тарханкут Евпаторийского уезда несколько сотен крепостных крестьян. А губернатор Тавриды А. М. Бороздин в село Саблы Симферопольского уезда переселил тысячу крепостных крестьян, в частности, из Киевской губернии. При этом крестьянам из числа крымских татар им было отказано в аренде земли, в результате чего те вынуждены были покинуть землю и свои жилища. А новым крепостным-переселенцам пришлось работать на помещика А. М. Бороздина вместо узаконенных 5–8 дней 150 и более дней в году [2, л. 61]. Переселение помещиком Воронцовым крепостных из Владимирской губернии в свои южнобережные имения сопровождалось большими трудностями: крестьяне сталкивались с проблемой скудного пропитания и отсутствия пристанищ. Часто подвергаясь всевозможным заболеваниям, многие из них умирали в пути [9, с. 126]. В целом перевод крепостных из имений Центральной России стал основным источником роста крепостного населения в Таврической губернии.

Укреплению крепостнических отношений на этой территории способствовало принятие правительством ряда указов, закрепивших за «южными» помещиками право закрепощать беглых крестьян. Спасаясь от гнёта своих помещиков, они ежегодно в огромном количестве скапливались на юге. Особенно много беглых крестьян на территории Таврической губернии было во второй четверти XIX века — период усиления эксплуатации крепостного крестьянства помещиками центральных губерний. В попытке повысить доходы ими повсеместно поднимались оброк и барщина. Многие помещики увеличивали барскую запашку за счёт уменьшения крестьянского надела, а иногда вовсе лишали крестьян земли. Помещичий произвол был основной причиной бегства крестьян на юг, тем более, что в Таврической губернии они находили работу.

К комплексу правительственных мер относится и введение в 1809 году на законодательном уровне запрета проживавшим в Крыму крестьянам покидать место жительства у помещиков в период с декабря по март. В другое время года переселение крестьян допускалось, однако с передачей их земли и имущества помещику [11, с. 221].

Также 18 августа 1828 года был издан царский указ, по которому беглые крестьяне и бродяги, пришедшие в Новороссийский край и Бессарабию до 15 сентября 1828 года, обязаны были приписаться к помещикам или казённым «селениям». Невыполнение этого указа влекло строгое наказание: молодёжь отдавали в рекруты, тех, кто был старше 35 лет, определяли в арестантские роты и крепостные, беглых старше 38 лет и женщин отправляли в Сибирь или

же возвращали помещикам. Например, генерал-губернатор Новороссийского края герцог Ришелье официально обратился к Александру I с просьбой, чтобы всех беспаспортных беглых крестьян и бродяг, которые находятся в крепостных и арестантских ротах, поселили в Новороссийском крае. Нередко помещикам Таврической губернии царское правительство передавало крестьян, осуждённых за различные проступки. Все эти мероприятия правительства приводили к тому, что в Таврической губернии вплоть до реформы 1861 года происходил рост числа крепостных. В 1800 году в губернии по данным Новороссийской казённой палаты насчитывалось 12 146 душ крепостных обоего пола [14, с. 27]. А к 1861 году количество крепостных крестьян возросло до 21 144 душ мужского пола (или 42 тысяч душ обоего пола). Это положение следует особенно отметить, так как в целом в России к началу реформы количество крепостных крестьян уменьшилось.

Однако в Таврической губернии количество крепостных крестьян было относительно невелико. Многие помещики вообще не имели крепостных и вели свое хозяйство с использованием наёмной рабочей силы, пополняемой за счёт местного населения, беглых крестьян и крестьян, отпущенных на оброк из различных губерний страны. По данным А. Тройницкого, из 1 231 помещика, имевшего землю, крепостными крестьянами владели только 543 или 44,5 %, причём 416 помещиков имели до 20 душ крепостных крестьян, 93 помещика — от 21 до 100 душ и 35 помещиков — от 101 до 1 тысячи и более душ крепостных крестьян [16, с. 31].

Распределение крепостных крестьян по уездам было неравномерным. Большое их количество сосредотачивалось на территории трёх материковых уездов Таврической губернии, прежде всего в Мелитопольском и Днепровском. Значительно меньшее количество крепостных крестьян в Крыму, что объясняется прежде всего нераспространением крепостного права на крымских татар, немцев, греков и других нерусских жителей полуострова. В состав крепостных крестьян в Крыму входили в частности переселённые сюда помещиками из их имений в центральных районах страны, а также крестьяне, добровольно приехавшие в Крым и приписавшиеся к тому или иному помещику по указу царя. К 1861 году крепостные крестьяне по отдельным уездам распределялись следующим образом: в Симферопольском — 1 368 душ, Феодосийском — 2 089 душ, Евпаторийском — 872 души, Перекопском — 670 душ, Ялтинском — 160 душ, а всего 5 168 душ мужского пола. Из них 1 263 были дворовыми, 3 905 —издольными. Большое число дворовых крестьян в Крыму было связано с тем, что к их числу относились крестьяне, работавшие в садах и на виноградниках. В Крыму не было оброчных крестьян. Это объяснялось тем, что крымским помещикам, широко использовавшим труд наёмных сельскохозяйственных работников, невыгодно было отпускать своих крестьян

на оброк. Помещики строго следили за тем, чтобы их крестьяне не уходили на посторонние заработки.

При всём при этом на полуострове ощущался недостаток рабочей силы. Дворянство губернии неоднократно, в частности в 1838 и 1841 годах, ходатайствовало о возможности заселить свои владения переселенцами. В этот период в 115 владениях, имевших 364 195 десятин земли, было поселено 1 615 крепостных мужского пола и 1 543 — женского, выполнявших барщинные повинности [10, с. 152]. Отсутствие достаточного количества рабочих рук создавало тяжёлые условия для крепостных крестьян. Помещики, хозяйства которых переходили к производству хлеба на продажу, заставляли своих крестьян работать на себя в течение полной недели. В Крыму, в отличие от большинства губерний России, крепостные крестьяне были переведены на барщину, т. е. здесь преобладала отработочная рента. Преобладание в помещичьих имениях Крыма барщины было обусловлено не только ростом товарности помещичьего хозяйства, но и наличием большого числа переселенцев, не имевших собственного хозяйства. Труд таких крепостных выгоднее всего было использовать на барщинных работах. Кроме того, крепостные крестьяне были вынуждены выполнять ряд натуральных повинностей, в том числе очень обременительную подводную повинность, связанную с перевозкой в портовые города помещичьего хлеба, фруктов, шерсти, вина.

Положение барщинных крестьян было тяжелее оброчных, так как барщина исключала самостоятельность крепостного, влекла за собой регламентацию всей его жизни, создавала условия для произвола помещика над личностью крестьянина. Помещик имел право по своему усмотрению увеличивать количество дней, которые крестьяне работали на барщине. В конце 50-х годов XIX века лишь в небольшом количестве помещичьих имений Крыма сохранилась трёхдневная барщина, в большинстве же она доходила до 5 дней в неделю. Так, помещик Симферопольского уезда Бороздин заставлял крепостных работать на барщине 150 дней в году. Постепенно до пяти дней в неделю довёл барщину для своих крепостных и помещик Феодосийского уезда Колмари [3, л. 20–21]. Нередки были случаи, когда помещики, не считаясь с количеством установленных дней, заставляли крестьян сначала выполнять повинности на господина, а затем трудиться на себя. Вместе с тем барщинные крепостные не освобождались от натуральных и денежных повинностей в пользу помещиков.

Разновидностью барщины и одним из средств её интенсификации являлась месячина. Этот вид помещичье-крестьянских отношений получил своё название от платы натурой в виде месячного продовольственного пайка, который выдавался крепостным, лишённым земельных налогов и обязанным

всё рабочее время находиться на барщине [12, с. 28]. Переход на месячину был особенно выгоден для тех помещиков, которые имели большое количество земли и мало крестьян. Стремясь как можно больше увеличить доходность своих имений, они не разрешали крестьянам заниматься собственным хозяйством и требовали от них работы только в господском имении. Так, 36 помещиков Феодосийского уезда имели 282 крестьянина и заставляли ежедневно работать в своих имениях. Помещик Евпаторийского уезда Фёдоров в 1849 году всех крестьян деревни Кенугез, перевёл на месячину, заставляя работать ежедневно.

С той же целью повышения доходов помещики вводили так называемые «уроки», для выполнения которых крестьяне должны были работать больше положенного времени. Так, помещик Феодосийского уезда Шатилов ввёл «урочные» работы по уборке сена, хлеба, обработке плантаций, строительству каналов. Сам помещик Шатилов считал, что «установление уроков» едва ли не важнее самого увеличения объёма барщины. Однако введение «месячины» и «уроков» не могло существенно сказаться на увеличении прибавочного продукта. Производительность принудительного труда становилась всё ниже, а недовольство крестьян росло.

Особенно тяжёлым было положение крестьян, зависевших от мелких помещиков. У этих крепостных отсутствовали земли, скот, хозяйственные постройки и собственные жилища. В Симферопольском уезде из 150 крестьян, принадлежавших мелкопоместным помещикам, никто не имел земли, из них только четверо жило в собственных жилищах. В Феодосийском уезде из 282 крепостных жильём владели только 83, в Евпаторийском уезде никто из 65 крестьян, принадлежавших мелкопоместным помещикам, не имел ни земли, ни какого-либо иного имущества и все жили в господских строениях [4, л. 50].

Крепостные крестьяне, испытывавшие экономическую и личную зависимость от помещиков, были лишены всяких прав. Их продавали, как вещи, отдавали за долги помещику, проигрывали в карты, меняли на собак и т. д. Обычным явлением, поощряемым правительством, была продажа крепостных крестьян с землёй. Но помещики Крыма часто покупали крестьян в центральных губерниях России без земли и привозили их в свои имения.

Власть помещика над крепостными крестьянами по сути ничем не была ограничена. Закон всегда оказывался на стороне помещика, который имел право сечь крестьян розгами до 40 ударов и палками до 15 ударов, арестовать на 2 месяца, заключать в смирительные работные дома до трёх месяцев и арестантские роты до шести месяцев, ссылать в Сибирь. Закон запрещал крестьянам жаловаться на помещиков и предусматривал наказание жалобщиков 50 ударами розог. Так, жестокой порке были подвергнуты

крепостные крестьяне деревни Мшатка Ялтинского уезда за поданную предводителю дворянства жалобу на жестокое обращение графа Кушелёва. Не препятствовал закон и помещице Симферопольского уезда Бухариной, которая за малейшую провинность сажала крепостных на цепь, надевала им на шею железную рогатку с четырьмя острыми спицами и запирала на замок. Жертва помещичьего произвола нередко подвергалась такому наказанию в течение нескольких дней [5, л. 1]. Другой помещик Симферопольского уезда, Властерий, заковывал крестьян в железные кандалы, надевал на ноги деревянные колодки и заставлял работать в поле. Даже полиция была вынуждена признать, что обращение помещика Властерия со своими крепостными было бесчеловечным [6, л. 2].

В архивах канцелярии Таврического губернатора сохранилось большое количество жалоб крепостных крестьян на бесчеловечное обращение с ними помещиков, но нет ни одного дела, по которому было бы принято решение о наказании помещиков [7]. Безрезультативными были и жалобы крестьян в Петербург. В деле, посвящённом действиям временного земского суда, содержатся жалобы на полковника Кушакевича: он увеличивал повинности крестьян, в частности барщину, произвольно продавал замену крестьянских повинностей, захватывал земли. В соответствии с Российскими законами объём барщины, выполняемой крепостными крестьянами, должен был составлять 15 рабочих дней в году. Вместе с тем помещики на основе норм обычного права пытались узаконить неограниченное время повинностей, особенно в период страды. Помещики выступали за полную свою свободу в определении объёмов и сроков выполнения повинностей крепостными крестьянами, и прежде всего барщины [1, с. 32]. Более того, граф Н. С. Мордвинов писал в Петербург о том, «что узаконение малой повинности поселян на землю, которую они у помещиков в найме содержат, может послужить к возбуждению лености, всегда вредной» [8, л. 26]. Вскоре помещики Таврической губернии обязали крестьян полностью обрабатывать барскую землю в расчёте 2,5 десятины на плуг, засеивать её, собирать урожай и доставлять своими средствами в город. Десятина увеличилась до 2/10 всего собранного сена, по 30 копеек с головы крупного рогатого скота, по 6 копеек с овцы (за право выпаса на бывшем общинном лугу). Устанавливается неограниченная подворная повинность и обязанность для крепостных выполнять натуральные повинности, выполнять для помещика необходимые для него работы по дому.

Таким образом, характерной особенностью Крыма стало появление здесь крепостного права в его классической форме на последнем этапе своего существования. Общая численность крепостных крестьян в Крыму была

невелика и по отношению к свободному населению Таврической губернии не превышала 4% [15, с. 253].

В 1795 году, через 12 лет после присоединения Крыма к России, в Таврической области было более 12 тысяч крепостных мужского пола, что составляло 11,31% от всего крестьянского населения области. Эта цифра почти не изменилась до конца 20-х годов XIX века. Только в начале 30-х годов этого же столетия численность крепостных увеличивается до 19 032. В 1857 году по удельному весу крепостных в составе населения Таврическая губерния занимала 44-е место в России, хотя в этом году число крепостных на этой территории составляло более 20 тысяч человек, или 7,87% крестьянского населения губернии. Таким образом, за 60 лет количество крепостных возросло, но удельный вес их в общей массе крестьян снизился. Следовательно, помещикам не удалось осуществить переселение крепостных сюда в сколько-нибудь крупных масштабах. Большинство помещиков вело хозяйство с использованием труда безземельных свободных крестьян или с помощью вольнонаёмных рабочих. Почти единственной формой феодальной ренты была отработочная рента, т. е. барщина, ограничивавшаяся, как правило, тремя днями в неделю. В большинстве случаев она исчислялась с так называемого тягла — одного работоспособного мужчины с женой, выходивших на работу не менее чем с одной парой волов. Не имевшие рабочего скота отрабатывали барщину в качестве пеших работников.

Характерной особенностью помещичьего хозяйства Таврической губернии в середине XIX века было наличие больших земельных владений при общем незначительном количестве крепостных крестьян. Это обусловило, с одной стороны, преобладание барщины и большой удельный вес среди крепостных крестьян дворовых, с другой стороны — широкое применение в ряде поместий вольнонаёмного труда. Эти две противоположные тенденции свидетельствовали о кризисе крепостнической системы хозяйства накануне 1861 года.

Источники и литература

1. Блюменфельд, Д. А. Крымско-татарское землевладение: историко-юридический очерк. Одесса: Одесский вестник, 1988. 116 с.

2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 83 (Феодосийское окружное правление государственных имуществ), оп. 1, д. 10, 64 л.

3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 17, 26 л.

4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 4, д. 1767, 58 л.

5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 2901, 18 л. (л. 1)

6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 2901, 18 л. (л. 2)

7. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 2711, 11 л.; д. 2911, 14 л.; д. 2918, 9 л.; д. 5083, 12 л.; д. 7375, 9 л.; д. 12110, 13 л.

8. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 799 (Таврическое областное правление), оп. 4, д. 2, 32 л.

9. Дружинина, Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 годах. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 354 с.

10. Забвению не подлежит…: из истории крымско-татарской государственности и Крыма: научно-популярные очерки / Сост. Н. Ибадуллаев, вступ.ст. В. Е. Возарина. Казань : Татарское книжное изд-во, 1992. 256 с.

11. История Крыма с древнейших времен до наших дней/ Г. М. Буров, Э. Б. Петрова и др. 5-е изд. Симферополь : Атлас-компакт, 2013. 420 с.

12. История Украинской ССР: в 10 т. Т. 4 : Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы / Отв. ред. Н. Н. Лещенко. Киев : Наукова думка, 1983. 694 с.

13. Крым. От древности до наших дней. Симферополь: Черномор ПРЕСС, 2010. 656 с.

14. Скальковский, А. А. Хронологический обзор Новороссийского края с 1796–1829 гг.: в 2 ч. Ч. 2. Одесса : Городская типография, 1868. 368 с.

15. Секиринский, С. А. Виды повинностей крепостных крестьян в Таврической губернии накануне 1861 г. // Ежегодник по истории стран Восточной Европы. Минск, 1964. С. 351–360.

16. Тройницкий, А. Г. О числе крепостных людей в России. СПб. : Тип. Мин. внутр. дел, 1858. 40 с.

~

УДК 908:37.014.521 «18» (470.75)

Громова Наталья Фёдоровна
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,
Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: gronafed@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ И ПРОБЛЕМА ВНЕДРЕНИЯ В НИХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме обучения русскому языку нерусскоязычного населения Таврической губернии (уездов Крымского полуострова*) в XIX веке. На основе архивных материалов и опубликованных источников проанализированы способы и методы решения этого вопроса путем внедрения русского языка в традиционные национальные школы крымских татар, немцев, евреев, караимов, греков, армян. В статье рассмотрены этапы этого процесса, конкретные шаги, предпринятые центральными и местными властями, их особые подходы к решению языковой проблемы в разных группах национальных школ. Автором отмечены достигнутые в обучении русскому языку успехи, позволившие подключить к активной социально—экономической и культурной жизни значительную часть нерусскоязычных жителей края, а также допущенные при этом просчёты и нарушения их религиозные и национальные интересы.*

Ключевые слова: *Таврическая губерния, национальные школы, русский язык, образовательный процесс.*

Natalya F. Gromova
PhD in Historical sciences,
Associate Professor of the Department of Russian History,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Simferopol

FROM THE HISTORY OF THE DISTRIBUTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN NATIONAL SCHOOLS OF THE TAVRIC GOVERNMENT IN THE XIX CENTURY

Abstract. *The article is devoted to the problem of teaching the Russian language in the 19th century to non-Russian-speaking population of the Taurian province, including the Crimea. On the basis of archival materials and published sources, ways and methods*

of solving this problem through the introduction of the Russian language into traditional national schools of the Crimean Tatars, Germans, Jews, Karaites, Greeks, Armenians are analyzed. The article examines the stages of this process, the concrete steps taken by the central and local authorities, their specific approaches to solving the language problem in different groups of national schools. The author noted the successes achieved in the teaching of the Russian language, which allowed to connect a significant part of non-Russian-speaking inhabitants of the region to active socio—economic and cultural life, as well as mistakes and mistakes that violated their religious and national interests.

Key words: *Taurian province, national schools, Russian language, educational process.*

Для цитирования:

Громова, Н. Ф. Национальные школы Таврической губернии в XIX веке и проблема внедрения в них русского языка // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 108–119.

Крым исторически развивался как регион, населённый народами различных национальностей, религиозных конфессий, языковых групп. К моменту присоединения Крымского ханства к Российской империи, в состав которого кроме полуострова входила и территория Северной Таврии, здесь проживало около 140 тысяч человек, из которых 78,7% составляли крымские татары, 17,2% — греки и армяне, 2,1% — цыгане, 2,0% — евреи, караимы, крымчаки [13, с. 15, 19]. После создания в 1784 году Таврической области, преобразованной в губернию (1802 г.), началось её заселение не только переселенцами из внутренних районов России, но и иностранными колонистами: греками, болгарами, немцами, чехами [12, с. 27]. В итоге к началу XX века национально-религиозная структура населения Таврической губернии оказалась чрезвычайно пёстрой: здесь жили представители 34 наций и народностей, принадлежавшие к 10 разным религиям и религиозным течениям [9, с. 34]. Среди них, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, русские, украинцы и белорусы составляли около 61,0%, крымские татары — 21,0%, немцы — 6,0%, евреи — 4,8%, греки — 2,5%, караимы — 1,1%, армяне — 1,0% [8, с. 6].

Начавшиеся в Таврической губернии с конца XVIII века преобразования должны были охватить всё её население и способствовать скорейшему его подключению к решению общих для всего Российского государства задач экономического, социального, культурного развития. Это касалось и проблем народного образования. Однако, открывавшиеся в городах и уездах края начальные и средние школы, входившие в состав государственной образовательной системы и подчинявшиеся Министерству народного

просвещения Российской империи, были рассчитаны, главным образом, на русскоязычное население. Учебно-воспитательный процесс в них осуществлялся на русском языке, преподававшиеся дисциплины устанавливались государственными учебными Уставами [10, с. 384, 386]. В это же время у большинства нерусскоязычного населения губернии существовали свои традиционные школы, носившие национально-религиозный характер и предназначавшиеся для обучения детей основам вероисповедания и грамоте родного языка. Русский язык в этих школах не изучался, а другие способы овладения им были в начале XIX века весьма ограничены. Незнание русского языка существенно затрудняло интеграционные процессы в обществе, мешало значительной части населения губернии воспользоваться общероссийскими материальными и духовными ценностями и, в свою очередь, поделиться своими национальными достижениями.

Обращение в данной статье к вопросу о внедрении русского языка в национальные школы Таврической губернии в XIX веке, освещение путей и методов действия властей по его распространению через учебные заведения среди нерусскоязычного населения, поможет более глубоко и всесторонне осветить историю Крыма и особенности культурного развития его народов.

Традиционные национальные школы

Согласно шариату все *крымские татары* отдавали своих детей (и мальчиков, и девочек) в мектебы, где их обучали арабскому языку (в пределах чтения Корана), мусульманским обрядовым правилам, чтению и письму на крымскотатарском языке (девочек учили лишь чтению). Содержались мектебы за счёт благотворительности жителей городов и сёл, из отчислений местных татарских обществ и частных лиц, с вакуфных доходов [1, с. 12]. До присоединения Крыма к Российской империи такие традиционные школы-мектебы существовали в каждом татарском населённом пункте, но к началу XIX века их число сократилось из-за переселения части татар в Турцию [3, с. 249]. После окончания Крымской войны на полуострове осталось лишь 119 мектебов [4, д. 1024, л. 54–79]. Их восстановление наметилось к концу 1870-х годов, и в 1898 году в губернии насчитывалось уже 455 мектебов (305 общественных и 150 частных) [4, д. 2172, л. 133]. Кроме мектебов в Крыму действовали и высшие крымскотатарские религиозно-духовные школы — медресе, предназначавшиеся для юношей, желавших посвятить себя службе в мечетях, общественной деятельности, обучению детей. В медресе, которых в Крыму к концу XIX века действовало 45 [4, д. 2172, л. 133], можно было изучить богословие, арабский язык, математику, философию, законоведение.

Переселявшиеся в Таврическую губернию на протяжении XIX века *немцы* в зависимости от конфессиональной принадлежности (лютеране,

католики, меннониты) селились отдельными колониями. С 1800 по 1864 год в Таврической губернии возникла 161 колония [3, с. 161], а к концу столетия их было уже 246, из которых 124 — в Крыму [7, с. 351]. В Перекопском, Евпаторийском, Симферопольском и Феодосийском уездах проживало 30 027 немецких колонистов, в северных материковых уездах губернии (главным образом в Бердянском и Мелитопольском) — 48 278 [12, с. 41]. Неотъемлемым элементом немецких колоний являлись школы. Они были двух типов: во-первых, так называемые сельские школы, которые открывались даже в самых небольших немецких селениях и содержались за счёт местных жителей; во-вторых — приходские, находившиеся при лютеранских и католических церквях, принадлежавшие им и содержавшиеся за счёт прихожан нескольких колоний. Меннониты не строили специальных школьных зданий, а размещали их в своих молельных домах. В немецких школах детей в течение 7–8 лет учили основам своего вероисповедания, немецкому языку, арифметике, всеобщей географии, пению, большое внимание уделялось воспитанию в духе национальных и религиозных традиций и обычаев. Посещение школы считалось священной обязанностью для детей обоего пола, так как без сдачи экзамена по школьному курсу никто не допускался к конфирмации по достижению 15-летнего возраста [6, с. 60].

Были свои традиционные элементарные школы и у *евреев*, проживавших во всех городах и уездах Таврической губернии. Назывались они первоначальными хадаримами (хедерами), открывались при синагогах или отдельными лицами (меламедами) в частных домах. Еврейских мальчиков обучали в таких школах основам и правилам иудейского вероисповедания, письму и чтению на иврите. Число хадаримов постоянно росло: если в середине XIX века в губернии их насчитывалось немногим более двух десятков [4, д. 728, л. 48–49, 60, 66, 106, 128], то к концу века уже было более 120 [7, с. 351].

Строго следили за исполнением норм духовной жизни и национальных обычаев и крымские *караимы*, самые крупные общины которых находились в Симферопольском, Евпаторийском и Феодосийском уездах. Обязанность первоначального обучения детей в караимском обществе возлагалась на традиционные школы — медреше, которые создавались при кенассах или молельных домах и находились под управлением верховного Гахама. В этих школах, в соответствии с особенностями караимизма, мальчиков учили не только караимскому языку (схожему с крымскотатарским), но и древнееврейскому. Без знания последнего образование, в понимании караимов, не могло считаться удовлетворительным, так как на без знания древнееврейском языке были написаны религиозные караимские книги и велось богослужение в кенассах [4, д. 2041, л. 26, 40]. Больше всего караимских школ под управлением верховного Гахама находилось в Евпатории: в 1832

году — 5, в 1849 — 8 [4, д. 333, л. 208–211; д. 694, л. 72]. Всего в крымских уездах в конце 80-х годов насчитывалось 14 школ караимов [4, д. 1946, л. 80], но в последующие годы их число сократилось до 10 [4, д. 2041, л. 22].

Благодатная земля Тавриды ещё с древности была очагом колонизации *армян*, которые к началу XX века проживали в большинстве городов и уездов губернии. Имея единые этнические корни, армяне в то же время разнились вероисповеданием. Большая их часть была григорианцами, меньшая — католиками. Именно по этому конфессиональному признаку основывались и традиционные армянские школы, которые посещали и мальчики, и девочки. Общим для этих школ являлось обучение детей грамоте на родном языке. К концу XIX века в губернии действовало 7 армянских школ [4, д. 1975, л. 267]. Особое место в жизни армянского общества занимало Халибовское училище, открытое в Феодосии по инициативе архимандрита Гавриила Айвазовского в 1858 году [4, д. 1024, л. 106]. В училище принимались армянские юноши из разных городов и государств. После окончания обучения они несли родную речь, историю, религию, традиции своего народа соплеменникам, проживавшим не только в России, но и в других европейских и азиатских странах.

Несколько национальных школ работали при греческих православных церквях, в том числе три в Симферополе, по одной в Карасубазаре, Бахчисарае, Керчи, Евпатории и трёх селах Ялтинского уезда [4, д. 1723, л. 209]. Однако посещение этих школ детьми из греческих семей не было обязательным. Некоторые *греки* предпочитали отдавать своих сыновей и дочерей на обучение в государственные начальные учебные заведения — приходские и уездные училища.

Национальные школы были и у некоторых других народов Таврической губернии — чехов, эстонцев, поляков. В целом, как свидетельствуют материалы из Отчёта по управлению Таврической Дирекции народных училищ за 1888 год, к этому времени на неправославное население губернии, насчитывавшее немногим более 400 тысяч человек, приходилось более 800 национально-религиозных школ, или одна школа почти на 500 жителей. По мнению властей, такого количества национальных школ было вполне достаточно, тем более, что у православного русскоязычного населения губернии в это время одно государственное учебное заведение приходилось на 1 263 жителя [4, д. 1975, л. 270].

Организация обучения русскому языку в национальных и государственных школах на добровольных началах

Российские власти неоднозначно относились к национальным школам. С одной стороны, эти школы, значительно уступая русским учебным

заведениям в общеобразовательном подходе и не всегда соответствуя современным требованиям, тем не менее заботились о национально-религиозном и нравственном воспитании детей, брали на себя ответственность за их обучение грамоте на родном языке. С другой стороны, национальные школы не были включены в общероссийскую образовательную систему, не подчинялись Министерству просвещения и не принимали участия в реализации политики государственного образования. Особенно беспокоило российские власти отсутствие в национальных школах русского языка. Это приводило к тому, что значительная часть населения губернии, особенно в сёлах, русским языком не владела, а часть знала его лишь на бытовом уровне, ограничившись набором определённых русских слов и выражений посредством общения с русскоязычными соседями или наемными работниками. Овладение русским языком воспринималось многими членами общин как отступление от национальных и религиозных традиций, как шаг к потере своей идентичности. Среди крымских татар были распространены слухи, что научившихся говорить и писать по-русски сразу будут забирать в армию. Такое положение тормозило социально-экономическое развитие губернии, так как без знания государственного языка трудно было привлечь её жителей к общественной и культурной жизни.

Успешно разрешить языковую проблему можно было через школы. Однако до 70-х годов XIX века в государстве не существовало чёткого плана действий по этому вопросу. Мероприятия, предпринимавшиеся властями в первой половине века, носили, как правило, эпизодический характер и касались лишь некоторых национальных групп, в первую очередь, крымских татар и немецких колонистов. Так, мысль о распространении русского языка среди татар Крыма возникла в окружении императора Александра I, когда он в 1824 году путешествовал по Тавриде. Часть татар попросили тогда его о «доставлении им способов научиться русскому языку, чтобы узнать русские законы» [11, с. 84–85]. В результате при нескольких уездных и приходских училищах (симферопольском, бахчисарайском, карасубазарском) за счёт государственной казны были организованы русско-татарские классы с обучением на русском языке, куда принимали татарских и русских мальчиков [4, д. 23, л. 1]. А при Симферопольской мужской гимназии по содействию Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова в 1827 году было открыто татарское училищное отделение, в котором планировалось готовить учителей из крымских татар для этих классов [4, д. 330, л. 1]. Однако при открытии таких классов не были учтены национальные интересы и религиозные потребности населения, что привело к постепенному сворачиванию их работы. А за 27 лет существования училищного отделения его закончило лишь 25 человек. Не увенчалась успехом и попытка ввести

добровольное изучение русского языка в качестве дополнительного предмета в бахчисарайских и карасубазарских медресе. Учащиеся игнорировали эти занятия, учителям приходилось работать в почти пустых классах. Лишь в одном бахчисарайском медресе Зинджерли до конца XIX века продолжал существовать русский класс [4, д. 2124, л. 28].

Подобная ситуация наблюдалась и в немецких колониях. За решение проблемы обучения русскому языку здесь с середины 60-х годов взялись земства. Так, в Бердянском уезде земства помогли открыть русские классы при четырёх немецких сельских школах, куда по желанию родителей зачислялись дети на четвёртый год их обучения. Но работа этих классов оказалась неэффективной, из 287 учащихся экзамен по русскому языку в конце срока обучения успешно смогли сдать лишь 19 [6, с. 61]. Главная причина неудачи заключалась в незнании русского языка немецкими учителями. Русские же учителя не хотели работать в немецких школах, так как с трудом адаптировались к своеобразным условиям жизни в колониях и плохо владели немецким языком [4, д. 2049, л. 84]. Так, из 42 учителей в немецких школах Перекопского уезда лишь один был по национальности русским [4, д. 1924, л. 206–209].

Таким образом, попытки внедрить русский язык путём его добровольного изучения учащимися в традиционных национальных школах и через специальные классы при государственных учебных заведениях не увенчались успехом. Российские власти осознавали, что в традиционных национальных учебных заведениях, не подчиняющихся Министерству просвещения и находящихся в зависимости от национально-религиозных общин, у них нет достаточного авторитета и влияния, чтобы достичь желаемых результатов. Требовались другие подходы к решению языковой проблемы. И тогда были предприняты более решительные действия.

Создание министерских народных училищ для «инородцев»

В 1870 году было принято решение о создании для «инородцев» (так в Российской империи называли нехристианское население, в том числе крымских татар, евреев, караимов) начальных народных училищ с обязательным изучением русского языка. Предполагалось, что эти училища, включенные в государственную образовательную систему и находящиеся в ведении Министерства просвещения, постепенно заменят собой традиционные национально-религиозные школы: татарские мектебы, еврейские хадаримы, караимские медреше.

Уже в начале 70-х годов в Крыму появились 50 народных училищ для крымских татар [4, д. 1946, л. 62]. Преподавание всех предметов в них велось на русском языке и русскими учителями. Некоторые училища власти разместили

рядом с мектебами, а некоторые в таких глухих горных селах, где жители никогда не слышали русскую речь. Но самым неприемлемым для крымских татар было отсутствие во многих училищах обучения основам мусульманского вероучения. Лишь в 9 татарских народных училищах имелись вероучителя, которым местные татарские общества платили за работу небольшие вознаграждения. Поэтому крымские татары, считавшие, что главным занятием для детей в школе является обучение чтению Корана, мусульманским обрядам и правилам, настороженно отнеслись к открытию министерских учебных заведений и продолжали отдавать детей в мектебы. Министерские же училища оставались полупустыми. Например, в феодосийском училище по списку числились 17 учеников, а фактически посещали занятия лишь 4 [4, д. 1924, л. 18]; татарское училище села Таракташ, рассчитанное на 100 человек, посещали всего 11 мальчиков-татар [4, д. 1856, л. 17–18]. Чтобы оправдать затраченные на открытие училищ государственные и общественные средства, в них начали принимать и русских детей. Так, среди учеников училища в селе Сарабуз числились 10 татар и 23 русских [4, д. 1719, л. 30], в керченском — 7 татар и 23 русских [4, д. 1856, л. 16]. Такую же картину можно было наблюдать и в других татарских народных начальных училищах. В результате нависла угроза превращения министерских татарских учебных заведений в обычные государственные школы для русскоязычного населения. Поэтому в марте 1885 года попечитель Одесского учебного округа вынес решение устранить русских детей из училищ для крымских татар и изъять из них российские учебники и православные книги, в первую очередь, «Жития святых», «Православный месяцеслов», «Граф Суворов» и др. [4, д. 1939, л. 171–172].

Передовая национальная интеллигенция Крыма ратовала за изменение правил обучения в министерских учебных заведениях для нерусскоязычного населения. Караимский поэт и просветитель, инспектор татарской учительской школы И. И. Казас предлагал, например, начинать обучение детей на крымскотатарском языке и постепенно переходить на русский по мере его усвоения учащимися. Этот вопрос поднимался и на посвящённом вопросам инородческих школ съезде народных учителей, проходившем в Ялте в 1905 году, и на губернском совещании заведующих народнообразовательных отделов уездных земств, рассматривавшем положение дел в татарских школах [2, с. 35]. Но, к сожалению, к подобным предложениям и начинаниям интеллигенции местные власти относились весьма скептически, в народных училищах продолжали игнорировать национально-религиозные интересы крымских татар. В итоге это привело к массовому закрытию министерских татарских училищ из-за отсутствия в них достаточного числа учеников. К концу XIX века в Крыму из 15-ти их осталось лишь 18: 9 в городах и 9 в селах [4, д. 2172, л. 92–93]. В начале XX века Министерство просвещения предприняло попытку

создания для крымских татар ещё и школ грамотности. Программа обучения в них была более сжатой по сравнению с министерскими училищами, их открытие обходилось казне гораздо дешевле. Для крымских татар школы грамотности оказались более привлекательными, чем училища, так как в них наряду с обучением русскому чтению и письму проводились ещё и занятия по основам мусульманского вероучения [4, д. 1939, л. 24].

В течение 70-х — 80-х годов в Таврической губернии были открыты также 5 начальных народных училищ для караимов, причём три из них для девочек, а одно — с ремесленным уклоном [4, д. 2172, л. 131–132]. В отличие от крымских татар караимские общины доброжелательно относились к вопросу обучения русскому языку в таких училищах и оказывали им большую поддержку: выделяли средства на ремонт помещений, приобретали отопление, письменные принадлежности, обувь и одежду для учащихся из бедных семей. Наибольшей известностью пользовалось караимское училище в Симферополе, почётным попечителем которого был Самуил Черкесс. По его инициативе во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были собраны деньги и построено при симферопольской кенассе новое училищное здание, в классах которого смогли разместиться дети из караимских семей, переселившихся в столицу губернии из прибрежных городов. Однако и у караимов имелись нарекания к министерским училищам, так как в них отсутствовало преподавание древнееврейского языка и караимского вероучения, без которых образование считалось неполным [4, д. 2041, л. 40].

Что касается обучения русскому языку еврейского населения, то ещё в 1849 году российское правительство вынесло решение о создании в ведении Министерства просвещения «казённых еврейских училищ», в которых наряду с еврейским языком и национальным вероучением должны были преподаваться русский язык, арифметика и чистописание. Такие казённые еврейские училища были открыты в 1851 году в Симферополе, а в 1858 — в Керчи [5, д. 15, л. 10–11]. В 1873 году эти казённые училища были преобразованы в министерские народные училища с одновременным расширением в них учебной программы по русскому языку. Еврейская община Симферополя в 1890 году добилась создания при училище нескольких ремесленных классов, где мальчики, за время своего обучения, могли приобрести навыки столярного или слесарно-кузнечного ремесла и даже получить звание мастера или подмастерья [4, д. 2085, л. 94–95]. Кроме Симферополя и Керчи министерские училища для еврейских детей были открыты также в Севастополе и Каховке [4, д. 743, л. 15–16]. Одновременно с этим власти ужесточали условия для существования национальных школ — хадаримов. Так, в 1859 году вышло постановление Сената, которым устанавливалась новая процедура получения свидетельства на звание меламеда (учителя) для евреев, желавших открыть частный хадарим.

Для этого по новым требованиям необходимо было сдать в государственном учебном заведении специальный экзамен на знание грамоты, у местных раввинов проэкзаменоваться по основам национального вероучения, а у гражданского начальства получить справку о «хорошем поведении» [4, д. 861, л. 1]. Однако никакие трудности не могли остановить рост национальных еврейских школ, помогавших народу сохранять свою самобытность. Только в Симферополе в 1862 году функционировали 10 хадаримов [7, с. 351].

Внедрение русского языка в национальные школы «иноверцев»

Поэтапно в Таврической губернии решался вопрос обучения русскому языку «иноверцев» — христиан неправославного исповедания. Ещё в 1835 году решением российского правительства в подчинение Министерству просвещения передавались приходские школы при католических церквях у немцев и армян [4, д. 708, л. 9]. В этих школах сразу же вводилось преподавание русского языка.

С середины 70-х годов вопрос обучения русскому языку немецкого населения приобрёл особую актуальность, так как незнание языка становилось серьёзным препятствием к выполнению среди значительной массы населения империи государственного Закона 1875 года о всеобщей воинской повинности. Власти решили воспользоваться прецедентом 1835 года и применить принудительные меры ко всем жителям немецких колоний. Указом императора от 2 мая 1881 года все сельские школы в немецких поселениях меннонитов, лютеран, католиков с их имуществом, фондами и сборами передавались в непосредственное подчинение Дирекции училищ Таврической губернии [4, д. 1855, л. 1]. Специально созданные в уездах губернии комиссии во главе с учебными инспекторами занялись процедурой описания изымаемых немецких школ и оформлением документов об их передаче в ведение Министерства просвещения. Однако эти комиссии везде встречали серьёзное сопротивление колонистов. Многие немецкие учителя не желали признавать императорский указ, а жители колоний считали действия местных властей шагом к уничтожению немецкого языка и наступлением на их веру и традиции. Иногда дело доходило до силового противостояния. Это вынудило власти к снаряжению специальных вооруженных отрядов, которые должны были сопровождать комиссии в их поездках по колониям [4, д. 1855, л. 84]. Особенно активно защищали сельские школы от посягательств властей лютеранские священники, утверждавшие, что школы в колониях являются не общественной, а церковной собственностью и поэтому не должны подлежать передаче в государственную систему. Но этим протестам был положен конец указом от 22 ноября 1890 года о переходе к Министерству просвещения также немецких приходских школ при лютеранских церквях. За священниками

сохранялось лишь право наблюдения за организацией в школах религиозного обучения.

Передача всех немецких школ в ведение Министерства просвещения и включение их тем самым в государственную систему образования являлось важным шагом в комплексе разработанных властями мер. Следующий шаг должен был поставить точку в вопросе распространения русского языка среди немецкого населения путём его внедрения в школьный образовательный процесс. Суть принятых для этого мер сводилась к следующему:

1) изучение русского языка начиналось с первого класса и продолжалось на протяжении всего курса обучения. В учебных планах на его изучение отводилось больше всего времени (от 6 до 12 часов в неделю) [6, с. 62];

2) языком преподавания всех дисциплин объявлялся русский язык. Немецкому языку предлагалось придать значение вспомогательного предмета, необходимого для изучения основ вероисповедания [4, д. 2049, л. 89, 247];

3) в качестве обязательных предметов в курс обучения включались российская история и российская география, «…чтобы дети лучше знали своё Отечество, где они до сих пор были как пришельцы, и чтобы они со школьной скамьи учились любить и уважать его не как второе после первого, но как единственное навсегда» [4, д. 2049, л. 84];

4) во избежание уклонений детей от изучения русского языка, для их родителей была разработана система наказаний, предусматривавшая взыскание пени и привлечение к штрафным работам за каждый пропущенный их ребёнком урок [4, д. 1855, л. 154, 182];

5) право преподавания в немецких школах предоставлялось лишь учителям, знавшим русский язык и подтвердившим это на специальных экзаменах. С этой целью для учителей немецких школ открывались в ряде учебных заведений курсы по усовершенствованию русского языка [4, д. 2049, л. 87].

Претворение в жизнь указанных мер началось сразу после их принятия. В результате многие учителя, проработавшие в немецких школах долгие годы, но не сумевшие пройти испытание на знание русского языка, были уволены. В самом конце XIX века подобным образом был решён и вопрос изучения русского языка детьми армян-григорианцев. В 1898 году все армяно-григорианские школы были переданы в ведение Министерства просвещения и русский язык стал в них обязательной для изучения дисциплиной [4, д. 2172, л. 131–133].

Заключение

Вопрос организации обучения русскому языку в национальных школах Таврической губернии, включая Крым, к началу XX века был в основном решён. Но нередко действия властей носили принудительный характер и предусматривали насильственные меры. Однако проделанная работа принесла в итоге положительные результаты: знание русского языка позволило

подключить к активному решению социально-экономических проблем края значительные массы населения и тем самым ускорить хозяйственное и культурное развитие региона. В то же время знание русского языка создало условия для внесения многовековых достижений различных народов Таврической губернии в общую культуру Российского государства.

Источники и литература

1. Андреевский, Ф. Н. Мусульманский мектебе и его роль среди татарского народа на Крымском полуострове. Симферополь: Тип. Таврического губернского земства, 1908. 39 с.

2. Андреевский, Ф. Н. Неотложные вопросы образования крымских татар. Симферополь: Тип. Таврического губернского земства, 1908. 43 с.

3. Бойко, Я. В. Заселение Южной Украины. 1860–1890 гг. Черкассы: Сіяч, 1993. 256 с.

4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 100 (Дирекция училищ Таврической губернии). Оп. 1, дд. 23, 330, 333, 694, 708, 728, 743, 861, 1024, 1719, 1723, 1855, 1856, 1924, 1939, 1946, 1975, 2041, 2049, 2124, 2172.

5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 440 (Керченская Александровская мужская гимназия). Оп. 2, д. 15.

6. Громова, Н. Ф. Из истории решения языковой проблемы в немецких колониях Таврической губернии в XIX в. // VI Таврические научные чтения: сб. науч. статей. Симферополь: Евростроий, 2006. С. 59–63.

7. Громова, Н. Ф. Образование и наука в Крыму (конец XVIII—начало XXI в.) // Крым от древности до наших дней / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: ЧерноморПРЕСС; Феодосия: Коктебель, 2010. С. 343–370.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 89 кн. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Кн. 41 : Таврическая губерния. СПб.: Изд-е Централ. статистич. комитета Мин. внутр. дел, 1904. 310 с.

9. Полухина, О. Население Крыма в 1783–1917 гг. // Украинский исторический журнал. 1988. № 9. С. 27–35.

10. Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. 922 с.

11. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1869. 522 с.

12. Секиринский, С. А. Население Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII – нач. XX века) // Вестник: Информационно-методический бюллетень. 1990. Вып. 3. С. 19–45.

13. Скальковский, А. А. Занятие Крыма в 1783 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. XXX. Отд. 2 : Словесность, науки и художества. С. 1–44. ~

УДК 78.067.26(=512.145)

Кадырова Майя Решатовна
Старший преподаватель,
кафедра музыкальной педагогики и исполнительства,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» в г. Ялте;
Российская Федерация, Ялта, e-mail: nazimamedov@mail.ru

ЛАДОВЫЕ И РИТМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКИ

В статье рассматриваются ладовые и ритмические особенности крымскотатарской народной музыки, анализируется колоссальное богатство её ладово-ритмической системы. Выявлены свои специфические лады с увеличенной секундой, а также характерные интонации, вводящие в тонику. Дана характеристика разновидностям крымскотатарских народных песен и инструментальных мелодий. Особое внимание уделено ритмической стороне крымскотатарской народной музыки, рассмотрены её наиболее популярные и распространённые виды.

Ключевые слова: *фольклор, крымскотатарская народная музыка, ритм, лад, метр.*

Maya R. Kadyrova
Senior Lecturer,
Department of Music Pedagogy and Performance,
Humanities and Education Science Academy (Branch) in Yalta,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Yalta

THE MODAL FEATURES AND RHYTHMIC PECULIARITIES OF CRIMEAN TATAR PEOPLE MUSIC

Abstract. *In the article, the fret and rhythmic features of the Crimean Tatar folk music are considered, and the colossal wealth of its rhythmic system is analyzed. Author identified their specific frets with an enlarged second, as well as the characteristic intonation entering into the tonic. The characteristics of the Crimean Tatar folk songs and instrumental melodies are given. Particular attention is paid to the rhythmic side of the Crimean Tatar folk music, its most popular and widespread species are considered.*
Actuality of the topic: at the present time the attention to the Crimea, as well as to the peoples inhabiting this blessed peninsula, has been increased all over the world. The

Crimean Tatars, being an indigenous people, having experienced the hardships of deportation and the difficulties of the long-awaited return to their historical homeland, continue to preserve and develop their unique musical culture. The purpose of this work is to broaden and deepen the knowledge of professional musicians and students of musical universities with the characteristic features of the rhythmic system of the Crimean Tatar folk music, to broaden the general idea of national musical folklore.

Key words: *folklore, Crimean Tatar folk music, rhythm, harmony, meter.*

Для цитирования:

Кадырова, М. Р. Ладовые и ритмические особенности крымскотатарской народной музыки // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 120–131.

В настоящее время во всём мире повышено внимание к Крыму, а также к народам, населяющим этот благословенный полуостров. Крымские татары, испытав тяготы депортации и трудности долгожданного возвращения на историческую родину, продолжают сохранять и развивать своё уникальное музыкальное наследие. О важности этой работы говорит исследователь культуры народов Крыма И. Куровская: «Обращение к традициям, лучшим образцам народной культуры является одним из факторов этносоциального и культурного самосохранения больших и малых этносов, их самобытного развития и саморазвития, духовно-нравственного воспитания. Опора на традиционную культуру, знание её истоков, фольклора, духовное освоение культурного наследия и трансформация его ценностей в соответствии с задачами времени становятся условием этнокультурного развития социума» [3, с. 19].

Расширение общего представления о национальном музыкальном фольклоре крымских татар и характерных особенностях ладово-ритмической системы крымскотатарской народной музыки у широкого круга людей, проявляющих интерес к культуре Крыма, а также профессиональных музыкантов и обучающихся музыкальных вузов и стало целью данной статьи, в которой представлен анализ ладово-ритмических закономерностей крымскотатарских народных песен и инструментальных мелодий. Возможность осуществить данную цель дала постановка следующих задач:

1) изучить роль крымскотатарского фольклора в многонациональной культуре Крыма;

2) выявить особенности ладово-ритмической структуры крымскотатарской народной музыки;

3) привести примеры ладового и ритмического многообразия крымскотатарского фольклора.

Крымскотатарская народная музыка является яркой и самобытной частью многонациональной культуры Крыма. Особенности географического положения Крыма, находящегося на стыке Востока и Запада, обусловили необычность музыкального языка коренного народа, крымских татар, вобравшего в себя элементы восточной и западной культур. В некоторых случаях эти элементы сохранились в чистом виде, а в некоторых трансформировались, претерпев существенные изменения.

Своеобразие музыкального фольклора определяется несколькими основными моментами, среди которых лад и ритм являются главными. Именно ладово-ритмическая структура придаёт музыке тот специфический колорит, благодаря которому мы можем определить национальную принадлежность той или иной мелодии.

Крымскотатарские песни имеют два названия: «тюркю» и «йыр». Оба эти слова переводятся как «песня». Но «тюркю» — это песни южнобережных и горных татар, и для этих песен характерны сложная мелодика, богатая орнаментика, развёрнутая форма, система полутонов, эмоциональный накал. «Йыр» — песни степных татар, они более просты в мелодическом плане, лаконичны по форме и имеют диатоническую основу.

Сочинители и исполнители крымскотатарских народных песен также имеют два названия: у горных татар это *ашики*, у степных — *кедаи*.

При анализе крымскотатарской народной музыки мы обнаруживаем колоссальное богатство её ладово-ритмической системы. В песнях и инструментальных мелодиях используются практически все простые и сложные размеры, их комбинации так называемые несимметричные размеры типа 5/8, 7/8 и т. п. Из ладов встречаются ионийский, эолийский, миксолидийский, лидийско-миксолидийский. На основе фригийского и дорийского ладов в крымскотатарской народной музыке возникли свои специфические лады с увеличенной секундой: фригийский с повышенной терцией (мы будем обозначать его +3) и дорийский (соответственно +4). Кроме этого, довольно широко распространены комбинации этих ладов с гармоническим минором — это лады с двумя увеличенными секундами.

Одной из примечательных особенностей крымскотатарских песен и инструментальных мелодий является характерная интонация, вводящая в тонику. Мы назвали её «дорийским запевом», так как она представляет собой движение по 6-й повышенной (дорийская секста), 7-й натуральной и 1-й ступеням в миноре. Встречается эта вводная интонация, как в начале, так и в середине музыкального построения. Очевидно, что этот запев используется только в мелодиях минорного лада.

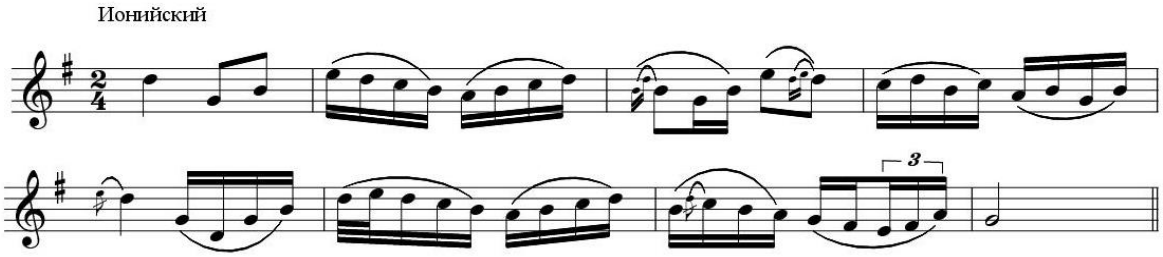
Ещё одной примечательной особенностью крымскотатарской народной музыки является каданс, в котором ввод в тонику осуществляется через фригийскую секунду. Мы назвали его «фригийским кадансом».

Примеры из народной музыки, в которых используются вышеупомянутые лады:

- Ионийский — «Чыракъ теллев авасы» («Мелодия украшения свечи») [5, с. 19];

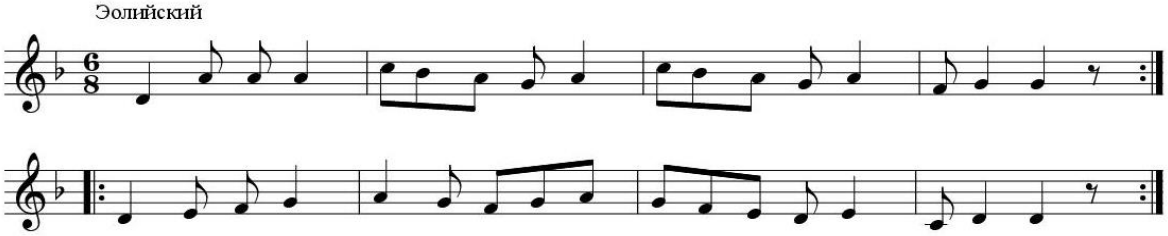
Чыракъ теллев авасы

Инструментальная мелодия

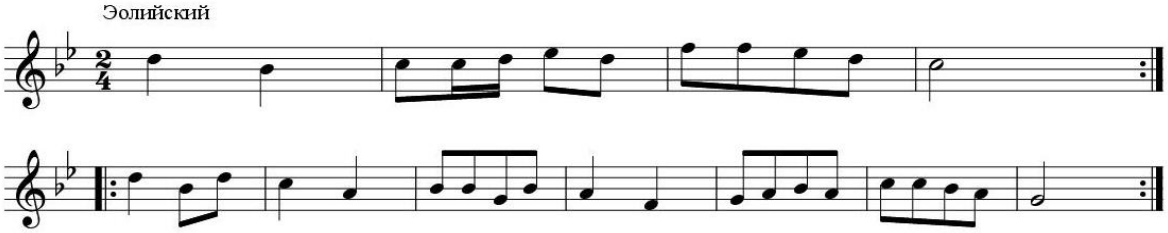


- Эолийский — «Тавгъа бардым» («Отправился я в лес»), «Айшем» («Моя Айше»);

Тавгъа бардым

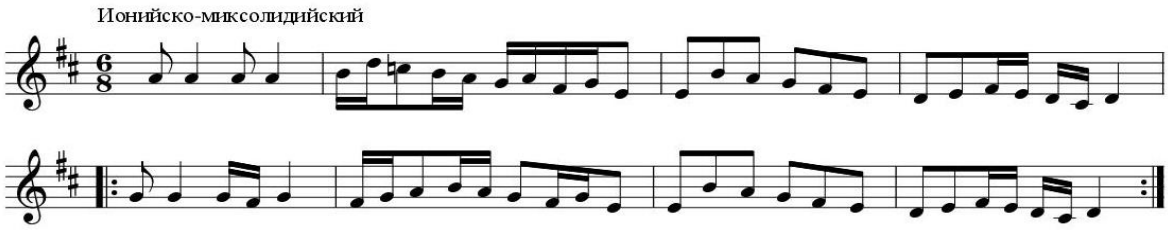


Айшем



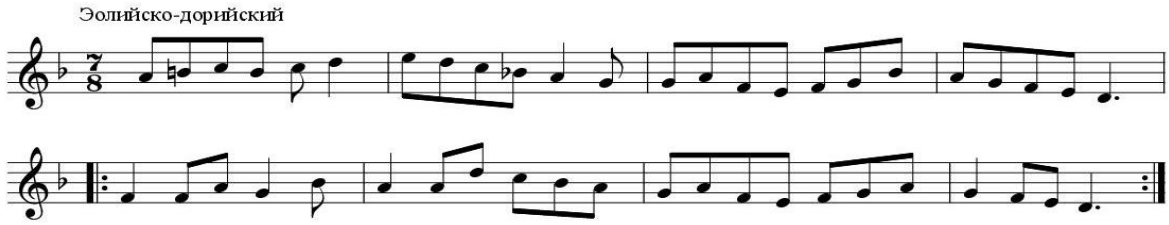
• Ионийско-миксолидийский — «Деве маджар» (Верблюжья маджара»), «Ай къара къыз («Ай, девушка-смуглянка»):

Деве маджар

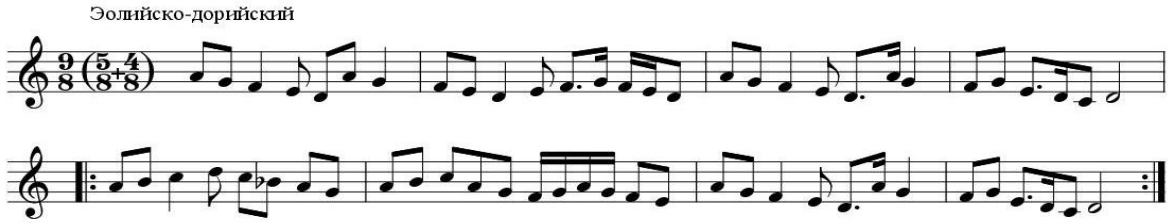


• Эолийско-дорийский — «Папийим» («Моя уточка») [5, с. 63], «Дагъдан да энди бир къозу» («С горы спустился ягнёнок») [5, с. 100]:

Папийим

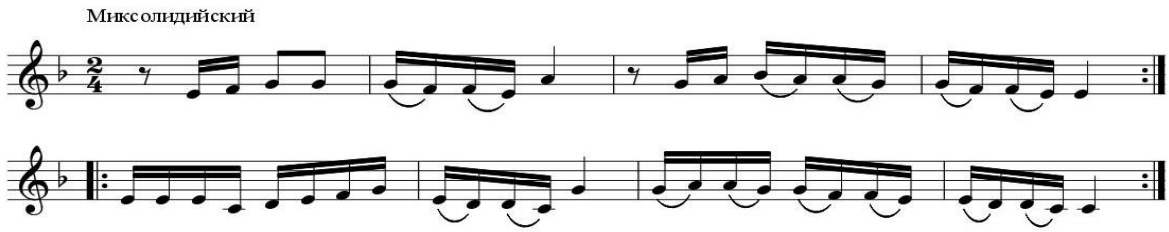


Дагъдан да энди бир къозу

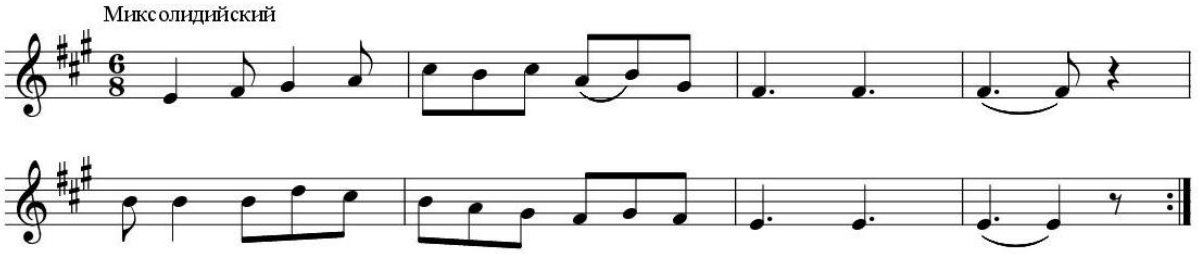


• Миксолидийский — «Къайнана» («Тёща») [5, с. 41], «Азбарында чокърагъы бар» («Во дворе у него есть родник») [5, с. 61];

Къайнана

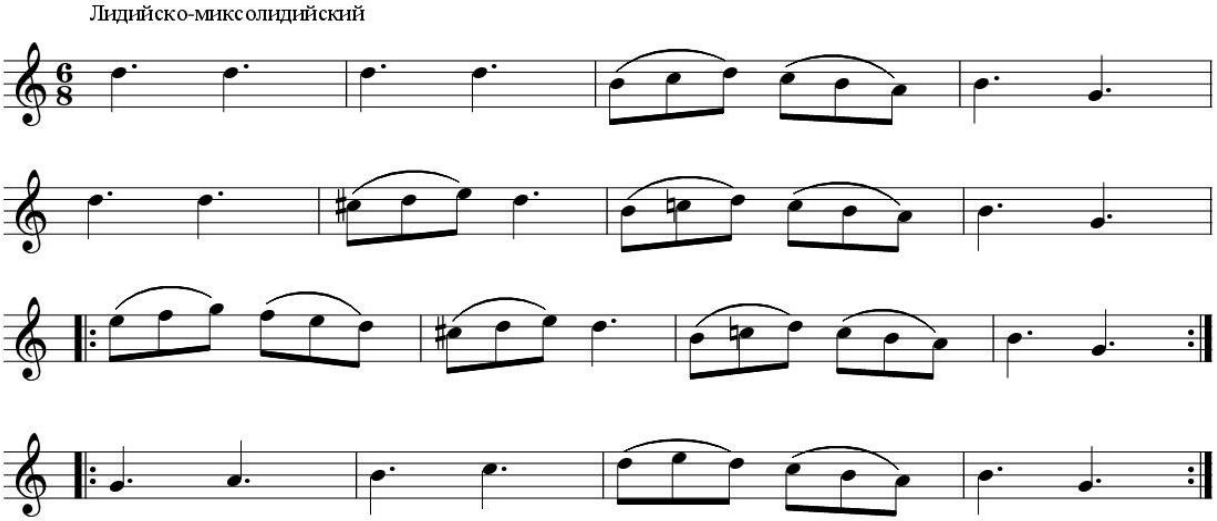


Азбарында чокърагъы бар

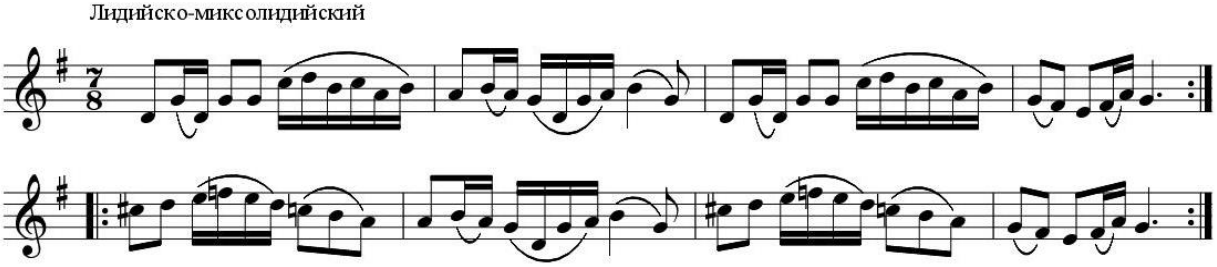


- Лидийско-миксолидийский — «Явлукъ оюны («Танец платка») [5, с. 170], «Учь гузель» («Три красавицы»):

Явлукъ оюны



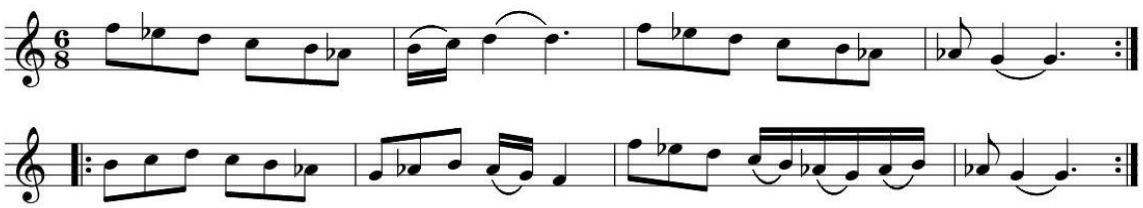
Учь гузель



- Фригийский+3 — «Салгъыр бою» («По реке Салгир»), «Шу Ялтадан» («Из Ялты»):

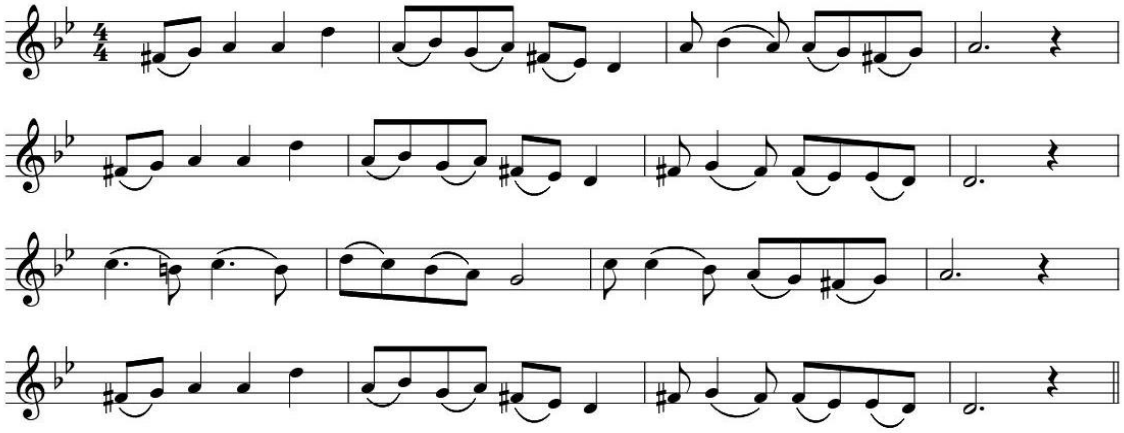
Салгъыр бою

Фригийский+3



Шу Ялтадан

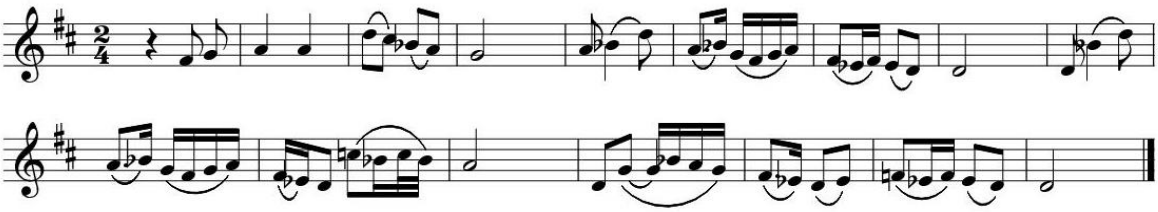
Фригийский+3



- Фригийский+3 + гарм. минор — «Сув акъар тыныкъ-тыныкъ» («Текут прозрачные воды») [2, с. 135–136]:

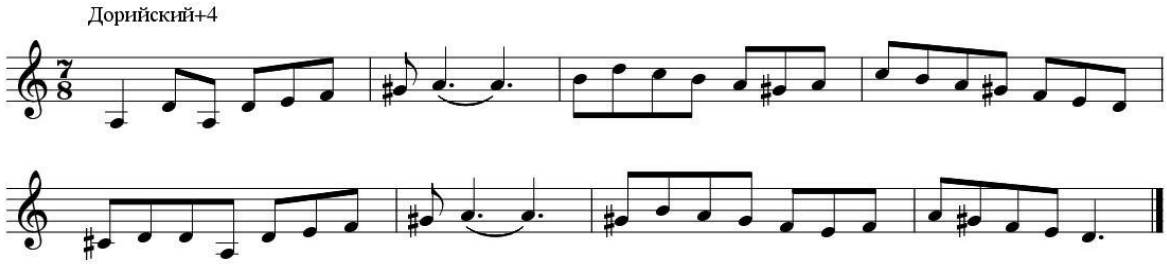
Сув акъар тыныкъ-тыныкъ

Фригийский +3 +гарм. минор



- Дорийский+4 — «Хайтарма» («Хайтарма» — быстрый танец):

Хайтарма

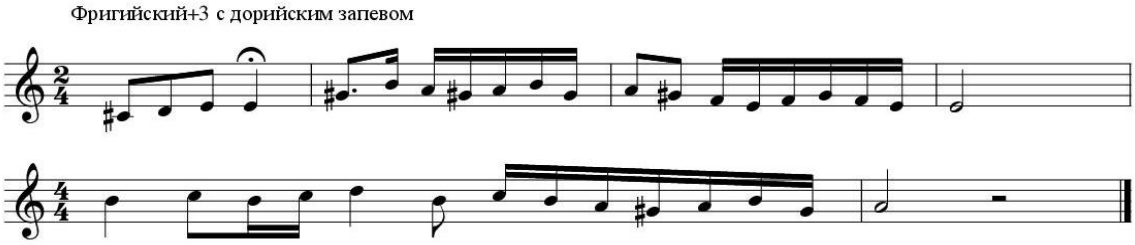


- Дорийский+4 + гарм. минор — «Агъыр ава» («Агъыр ава» — медленный танец) [4, с. 25]:

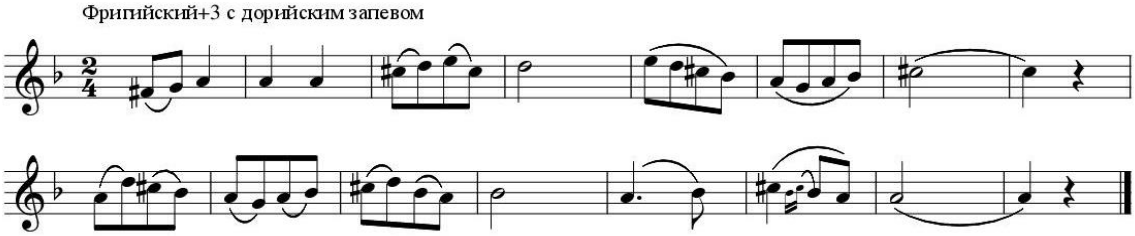
Агъыр-ава

- Фригийский+3 с дорийским запевом — «Эки пугъу» («Два филина») [1, с. 9], «Багъчада къурдым салынджакъ» («В саду повесил качели») [5, с. 50]:

Эки пугъу

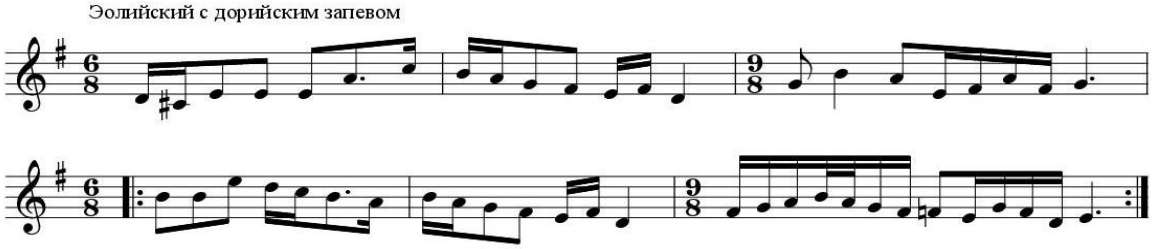


Бахчада къурдым салынджакъ

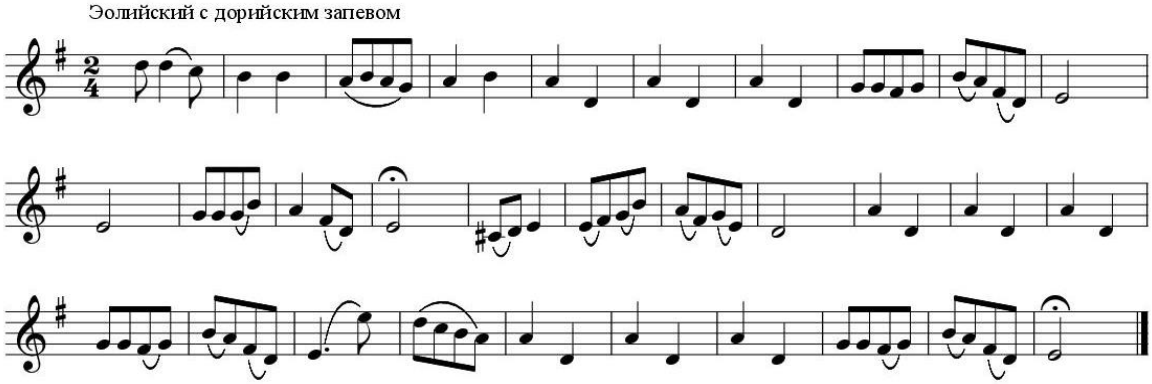


- Эолийский с дорийским запевом — «Къонма буль-буль» («Не садись соловей») [6, с. 40–41], «Дев-дев» («Великан») [Там же]:

Къонма, буль-буль

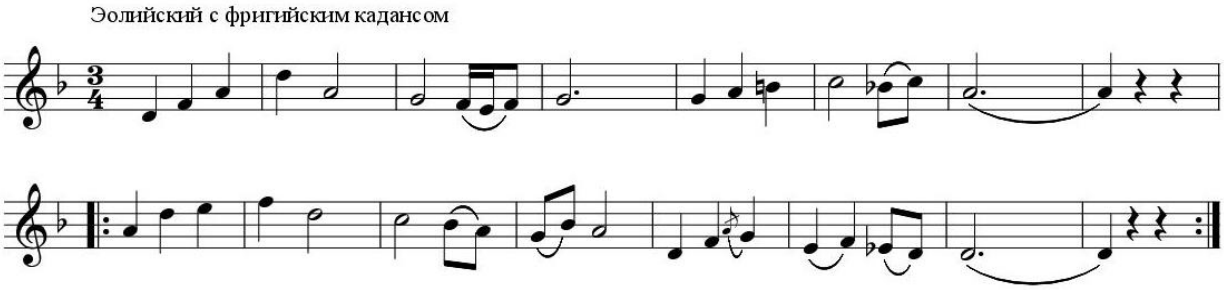


Дев-дев



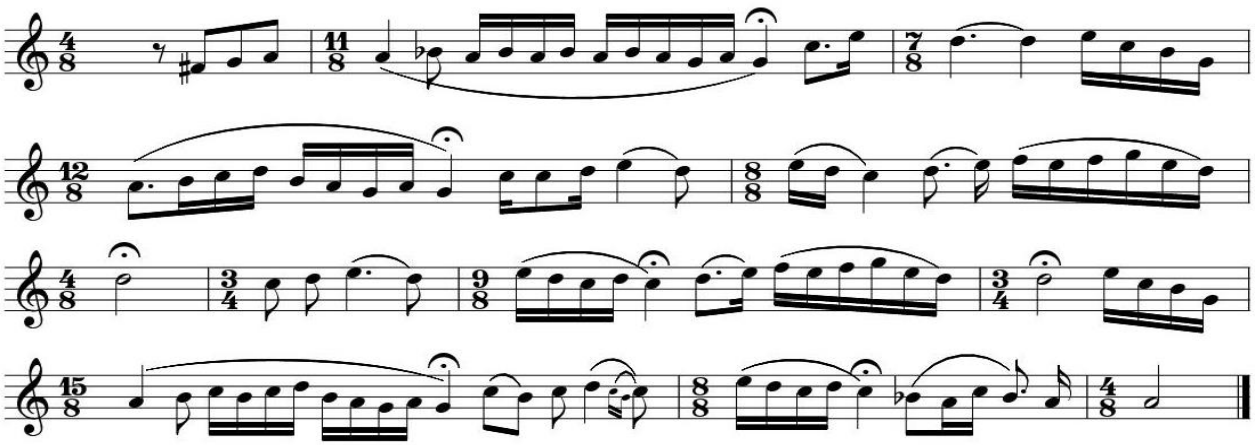
- Эолийский с фригийским кадансом — «Къара кёр атым» («Мой слепой вороной конь»):

Къара кёр атым

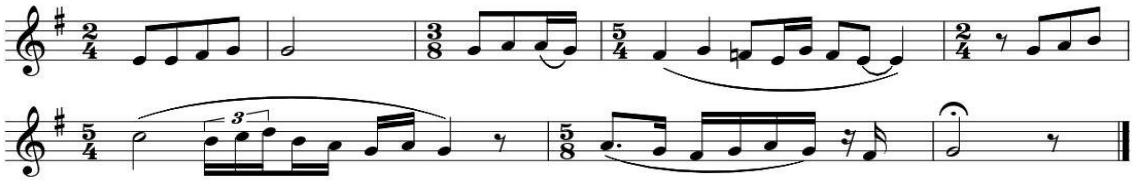


Мавилем

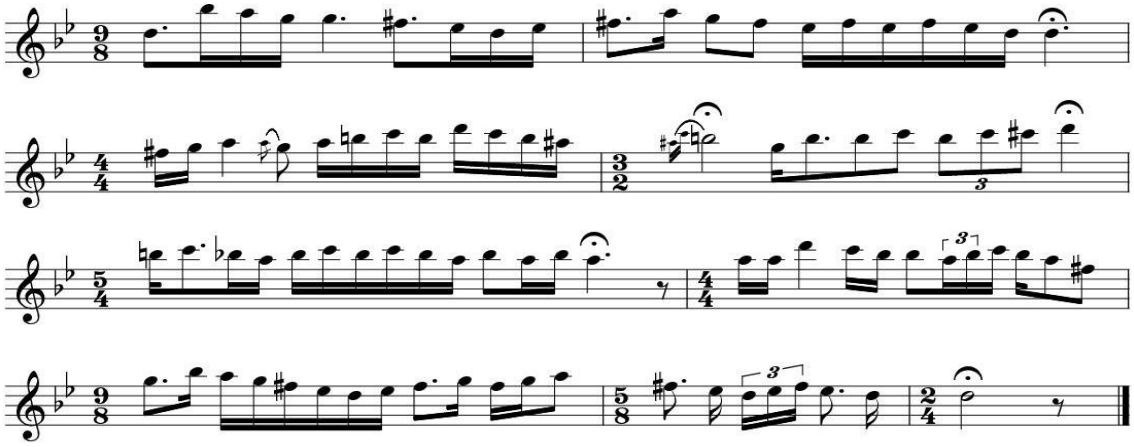
Эолийский с дорийским запевом и фригийским кадансом



Мени де гъамдан



Эй дильде битмез



Ритмическая сторона крымскотатарской народной музыки не менее разнообразна, чем ладовая. Поскольку в рамках небольшой статьи невозможно сделать полный и глубокий анализ всей метроритмической системы, мы остановимся на наиболее характерных и употребительных ритмах.

В танцевальном жанре самыми популярными и распространёнными являются ритмы 4/4+5/4, или наоборот 5/4+4/4, и 7/8.

5/4+4/4 — это ритмы медленного величавого танца «Агъыр-ава» (буквально «Тяжёлая мелодия»). Здесь происходит строгое чередование тактов 4/4 и 5/4 (см. пример «Агъыр-ава»), темп медленный.

7/8 — это ритм хайтармы, самого популярного, энергичного и быстрого танца крымских татар (см. пример «Хайтарма»). Ритмическая структура здесь такова: 4/8+3/8. Ритмическое остинато сопровождения:

Необходимо отметить, что метроритмическая формула 7/8 характерна и для вокальной музыки, так называемых «Чын» («Частушки»).

В инструментальной и вокальной музыке крымских татар встречаются и очень сложные в ритмическом отношении произведения народного творчества. Приведём два таких примера. В песне «Мени де гъамдан» («Избавь меня»), свободно-импровизационного характера, мы наблюдаем смену размера почти в каждом такте. Здесь встречаются такты на 2/4, 3/8, 5/4, 5/8, 6/4, 6/8.

В инструментальной мелодии «Эй дильде битмез» («Не выразить словами»), исполняемой обычно на кларнете, также очень сложное метроритмическое строение — используются размеры 2/4, 3/4, 4/4, 5/4, 3/9, 5/8, 7/8, 9/8, 11/8. Во внутритактовой структуре характерными ритмическими деталями являются различного вида синкопирование (тт. 3–6, 12, 14, 17) и движение триолями, несущими в себе как мелодическую функцию, так и роль вариационного орнаментирования (тт. 6, 11, 13, 36). Завершается эта довольно развитая пьеса оркестровым тутти, где весь ансамбль народных инструментов играет заключительную тему в унисон в ровном движении на 2/4, при более подвижном темпе. Хочется отметить эту своеобразную «коду», так как она характерна как для инструментальной музыки, так и для песен медленного, тягучего склада. Такие интермедии (межкуплетные инструментальные проигрыши в более быстром темпе), коды играют роль ритмической разрядки, одновременно снимая и психологическое напряжение.

К широко употребимым можно отнести также ритмы: 5/8, 5/8+4/8 и наоборот: 4/8+5/8, 9/8 (2/8+2/8+2/8+3/8). Область применения этих ритмов в основном вокальная.

Для более точного представления сущности крымскотатарской ладовой системы необходимо проводить параллели с древнегреческими, средневековыми (или «церковными») ладами и на основе этого делать аналитические выводы. Представления о ладовых и ритмических особенностях крымскотатарской народной музыки как объекте научных исследований не исчерпаны на сегодняшний день. Предстоит ещё изучать местные традиции

исполнения крымскотатарской народной музыки, её разнообразные жанры, типы мелодий для значительного расширения научных взглядов об уникальных ладах и ритмах крымскотатарской народной музыки.

Крымскотатарские народные песни и инструментальные мелодии, отражающие специфику культуры Крыма, имеют огромную практическую значимость, прежде всего, для работы педагогов, руководителей и участников разнообразных вокальных групп и инструментальных коллективов, любителей музыкального фольклора многонационального Крыма. Приведённые в данном исследовании материалы могут быть полезны студентам гуманитарных вузов в работе над сценическими постановками народных обрядов, фольклорных композиций, народных музыкальных сказок, а также обучающимся в музыкальных училищах и институтах для самостоятельного изучения.

Литература

1. Бахшиш, И. Крымскотатарские народные песни. Киев: (Министерство культуры Украины, репертуарно-редакционная коллегия художественной самодеятельности), 1993. 47 стр.

2. Бахшиш, И. Сайлама вокаль эсерлер. Симферополь: КъДжИ «Къырмдевокъувпеднешир» нешрияты, 2008. 191 с.

3. Куровская, И. Р. Фольклор как средство сохранения национальной самобытности в условиях глобализации общества // Таврический научный обозреватель. 2016. № 5–1 (10). С. 18–23.

4. Рефатов, А. Крымскотатарские песни. Симферополь: Крымское государственное изд-во, 1932.

5. Шерфединов, Я. Звучит хайтарма. Татарские народные песни и инструментальные наигрыши Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1978. 271 с.

6. Шерфединов, Я. Песни и танцы крымских татар. М.; Симферополь: Музгиз, 1931. 96 с.

~

ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА

УДК 373.3

Калайджян Тамара Валентиновна
Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Дошкольное, начальное и специальное образование»
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail:tamaradek57@ mail.ru

УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

В статье рассмотрены вопросы необходимости учебно-исследовательской деятельности в процессе интеллектуального развития младшего школьника. Автором анализируются основные педагогические требования к применению в учебном процессе исследовательской задачи как основной единицы учебно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: *школа первой ступени обучения, исследовательская деятельность, исследовательская задача, поисковая задача, проблемная задача, креативная задача.*

Tamara V. Kalaydzhyan
PhD in Pedagogical sciences, associate Professor,
Sevastopol State University
Russian Federation, Sevastopol

TEACHING AND RESEARCH ACTIVITIES OF YOUNGER STUDENTS AS AN OBJECTIVE NECESSITY

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the organization of educational and research activities as a need for the development of primary school children as a subject. The basic objective pedagogical requirements to application in educational process of a research task as the basic unit of educational and research activity are analyzed.*

Key words: *junior high school student, research activity, research task, search task, problem task, creative task.*

Для цитирования:
Калайджян, Т. В. Учебно-исследовательская деятельность младших школьников как объективная необходимость // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 132–136.

Проблемность рассматриваемого нами вопроса предопределена рядом противоречий между обозначенной требованиями ФГОС НОО организацией активной деятельности младших школьников и реальным состоянием готовности учителей к её осуществлению; между объективной необходимостью учащихся самостоятельно формировать в ходе учебного процесса новые знания и умения и способностью школьников первой ступени обучения реализовать их на практике.

Современная школа в условиях открытого информационного общества призвана быть институтом, способным осуществить органичное интеллектуальное развитие личности [1, с. 21—26]. Оно возможно при целенаправленном развитии творческих и познавательных способностей учащегося, начиная с первых лет его обучения. Наиболее эффективной формой развития данных способностей школьников большинством учёных (В. И. Андреев, И. А. Зимняя, Н. И. Запрудский, А. С. Обухов, А. И. Савенков, Н. Б. Шумакова и др.) признаётся обучение через исследование — «один из видов познавательной деятельности человека, процесс поиска неизвестного, новых знаний» [2, с. 32]. При этом следует отличать исследование от проектирования, поскольку последнее является решением определённой, чётко осознаваемой задачи и направлено на её практическое решение. Как видим, это два принципиально различных по направленности, смыслу и содержанию вида деятельности.

В трудах, посвящённых различным аспектам учебной деятельности, её функциям и структуре (П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, А. К. Маркова, Н. Ф. Талызина), заложены основы понятия «учебно-исследовательская деятельность», обозначены его смысловые границы и обоснована необходимость детального изучения всех аспектов этого явления. Исследовательская деятельность учащихся начальных классов признаётся одним из важнейших условий развития ребёнка как субъекта учебной деятельности и заключается в освоении им таких мыслительных операций, как анализ, синтез, обобщение, сравнение, систематизация, абстрагирование, конкретизация. По отдельным содержательным элементам исследовательская деятельность напоминает научную деятельность, базой для которой выступают познавательные стимулы и исследовательские умения. В ходе учебно-исследовательской деятельности, которая должна иметь место не только на

уроках физико-математического и естественного цикла, но и социально-гуманитарного направления, предполагается решение ряда познавательных задач. Такая деятельность формирует интерес к изучаемому предмету, оказывает положительное влияние на эмоциональное состояние ученика и способствует его всестороннему развитию.

При этом следует учитывать особенности учеников младшего школьного возраста, для которых учебные исследования должны быть достаточно простыми в восприятии, без наукообразного оформления и объёмно-пространного представления. Также должен быть учтён тот факт, что исследование обучающихся начальных классов, помимо достижения сугубо образовательных целей, предполагает также овладение различными способами решения учебных задач. Следовательно, в ходе организации исследовательской деятельности от учителя требуется создание таких учебных ситуаций, при осмыслении которых школьники получают не только знания, но и овладевают способами разрешения предложенных проблем. В целом учебно-исследовательская деятельность учащихся начальных классов должна соответствовать ряду объективных педагогических требований, среди которых а) учёт возрастных психолого-педагогических особенностей мыслительной деятельности; б) создание условий для формирования у обучающихся научного мировоззрения; в) содействие формированию научного мышления, отличающегося гибкостью, системностью и креативностью; г) стимулирование развития творческого потенциала и познавательной активности [3, с. 174].

Учебно-исследовательская деятельность постепенно формирует у младшего школьника исследовательский опыт. Его обогащение выступает и осевым фактором организации учебно-исследовательской деятельности, и главной целью вовлечения в неё школьников. Важным при этом является то, что учитель должен ориентировать учебно-исследовательскую деятельность прежде всего на процесс поиска, а не на результат. Планируя общие линии обогащения исследовательского опыта школьника, педагог применяет личностный подход, оказывая помощь каждому ученику, с учётом имеющегося у него опыта развития личности. Результативность исследовательской деятельности обусловлена в немалой степени и субъективными условиями — наличием у учащихся специфических личностных качеств, предопределяющих его способность к поисково-познавательной работе.

Организация учебно-исследовательской деятельности включает возможность использовать метод учебного диалога, наблюдение, опыты; развивать у учащихся умение видеть проблему и задавать вопросы; формировать умение классифицировать объекты изучения, делать умозаключения, доказывать свои идеи, обобщать и резюмировать. Основным средством освоения учебного материала в рамках исследовательского подхода

выявляется решение исследовательских задач. В начальной школе структурированная система исследовательских задач обеспечивает подготовку обучающихся к выполнению отдельных исследовательских действий [4, с. 46—47]. Выступая основной единицей учебно-исследовательской деятельности, исследовательская задача предлагается обучающимся в форме проблемной ситуации, решение которой строится на основе учебного материала и адекватно логике исследования. Признак проблемности выступает в качестве основной характеристики исследовательской задачи. Выполнение же исследования в целом и некоторых его этапов может протекать с разной степенью самостоятельности обучающихся.

Задача, в понимании В. Ф. Феоктистовой, «некая проблемная ситуация с явно заданной целью, которую следует достичь»; в более узком смысле задача — это «сама эта цель, сформулированная в рамках проблемной ситуации, т. е. то, что необходимо сделать. А учебная задача — переформулированная обобщённая цель учебной деятельности, поставленная перед обучающимися в виде обобщённого учебного задания» [5, с. 76]. Отличительным свойством исследовательской задачи является отсутствие алгоритма её решения, что предполагает максимальную самостоятельность обучающихся в процессе его поисково-познавательной деятельности.

Ю. М. Колягин выделяет три типа исследовательских задач: проблемные, поисковые и креативные [2, с. 32]. Так проблемные задачи, помимо решения конкретных вопросов, предполагают самостоятельное накопление знаний, освоение новых способов действий, их осмысление, переработку и применение в новой ситуации. Задачи данного типа не имеют регламентированного пути решения, потому требуют от ученика всестороннего изучения всех компонентов задачи, самостоятельного конструирования принципов и ключевых идей, побуждая к неожиданным ассоциациям, аналогиям и пр. в своих решениях. Примером проблемных задач, например, на уроках литературного чтения могут служить следующие: Может ли ночь быть «святой»? или: Пастух — образ жестокости или милосердия? (4 класс, по рассказу С. Лагерлёф «Святая ночь»).

Решения поисковых задач строится на систематизации обучающимися известных им способов деятельности, преобразовании и апробировании их новых комбинаций для реализации исследовательского поиска. Например, поисковая задача: Возвращение блудного сына — радость или горе для семьи? (4 класс, притча «Блудный сын»). Важно, что во время решения этой задачи младшие школьники учатся понимать содержание через внешнюю сторону образа и вникать в смысл через раскрытие внутренней структуры образа.

Исследовательская креативная задача является наиболее творческой и характеризуется наивысшим уровнем исследовательской инициативы

обучающихся. Креативные задачи характеризуются неалгоритмическим способом деятельности в процессе их решения, многие педагоги относят их к творческому типу задач. Например, при изучении повести-сказки Антуана де Сент Экзюпери «Маленький принц» решается задача «Планета Земля глазами Маленького принца — какая она?».

По нашему мнению, исследовательская задача любого типа содержит следующие структурные компоненты, которые не нарушают структуры урока: формулировка проблемного вопроса, организация исследования, обсуждение результатов исследования, применение, демонстрация обработанных данных, организация информации. Таким образом, в ходе учебно-исследовательской деятельности на уроке младшие школьники открывают субъективно новые знания и способы действий, выстраивают эффективное межличностное взаимодействие, проявляют познавательную активность и самостоятельность в учении, непосредственно и опосредствованно взаимодействуя с учителем и одноклассниками. Учащиеся концентрируют внимание на способах выполнения действий в составе деятельности и это положительно отражается не только на результативности учёбы в начальной школе, но и на адаптации к качественно новой среде, в которой ребёнок растёт, самореализуется и самоутверждается.

Поскольку в жизни современного человека роль и значение исследовательской деятельности усиливается, то и школа первой ступени обучения, которая закладывает основы всестороннего развития личности, должна реагировать на запросы современного мира.

Литература

1. Калайджян, Т. В., Коваль, Н. А. Специфика диалогической речи и проблема её развития у младших школьников // Гуманитарная парадигма. 2018. № 2 (5). С. 21—26.

2. Колягин, Ю. М., Оганесян, В. А. Учись решать задачи. М. : Просвещение, 2000. 65 с.

3. Савенков, А. И. Методика исследовательского обучения младших школьников. Самара: Учебная литература, 2006. 208 с.

4. Семёнова, Н. А Исследовательская деятельность учащихся // Начальная школа. 2007. № 2. С. 45—48.

5. Феоктистова, В. Ф. Исследовательская и проектная деятельность младших школьников. Волгоград: Учитель, 2011. 142 с.

~

УДК 372.83

Воробьёва Ольга Валерьевна
Кандидат исторических наук, доцент,
Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал;
Российская Федерация, Арзамас, e-mail: vorobev.egor.2017@mail.ru

Шаматова Юлия Юрьевна
Студентка V курса,
Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал;
Российская Федерация, Арзамас, e-mail: julija-shamatova@rambler.ru

«СВОБОДА — ЭТО ВОЗМОЖНОСТЬ СКАЗАТЬ, ЧТО ДВАЖДЫ ДВА — ЧЕТЫРЕ»: ВНЕКЛАССНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ ДЛЯ VIII КЛАССА (методическая разработка)

Данный материал является разработкой внеклассного мероприятия на тему: «Свобода — это возможность сказать, что дважды два — четыре», которое спроектировано в рамках методической технологии, включающей чтение отрывков из антиутопии с применением дискуссионного метода, с целью эффективного воспитания гражданственности у учащихся общеобразовательных школ.

Ключевые слова: воспитательный процесс, внеклассное мероприятие, гражданское воспитание, дискуссия.

Olga V. Vorobyova
PhD in Historical sciences, Associate Professor,
N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch;
Russian Federation, Arzamas

Yulia Y. Shamatova
Student at the History and Philology faculty,
N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch;
Russian Federation, Arzamas

«FREEDOM IS AN OPPORTUNITY TO SAY THAT TWO BY TWO — FOUR»: EXTRA-CLASS EVENT FOR VIII CLASS (methodical development)

Abstract. The article is devoted to the development of an extracurricular event on the topic: «Freedom is an opportunity to say that twice two is four», which is designed within the framework of innovative methodological technology, including reading fragments from dystopia using a discussion method, for the most effective students' civic education.

Key words: educational process, extracurricular event, civil education, discussion.

Для цитирования:

Воробьева, О. В., Шаматова, Ю. Ю. «Свобода — это возможность сказать, что дважды два — четыре»: внеклассное мероприятие для VIII класса (методическая разработка) // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 137–146.

Гражданское воспитание всегда занимало важное место в школьном воспитательном процессе. В условиях современной непростой геополитической ситуации в мире оно особо значимо. Будущее страны во многом зависит от уровня сформированности гражданско-патриотической позиции подрастающего поколения, его духовного облика, историко-культурной памяти и уважения к наследию своего государства. Поэтому неотъемлемой частью воспитательного процесса молодёжи становится его гражданское самоопределение, приоритетность которого на сегодняшний момент общепринята, а методическая сторона ещё находится в процессе активного обновления. Авторами была разработана технология воспитания гражданственности учащихся на уроках истории и обществознания, которая включает чтение фрагментов из антиутопий с применением дискуссионного метода (подр. см. [1]). Занятия в рамках данной методики содержат три этапа: 1) создание педагогом проблемной ситуации и высказывание детьми гипотез; 2) работа с текстами романов индивидуально/в парах/в группах; 3) дискуссия по заданной теме. В заключение обсуждения ребята либо опровергают, либо подтверждают свою гипотезу.

Следует отметить, что для апробации технологии авторами был разработан и проведён эксперимент для учащихся VIII класса МБОУ СШ № 2 имени А. С. Пушкина г. Арзамаса. Эксперимент включал входной контроль в виде тестирования для определения уровня развития гражданского воспитания ребят. Для проведения анкетирования была разработана методика «Ты гражданином быть обязан» (приложение А). Учащиеся выполняли работу индивидуально. Результаты суммировались в баллы. Основа второго этапа — проведение уроков истории и обществознания в рамках данной методики. В завершающей стадии был осуществлён контрольный эксперимент (аналогичный входному контролю) для выявления динамики развития гражданственности у подростков. По результатам научно-методического

эксперимента, уровень сформированности гражданского воспитания учащихся вырос на 14%.

В рамках внеурочной деятельности авторами было сконструировано внеклассное мероприятие для учащихся VIII класса по обществознанию на тему: «Свобода — это возможность сказать, что дважды два — четыре». Следует отметить, что данное занятие рассчитано на два часа и спроектировано в рамках технологии педагогической мастерской.

Цель: способствовать формированию знаний, умений и нравственных ценностей школьников в рамках проблемы гражданского воспитания.

Задачи:

Образовательные: учащиеся должны знать теоретический материал, а именно: понятия (тоталитаризм, свобода, гражданин, общество), причинно-следственные связи (причины установления тоталитарного режима в странах Западной Европы).

Развивающие: учащиеся должны уметь конструировать модель идеального государства, анализировать относительно неё сущность современных государств и общего мироустройства в произведениях О. Хаксли и Дж. Оруэлла, отвечать на проблемные вопросы, высказывать собственную позицию и доказывать ее истинность, оценивать современный мир, опираясь на идеи антиутопистов, формулировать выводы (сравнение современного общества с художественными мирами О. Хаксли и Дж. Оруэлла).

Воспитательные: ученики должны понимать важность (ценность) современного состояния гражданского общества и разрешения многих социальных проблем Российской Федерации, интереса к обществознанию, уважительного отношения к другим, требовательного отношения к себе, добросовестного отношения к труду.

Основные направления реализации требований ФГОС

Метапредметные результаты	- способность высказывать собственную позицию и аргументировано доказывать свою правоту; - правильное выполнение поставленных учебных задач; - анализировать, сравнивать, устанавливать аналогии; - умение создавать модели для решения учебных и познавательных задач; - находить нестандартные пути решения проблемы.
Предметные результаты	- овладение целостными представлениями о тоталитарном режиме и его влиянии на все сферы жизни общества; - умение применять терминологический аппарат рассмотренной темы;

	- способность извлекать необходимую информацию из художественной литературы, иллюстративного материала, кинофильмов.
Личностные результаты	- развитие коммуникативной компетенции в общении и сотрудничестве; - воспитание уважительного, доброжелательного отношения к другому человеку; - освоение социальных норм, правил поведения; - воспитание гражданственности и патриотизма; - понимание ценности человека, семейно-брачных отношений, свободы деятельности личности в государстве, способность тонко чувствовать мир искусства.

Оборудование: видеоролик из к/ф «Посвящённый»; отрывки из романов-антиутопий «1984» Дж. Оруэлла, «О дивный новый мир» О. Хаксли; четыре ватмана; иллюстративный материал.

Ход урока.

Этап I. Организационный момент (1–2 мин.)

Фронтальная беседа учителя, включающая приветствие, выявление готовности учащихся к мероприятию; создание психологического и делового настроя на предстоящую работу.

Этап II. Теоретическое обоснование (5 мин.)

Педагог называет тему внеклассного мероприятия, записанную на доске и организует фронтальную беседу для наиболее глубокого понимания смысла темы как утверждения и как личностной позиции.

Примеры вопросов: Как вы понимаете тему занятия «Свобода — это возможность сказать, что дважды два — четыре»? Что такое свобода слова, и как свобода слова может быть связана с государством? (Педагог, задавая подобные вопросы, подводит учащихся к определению понятия «политический режим» и его типологии). Существует ли в недемократических странах свобода слова? А может ли государство заставить человека поверить, что дважды два не четыре, а пять?

Этап III. Индуктор (7–10 мин.)

Ребятам дано опережающее задание: посмотреть к/ф «Посвящённый» (реж. Ф. Нойс). Для того чтобы вспомнить сюжет фильма, учащимся предлагается посмотреть фрагмент продолжительностью 2 мин.

На доске написано слово «государство». Ребятам необходимо вспомнить основные признаки политического режима, освещённые в кинофильме. Затем организуется фронтальная беседа.

Примеры вопросов: Как вы считаете, какой политический режим существовал в Коммуне? Какие вы знаете примеры тоталитарных государств из истории? Каковы причины установления тоталитарного режима в государстве, и какие факторы необходимы для его возникновения? Назовите главные характеристики тоталитаризма. Свободен ли человек в рамках данной системы? Как вы считаете, у кого больше обязанностей: у государства или у рядовых граждан?

Разобрав подробно вопросы, учитель подводит учащихся к главному вопросу урока: *«Гражданин для государства или государство для гражданина?»* и выслушивает гипотезы учеников.

Этап IV. Работа с материалом (10—15 мин.)

Педагог объединяет учащихся в две группы. Первая группа читает отрывок из романа «1984» Дж. Оруэлла; вторая группа — из произведения О. Хаксли «О дивный новый мир» (приложение Б). Одновременно ребята заполняют таблицу (приложение В) для дальнейшего сравнения и анализа государственных режимов антиутопий.

Этап V. Социализация (15 мин.)

Каждая группа презентует свои ответы. После своего выступления команда внимательно слушает своих оппонентов, которые рассказывают характеристику государства другой антиутопии. Затем учащиеся совместно с педагогом могут прийти к выводу, что Дж. Оруэлл описал общество тотальной несвободы, в то время как О. Хаксли говорил об обществе потребления. Но, несмотря на большие различия описанных обществ, их объединяет один момент: в обоих романах у граждан нет прав, у них существуют лишь только обязанности. Таким образом, человек в рамках данной системы живет и существует исключительно ради службы государству.

Этап VI. Разрыв (2 мин.)

Данная стадия заключается в постановке проблемного вопроса учащимся, а именно: «Можно ли сказать, чьи прогнозы частично осуществились в современном обществе? О. Хаксли или Дж. Оруэлла?». Она необходима для осознания ими неполноты своих знаний в области изучаемой темы, мотивирует ребят к углублению в проблему урока, к поиску и нахождению новых ответов.

Этап VII. Обращение к новой информации (10–13 мин.)

Ребятам предлагается посмотреть иллюстрации из книги Н. Постмана «Развлекаемся до смерти» [3], в которых содержится информация о мирах О. Хаксли и Дж. Оруэлла. Проанализировав изображения, учащиеся должны ответить на вопрос, поставленный на стадии «разрыва». В результате дискуссии ребята могут прийти к выводу, что миры О. Хаксли и Дж. Оруэлла одновременно могут сосуществовать в социуме. Современное общество

характеризуется как «общество потребления» с его массовой культурой. Вместе с этим, существует жёсткий контроль со стороны государства над средствами массовой информации и свободой личности. Можно также привести аналогии с современной Россией и проанализировать, какие проблемы сейчас существуют у российского общества, а каких нет по сравнению со странами Западной Европы.

Этап VIII. Выполнение творческого задания (10 мин.)

Каждой группе необходимо создать кластер/схему, либо нарисовать рисунок государства, которое, по мнению учащихся, будет идеальным (можно порекомендовать одной из групп создать таблицу, где будут отображены права и обязанности государства с одной стороны, и права и обязанности гражданина со второй. Такая таблица поможет ребятам ответить на проблемный вопрос, поставленный в начале занятия).

Этап IX. Афиширование (10 мин.)

Демонстрация проектов. В заключении данного этапа педагог может спросить ребят, признаки какого государства они только что называли. Тем самым вспоминается ещё одно важное понятие «правовое государство». Рекомендуется также связать данное понятие с современным состоянием Российского государства с целью осознания учащимися, что в стране не решен ряд проблем, тем не менее, государство прилагает множество усилий для создания правового государства.

Этап X. Рефлексия (5 мин.)

Учащиеся возвращаются к проблемному вопросу, заданному в начале занятия и подтверждают (или опровергают) свою гипотезу. Педагог подводит итоги мероприятия. В заключение он говорит о том, что современное российское общество переживает эпоху глобальных перемен и потрясений. Поэтому в настоящее время жизнь требует для своего развития новой личности — самостоятельно мыслящей, высоконравственной и толерантной, имеющей активную гражданскую позицию. Не менее важно чувствовать себя свободным и независимым человеком в своём Отечестве, быть уверенным в своей правоте и не бояться сказать, что дважды два — четыре.

Внеклассное мероприятие на тему «Свобода — это возможность сказать, что дважды два — четыре» имеет большое значение для развития гражданских качеств, самосознания, информированности, активности и позиции подростков. Проводя подобные внеклассные мероприятия, педагог воспитывает настоящих граждан Российской Федерации, являющихся наивысшей ценностью гражданского общества. Эффективное гражданское воспитание школьников — необходимое условие для обеспечения долгосрочной социальной стабильности и прогресса в стремительно изменяющемся мире.

Литература

1. Воробьёва, О. В., Шаматова, Ю. Ю. Антиутопия как «мостик в будущее» в формировании гражданского воспитания в обучении истории и обществознания // Преподавание истории в школе. 2018. № 1. С. 52–56.

2. Оруэлл Дж. 1984 / Пер. с англ. В. Голышева. М. : АСТ, 2016. 318 с.

3. Хаксли О. О дивный новый мир VS Оруэлл Дж. 1984 [Электронный ресурс] // Socioline.ru — Режим доступа: http://socioline.ru/book/oldos-haksli-o-divnyj-novyj-mir-dzhordzh-oruell-1984

4. Хаксли О. О дивный новый мир/ Пер. с англ. О. Сороки. М. : АСТ, 2015. 350 с.

Приложение А

Методика «Ты гражданином быть обязан»

Компонент гражданственности	Вопросы	Критерии оценивания
Патриотизм	1.Что, по Вашему мнению, Вы делаете для развития патриотизма в своей стране? А) изучаю государственный язык; Б) изучаю историю русского народа; В) изучаю Конституцию РФ Другое _____ _____ 2. Как вы считаете, необходимо ли воспитывать патриотизм и гражданственность у подрастающего поколения? Свой ответ обоснуйте.	1 вопрос — максимальное количество баллов – 5. 2 вопрос – 3 балла.
Политическая культура	1. Выберите правильный ответ: Россия является: А) федеративной монархией; Б) унитарной республикой; В) федеративной республикой; Г) унитарной монархией. 2. Какие признаки характерны для современной России? А) многопартийность; Б) централизованная экономика; В) свобода СМИ; Г) отсутствие оппозиции; Д) господство официальной идеологии; Е) всеобщее, равное, прямое голосование.	1 вопрос: 1 балл за правильный ответ, 0 баллов – за неправильный. 2 вопрос: 2 балла за правильный ответ, допущена 1 ошибка – 1 балл, допущены 2 и более ошибок – 0 баллов.
Правовая культура	1. Нарушали ли Вы когда-либо законы РФ? А) да; Б) нет. 2. «Закон превыше всего» – согласны ли вы с этим утверждением? Свой ответ обоснуйте.	1 вопрос: 1 балл; 2 вопрос: максимальный балл – 5.

Толерантность	1. Представьте, что один из ваших одноклассников другой национальности. Как бы вы к нему относились? А) положительно, как и ко всем. Б) нейтрально, не замечал бы его. В) отрицательно. 2. Необходимо ли быть толерантным? Свой ответ обоснуйте.	1 вопрос: ответ «А» – 2 балла, «Б» – 1 балл, «В» – 0 баллов. 2 вопрос: максимальное количество баллов – 3.
Нравственность	1. Какие качества были присущи Петру Гриневу и Алексею Ивановичу Швабрину – главным героям повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»? 2. Считаете ли вы себя высоконравственным человеком? Свой ответ обоснуйте.	За 1, 2 вопросы максимально можно получить 3 балла.
Отношение к учебному труду (трудовая культура)	1. Продолжи предложение: Я учусь в школе, потому что… 2. Приходите ли вы в школу с невыученными уроками? А) всегда; Б) часто; В) иногда; Г) очень редко; Д) никогда.	За ответ на 1 вопрос ученик может максимально получить 5 баллов, если он аргументировано и логично докажет зачем он учится в школе. 2 вопрос: ответы «А» и «Б» оцениваются в 0 баллов, «В» – 1 балл, «Г» – 2 балла, «Д» – 3 балла.
Экологическая культура	1. Участвовали ли вы в волонтёрских проектах по охране окружающей среды? А) да; Б) нет. 2. Бережно ли вы относитесь к миру вокруг нас? Если да, то каким образом?	1 вопрос: ответ «да» – 1 балл, «нет» – 0 баллов. 2 вопрос: максимальный балл – 3.
Физическая культура	1.Ведёте ли вы здоровый образ жизни? А) да; Б) нет. 1. Представьте, что ваш сверстник предложил вам сигарету, каковы ваши действия? А) откажусь; Б) соглашусь.	1 вопрос: ответ «да» – 1 балл, «нет» – 0 баллов. 2 вопрос: ответ «А» – 1 балл, ответ «Б» – 0 баллов.
Максимальное количество баллов – 42.		

Приложение Б

Фрагменты романов-антиутопий Дж. Оруэлла «1984», О. Хаксли «О дивный новый мир» для работы на уроке

Мир снаружи, за закрытыми окнами, дышал холодом. С каждого заметного угла смотрело лицо черноусого. С дома напротив тоже. СТАРШИЙ БРАТ СМОТРИТ НА ТЕБЯ, — говорила подпись, и темные глаза глядели в глаза Уинстону. Из своего окна он мог прочесть на белом фасаде написанные элегантным шрифтом три партийных лозунга:

ВОЙНА — ЭТО МИР
СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — СИЛА

В них помещались четыре министерства, весь государственный аппарат: министерство правды, ведавшее информацией, образованием, досугом и искусствами; министерство мира, ведавшее войной; министерство любви, ведавшее охраной порядка, и министерство изобилия, отвечавшее за экономику. На новоязе: миниправ, минимир, минилюб и минизо.

Министерство любви внушало страх. В здании отсутствовали окна. Партия стремилась помешать тому, чтобы между мужчинами и женщинами возникали узы, которые не всегда поддаются ее воздействию. Главным врагом была не столько любовь, — и в браке и вне его. У брака признавали только одну цель: производить детей для службы государству.

Ежедневно и чуть ли не ежеминутно в министерстве правды прошлое подгонялось под настоящее. Ни единого известия, ни единого мнения, противоречащего нуждам дня, не существовало в записях. Историю, как старый пергамент, выскабливали начисто и писали заново — столько раз, сколько нужно. Если, например, сегодня враг — Евразия (или Остазия, неважно, кто), значит, она всегда была врагом. А если факты говорят обратное, тогда факты надо изменить. Так непрерывно переписывается история.

Утверждению единомыслия служит новояз — единственный на свете язык, чей словарь с каждый годом сокращается. Задача новояза — сузить горизонты мысли. Все верования, обычаи, вкусы, чувства, взгляды, свойственные нашему времени, на самом деле служат тому, чтобы поддержать таинственный ореол вокруг партии и скрыть подлинную природу нынешнего общества.

Член партии с рождения до смерти живет на глазах у полиции мыслей. Где бы он ни был, спит он или бодрствует, работает или отдыхает, в ванне ли, в постели — за ним могут наблюдать, и он не будет знать, что за ним наблюдают. Небезразличен ни один его поступок. Свободы выбора у него нет ни в чем. *По Дж. Оруэллу «1984»*

***

Серое приземистое здание всего лишь в тридцать четыре этажа, и на геральдическом щите девиз Государства: «ОБЩНОСТЬ, ОДИНАКОВОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ».

— Главноуправитель! Представьте себе, юноши, сам Главноуправитель, Его Фордейшество Мустафа Монд! — Все вы помните, — сказал Главноуправитель своим звучным басом, — прекрасное и вдохновенное изречение господа нашего Форда:

«История — сплошная чушь». Пожав руки всем троим, Мустафа Монд обратился к Дикарю. — Итак, вам не очень-то нравится цивилизация, мистер Дикарь.

— Да, не нравится.

— Но теперь мир стабилен, устойчив. Люди счастливы; они получают все то, что хотят, и не способны хотеть того, чего получить не могут. Они живут в достатке, в безопасности; не знают болезней; не боятся смерти; блаженно не ведают страсти и старости; им не отравляют жизнь отцы с матерями; нет у них ни жен, ни детей, ни любовей — и, стало быть, нет волнений. Если же и случаются сбои, то к нашим услугам сома. Мы пожертвовали высоким искусством; даже и науку приходится иногда рассматривать как возможного врага. Да, и науку тоже.

— А может, ещё чем пожертвовали?

— Ну, разумеется, религией, — ответил Мустафа. Бог несовместим с машинами, научной медициной и всеобщим счастьем. Теперь нет и войн. А если все же приключится в кои веки неприятность, так ведь у вас всегда есть сома, чтобы отдохнуть от реальности.

— Не хочу я удобств. Я хочу Бога, поэзии, настоящей опасности, хочу свободы, и добра, и греха.

— Иначе говоря, вы требуете права быть несчастным. Прибавьте уж к этому право на старость, уродство, бессилие; право на сифилис и рак; право на недоедание; право на вшивость и тиф; право жить в вечном страхе перед завтрашним днем; право мучиться всевозможными лютыми болями.

— Да, это все мои права, и я их требую.

— Что ж, пожалуйста, осуществляйте эти ваши права, — сказал Мустафа Монд, пожимая плечами. *По О. Хаксли «О дивный новый мир»*

Приложение В

Сравнительная таблица миров Дж. Оруэлла и О. Хаксли

Критерий для сравнения	**Дж. Оруэлл**	**О. Хаксли**
Название государства/города		
Лозунг		
Органы власти		
Культура		
Семья и брак		
Отношение к войне		
Свобода человека		
Аппарат управления (принуждения)		

~

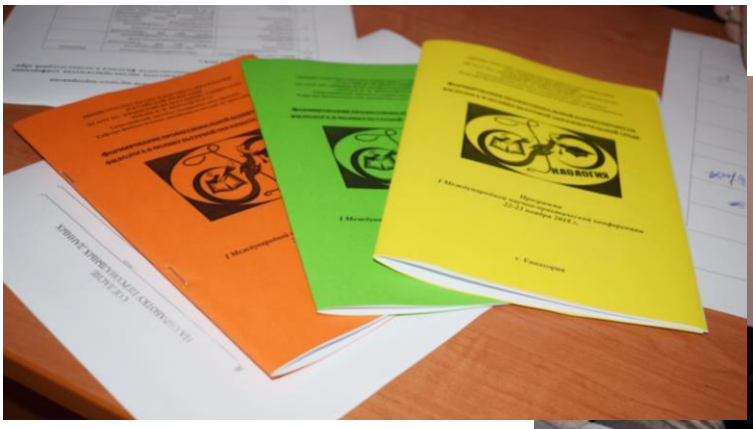
ХРОНИКА

«ФИЛОЛОГИЯ В ОСНОВЕ ... ВСЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Смелое заявление Д. С. Лихачёва о цивилизационной фундаментальности филологии — факт, по сути, не требующий доказательств. Его аксиоматичность подтверждают многовековое (а точнее тысячелетнее) присутствие «филологического духа» во всех без исключения сферах мыслительной и практической деятельности человека — от простого общения до ментальных кодов народов и эпох, запечатлённых в нетленном слове [3]. Наука, что «опредмечивает» потенциал языка, его бессмертие, и сама бессмертна, мир же «без филологии... — цивилизационная Сахара, проклятая Богом, мерзость запустения» [2]. Одухотворяющее влияние филологии, её общественное, а не только академически прикладное значение продемонстрировала научно-практическая конференция «**Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде**», организованная кафедрой филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (22 – 23 ноября 2018 года, Республика Крым, г. Евпатория). В этом году, значительно расширив свои горизонты, конференция, «выросшая» из научно-методического семинара кафедры, затем — ежегодно проводимых региональных научно-практических встреч, вышла на международный уровень кооперации научно-исследовательской мысли.

В приветственном слове глава оргкомитета И. Б. Каменская напомнила слушателям высказывание академика Д. С. Лихачёва о том, что «...филология есть связь всех связей. <...> Она нужна всем, кто пользуется языком...; слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия ... отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура» [1]. Сказанное справедливо и как сверхцель данной конференции: не только создать площадку для обсуждения актуальных проблем лингвистики, литературоведения и методики преподавания филологических дисциплин, но и способствовать развитию интеллектуальной, духовно-нравственной культуры полиэтничного крымского региона.

В мероприятии приняли участие около 200 человек из России, Украины, Беларуси и Китая, представляющие более 30 вузов и организаций Евпатории, Симферополя, Севастополя, Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара, Барнаула, Томска, Калининграда, Биробиджана, Ярославля, Челябинска, Петрозаводска, Минска, Луганска, Шанхая. Так как организаторами конференции ставится также задача обеспечения преемственности между всеми ступенями образования, то к участию в конференции были приглашены также учителя средних школ и специалисты дошкольных образовательных учреждений.



Программа конференции и студенты Евпаторийского института социальных наук (филиал) КФУ имени В. И. Вернадского — слушатели и участники конференции

Цель конференции — аккумуляция научных знаний, путей и методов профессионального развития и повышения компетентности будущих филологов. **Тематические векторы** включают три основных направления, представленные на секционных заседаниях:

- лингвистические,
- литературоведческие,
- психолого-педагогические и методические аспекты подготовки филолога в условиях поликультурного региона.

Доклады участников отражают разнообразие тем и проблем, вошедших в поле зрения современной филологической науки. Представим краткий обзор некоторых из них.

Пленарное заседание конференции открыла **Лилия Анатольевна Долгополова** (д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь) докладом «Современная грамматика: quo vadi», посвященным анализу современных грамматических теорий, выявлению их основных направлений и изменения объекта, задач исследования; уточнению интерпретации термина «грамматика» в современных лингвистических работах.

Руководитель московского отделения Международного общественного литературно-исторического проекта «Ф. М. Достоевский в Сибири — навстречу любви!» **Сергей Александрович Жогличев** (Москва) вовлек слушателей в занимательный процесс установления неизвестного адреса проживания Достоевского в Твери — последнем городе ссылки писателя — по материалам его эпистолярия, а также текста романа «Бесы», действие которого происходит в художественном топосе, «списанном» с этого города.

Глава программного комитета конференции **Ирина Борисовна Каменская** (канд. пед. наук, заведующая кафедрой филологических наук и

методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Евпатория) представила осмысление понятия «этнолингвистический символ», функционирующего в художественном тексте. Автор доклада определила термин в качестве семиотического концепта, форму выражения которого составляет лексема или слово-номинатор символа в тексте, а форму содержания — когнитивный концепт, чья семантика обусловлена взаимодействием с мифологемой и специфическими особенностями этнического характера, очерчивающих круг наиболее значимых для автора интерпретаций лингвокультурного символа.

Ментальность как категорию литературоведческого дискурса рассмотрела в своем докладе **Екатерина Евгеньевна Машкова** (канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русской филологии ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь). Отображая широкий круг литературоведческих исследований, автор проследила динамику понимания и разграничения терминов «национальная ментальность» и «литературная ментальность», сделав вывод о том, что «национальная ментальность в литературе исследуется посредством концепт-анализа», определяется «экстралитературными факторами», «проясняется при сопоставлении с национальными образами мира других национальных литератур»; литературная же ментальность детерминирована эстетическими принципами той или иной художественной парадигмы (романтической, модернистской, соцреалистической, постмодернистской и др.).

Особой актуальностью в контексте направления конференции обладает доклад **Галины Николаевны Боевой** (д-р филол. наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна», Санкт-Петербург) «Особенности профессиональной подготовки филолога в поликультурном регионе». Автор проводит параллели между спецификой поликультурности крымского региона и мегаполиса (Санкт-Петербурга), обозначая в качестве основы для сопоставления мифологизм обоих культурных регионов, породивший высокосемиотичный текст — «крымский», «петербургский». Связь «крымского текста» с русским литературным процессом позволила Г. Н. Боевой сделать справедливое заключение о том, что изучение региональной культурной составляющей является неотъемлемой частью филологической подготовки и интеграции крымского региона в общероссийское образовательное пространство.

Членом оргкомитета конференции **Мариной Александровной Шалиной** (канд. филол. наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Евпатория) в соавторстве с **Еленой Алексеевной Фёдоровой** (д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики коммуникации ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова», Ярославль) были представлены первые результаты системного исследования проблемы преподавания творчества Ф. М. Достоевского в высшей школе. Данный вопрос имеет острую значимость, так как анализ современных учебных и учебно-методических пособий свидетельствует о том, что во многих новейших источниках сохраняется прежний тенденциозный подход к творчеству Достоевского, который проявлялся в советское время. Авторами отмечены стереотипы, сохранившиеся в учебной литературе и связанные с односторонним подходом к текстам писателя в советской науке, а также недостаточное внимание, которое уделено духовно-нравственной проблематике и евангельским аллюзиям в романах

Достоевского. Вместе с тем, выделены те учебные пособия, в которых осуществлен целостный анализ произведений писателя. Поднята проблема необходимости аксиологического подхода к творчеству Достоевского, который позволит студентам — будущим учителям русского языка и литературы — не только войти в ценностное пространство произведений классика, но и обратиться к пониманию концептосферы русского народа.

Примером успешной преемственности знаний и традиций между высшим и средним образовательными звеньями может служить доклад

Валерия Валерьевича Горюнова, учителя русского языка и литературы МБОУ «Средняя школа № 11 города Евпатории Республики Крым», магистранта 2 года обучения кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Евпатория). Молодой учёный рассматривает влияние философии экзистенциализма на персонажную систему писателя-младоэмигранта Гайто Газданова, предлагает авторскую разработку типологии героев, а также выявляет особенности концепции человека в произведениях автора.

В работе конференции в качестве слушателей и докладчиков конференции активно участвовали студенты Евпаторийского института социальных наук.

По итогам конференции планируется издание сборника публикаций[1], куда войдут более 150 лучших научных работ. Мы надеемся, что взятая нами высокая планка научных мероприятий будет успешно удержана, и проведение конференций международного уровня станет традицией в Евпаторийском институте социальных наук.

Приглашаем всех к сотрудничеству в 2019 году, на II Международной конференции «Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде»! Адрес направления заявок на участие: **kafedra_2010@mail.ru**

М. А. Шалина,
кандидат филологических наук,
Евпаторийский институт социальных наук (филиал),
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Литература

1. Лихачёв, Д. С. О филологии. М. : Высшая школа, 1989. 207 с.
2. Мандельштам, О. Э. Сочинения: в 2 т. Т. 2 : Проза. М. : Художественная литература, 1990. 464 с.
3. Херльт, Й. Особенности филологического самосознания в русской культуре XX века: Мандельштам, Розанов, Аверинцев // Учёные записки Казанского университета. 2011. Т. 153, Кн. 2 : Гуманитарные науки. С. 13–29.

[1] **Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде :** сб. материалов I Международной научно-практической конференции, 22-23 ноября 2018 г., г. Евпатория / Ред. кол. Ю. К. Картавая, И. Б. Каменская, М. А. Шалина ; под общ. ред. И. Б. Каменской. — Симферополь : ИТ «Ариал», 2018. — 299 с.

Авторам

Приём материалов для публикации
в **№ 1 (8) за 2019 год**
журнала
«Гуманитарная парадигма»
проводится
до 1 марта 2019 года.

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-гуманитариев — учёных, исследователей, докторантов и аспирантов, студентов и магистрантов, работников культурной и просветительской сфер, представителей творческой интеллигенции.

Наш журнал:
- научно-аналитический,
- практико-методологический,
- литературно-творческий.